

Вестник¹⁶⁺

Башкирского государственного
педагогического университета
им. М. Акмуллы

Серия:
Филологические науки

2/2025

ВЕСТНИК

БАШКИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. М. АКМУЛЛЫ

Научно-практический журнал

Серия:

Филологические науки

№ 2/ 2026

Учредитель
Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Башкирский государственный
педагогический университет им.
М. Акмуллы»

Адрес издателя и учредителя:
450077, РБ, г. Уфа,
ул. Октябрьской революции, 3-а.

Адрес редакции:
450077, РБ, г. Уфа,
ул. Октябрьской революции, 3-а,
корп. 3., каб. 02
Тел.: 8 (347) 246-92-42
E-mail: vestnik.bspu@yandex.ru

© Редакция Вестника БГПУ
им. М. Акмуллы.
© Муратов И.М., обложка, 2024.
Издается с 2000 года.

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по
надзору в сфере связи,
информационных технологий и
массовых коммуникаций.
Рег. №: ПИ №ФС77-87974
от 30 июля 2024 г.

Ответственный редактор:
Аманбаева З.С.

Ответственный секретарь:
Масалимова В.В.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Давлетишина Л.Х.

Международный словарный проект как методологическая проблема: к вопросу о сопоставимости материалов по тюркской мифологии 3

Нафикова А.Р., Семенова П.В.

Культурный код в вирусном интернет-контенте (мемы, тренды, челленджи) 16

Хураמיшина А.Р.

Концепт «Жизнь» в поэтических произведениях Мунира Кунафина 30

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Мухаметзянова Л.Х.

Роль локальных фольклорных традиций в сохранении этнокультурного единства народа (на материале современного словесного творчества Азнакаевского района РТ) 39

Ондар М.В.

Сюжетно-композиционная структура эпического произведения «Сын Хур-Кужугета Сергек с Темно-Рыжим конём» 53

Радь Э.А.

Кукла-заместитель и герой-двойник: нарративные стратегии исцеления травмы в русской литературе и бережных практиках Средней России и Поволжья 67

Хусайнова Г.Р.

Тюркоязычные рукописные дастаны любовного содержания: сходства и особенности (на примере татарского, башкирского, ногайского, азербайджанского и казахского материала) 79

Шарафитдинова Л.И

Благопожелания как социокультурный и поэтико-философский жанр в тюркском мире (на примере кыргызского и башкирского фольклора) 88

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Назаров Г.Б.

Приобщение будущего педагога к отечественному культурному наследию и фольклору как фактор гражданско-патриотического воспитания личности 101

ДОСТИЖЕНИЯ НАУКИ. ИЗВЕСТНЫЕ УЧЁНЫЕ. ХРОНИКА

Камалова Г.Р., Шакурова Ш.Р.

Рашит Шакуров: вклад в развитие отечественной фольклористики 118

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Общие положения 135

Рекомендуемая структура публикаций 136

Требования к текстовой части статьи 145

Образцы оформления ссылок на литературу 146

Научная статья

УДК 398.2

DOI: 10.21510/3034-2694-2026-2-4-15

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЛОВАРНЫЙ ПРОЕКТ КАК МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА: К ВОПРОСУ О СОПОСТАВИМОСТИ МАТЕРИАЛОВ ПО ТЮРКСКОЙ МИФОЛОГИИ

Лейла Хасановна Давлетшина

*Институт языка, литературы и искусства имени
Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань,
Россия*

leyla.davletshina@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1222-957X

Аннотация. В статье рассматриваются методологические проблемы подготовки международного энциклопедического словаря по тюркской мифологии на материале проекта «Мифологический словарь тюркских народов», реализуемого при координации Международной тюркской академии. Актуальность исследования определяется тем, что коллективные словарные проекты в области тюркской мифологии требуют не только накопления и публикации материалов, но и выработки единых принципов их научного описания. Цель статьи состоит в выявлении основных трудностей, возникающих при сопоставлении мифологических материалов разных тюркских традиций, и в определении подходов, позволяющих обеспечить их сравнимость без утраты локальной специфики. Исследование основано на анализе русскоязычных словарных статей, редакторской практики, материалов татарской мифологии, а также сравнительных данных по другим тюркским традициям. Особое внимание уделяется типологическому сопоставлению мифологических персонажей, унификации структуры словарной статьи, согласованию терминологии и сохранению национальных мифологических терминов. Показано, что формальное сходство номинаций не может служить достаточным основанием для отождествления мифологических образов: при описании необходимо учитывать функции персонажа, его локализацию, внешний облик, формы взаимодействия с человеком, круг мотивов и место в системе традиционных представлений. На материале татарской традиции рассматривается проблема передачи категории *ия*, связанной с представлениями о хозяевах локусов и правилах взаимодействия человека с невидимым миром. Обосновывается необходимость сохранения локальных терминов с последующим научным комментарием. Отдельно анализируется роль

редакторской координации, которая в международном словарном проекте выступает не только техническим этапом подготовки текста, но и частью исследовательской методологии. Такой подход позволяет рассматривать словарную статью как форму научного моделирования материала, где структура описания влияет на возможности дальнейшего сравнения. Делается вывод о том, что международные словарные проекты по тюркской мифологии следует рассматривать не только как справочные издания, но и как пространство формирования новых подходов к сравнительному изучению мифологических традиций.

Ключевые слова: тюркская мифология, сравнительная фольклористика, мифологический словарь, локальная традиция, мифологический персонаж, терминология

Для цитирования: Давлетшина Л.Х. Международный словарный проект как методологическая проблема: к вопросу о сопоставимости материалов по тюркской мифологии // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Серия: Филологические науки. 2026. № 2. С. 4–15.

LINGUISTICS

Original article

INTERNATIONAL DICTIONARY PROJECT AS A METHODOLOGICAL PROBLEM: ON THE COMPARABILITY OF MATERIALS IN TURKIC MYTHOLOGY

Leyla Kh. Davletshina

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan
Academy of Sciences, Kazan, Russia*

leyla.davletshina@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-1222-957X

Abstract. The article examines the methodological problems involved in preparing an international encyclopedic dictionary of Turkic mythology based on the project “Mythological Dictionary of Turkic Peoples”, carried out under the coordination of the International Turkic Academy. The relevance of the study is determined by the fact that collective dictionary projects in the field of Turkic mythology require not only the accumulation and publication of materials, but also the development of unified principles for their scholarly description. The purpose of the article is to identify the main difficulties arising in the comparison of mythological materials from different Turkic traditions and to determine approaches that make it possible to ensure their comparability without losing local specificity.

The study is based on the analysis of Russian-language dictionary entries, editorial practice, materials on Tatar mythology, as well as comparative data from other Turkic traditions. Particular attention is paid to the typological comparison of mythological characters, the unification of dictionary entry structure, the coordination of terminology, and the preservation of national mythological terms. The article demonstrates that formal similarity of nominations cannot serve as a sufficient basis for identifying mythological images as identical: their description must take into account the functions of the character, localization, appearance, forms of interaction with humans, the range of motifs, and the place of the image within the system of traditional beliefs.

Using materials from the Tatar tradition, the article examines the problem of conveying the category *iya*, associated with beliefs about the masters of particular loci and the rules governing interaction between humans and the invisible world. The necessity of preserving local terms accompanied by scholarly commentary is substantiated. Particular attention is also given to the role of editorial coordination, which in an international dictionary project functions not only as a technical stage of text preparation, but also as part of the research methodology. Such an approach makes it possible to regard the dictionary entry as a form of scholarly modeling of the material, where the structure of description influences the possibilities for further comparison. The author concludes that international dictionary projects on Turkic mythology should be considered not only as reference publications, but also as a space for developing new approaches to the comparative study of mythological traditions.

Keywords: Turkic mythology, comparative folklore studies, mythological dictionary, local tradition, mythological character, terminology

For citation: Davletshina L.Kh. International dictionary project as a methodological problem: on the comparability of materials in Turkic mythology. Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. Series: Philological Sciences. 2026, No. 2, pp. 4–15.

Введение

Современная тюркология всё чаще обращается к крупным коллективным проектам, позволяющим рассматривать культурное наследие тюркских народов не изолированно, а в системе исторических, типологических и межкультурных связей. Особенно заметна эта потребность в области изучения мифологии, где исследователь имеет дело не только с фольклорным текстом, но и с языком, этнографическим контекстом, религиозными представлениями, локальной историей и современными формами бытования традиции. В методологическом плане для настоящей статьи важны подходы, при которых миф осмысливается не как изолированный

сюжет, а как структура и модель организации традиционного знания [8; 9].

Одним из таких проектов является «Мифологический словарь тюркских народов», реализуемый Международной тюркской академией [1]. Его подготовка предполагает включение материалов разных тюркских традиций и публикацию словарных статей на нескольких языках. Уже сама структура проекта показывает, что речь идет не о простом объединении готовых авторских текстов, а о создании общего научного пространства, в котором должны быть согласованы принципы отбора, описания и сопоставления материала.

Проблема заключается в том, что мифологические системы разных тюркских народов не могут быть сведены к набору прямых соответствий. Сходные названия персонажей, близкие функции или общие мотивы еще не означают полной тождественности образов. В словарной работе особенно отчетливо обнаруживаются границы сопоставления: один и тот же тип персонажа в разных традициях может иметь различные функции, локусы, формы взаимодействия с человеком и степень включенности в обрядовую практику.

Существенную роль в систематизации мифологических представлений сыграли энциклопедические и словарные издания, посвященные мифологии народов мира и отдельным мифологическим системам [2; 3]. Для изучения тюркских мифологических представлений и шаманских практик принципиальны классические труды А. В. Анохина, Л. П. Потапова и В. Н. Басилова [4; 5; 6]; при анализе связи мифологического образа с ритуалом и пространством учитывался структурно-семантический подход А. К. Байбурина [7]. В татарской фольклористике вопросы структурной организации мифологической системы, разграничения верхней и низшей мифологии, а также состава мифологических жанров подробно рассматривались в академических и источниковедческих изданиях последних лет [10, б. 10–12; 11, б. 9–12].

Цель настоящей статьи — выявить основные методологические проблемы, возникающие при подготовке международного словаря тюркской мифологии, и определить принципы, позволяющие обеспечить возможность сравнения материалов без утраты локальной специфики. Научная новизна исследования состоит в том, что международный словарный проект рассматривается не только как издательская форма систематизации материала, но и как самостоятельная методологическая проблема современной тюркологической фольклористики.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили русскоязычные статьи проекта «Мифологический словарь тюркских народов», а также

материалы по татарской мифологии: опубликованные фольклорные тексты, этнографические описания, лексикографические источники и экспедиционные записи конца XX — начала XXI в. Особое значение имел опыт подготовки статей по татарской мифологии и редакторского выравнивания русскоязычных материалов, относящихся к разным тюркским традициям. В анализе учитывались также работы, в которых татарская мифология рассматривается с точки зрения мусульманской персонажной сферы, древнетюркского пласта, источниковой базы и современного бытования мифологических представлений [12, с. 29–42; 13, с. 43–54; 15, с. 124–135].

Материалы по татарской мифологии важны для настоящего исследования как пример сложной источниковой базы. В академическом томе «Мифология» отмечается, что корпус татарской мифологии включает мифологические рассказы, легенды, заговоры, верования, запреты, приметы и другие формы, отражающие мифологическое мышление [10, б. 12]. Подобный подход позволяет рассматривать мифологию не как совокупность отдельных персонажей, а как систему представлений, связанных с повседневной практикой, обрядом и языковой традицией.

В работе использованы сравнительно-типологический и структурно-семантический методы. При организации словарного материала применялись элементы лексикографического анализа. При сопоставлении персонажей учитывались не только названия и возможные этимологические сближения, но и функции, локусы, внешний облик, ситуации контакта с человеком и место образа в системе традиционных представлений.

Результаты исследования

Одной из первых трудностей, выявившихся в ходе работы над словарем, стала проблема границ типологического сопоставления. В тюркских традициях нередко встречаются близкие по звучанию номинации, которые могут восприниматься как обозначения одного и того же персонажа. Однако для научного описания этого недостаточно: сходство имени, даже поддержанное возможными этимологическими связями, не всегда совпадает с функциональной и семантической близостью образа.

Показательна в этом отношении группа персонажей типа *албасты* / *албаслы* / *алмосты* и других сходных номинаций. При внешнем сходстве названий такие образы могут различаться по полу, функциям, локусам, формам вредоносного воздействия, связи с женской репродуктивной сферой, болезнью, ночным страхом или пограничными состояниями человека. Механическое объединение подобных персонажей в одну «общетюркскую» схему неизбежно приводит к упрощению материала.

В словарной статье важно учитывать не только номинацию

персонажа, но и весь комплекс связанных с ним признаков: функции, локализацию, ситуации контакта с человеком, круг мотивов и сюжетов. Подобный подход соответствует пониманию мифологической системы как сложного единства представлений о персонажах, их функциях, самостоятельных мотивах и мифологической лексике. Проблема идентификации и сравнения мифологических персонажей требует именно такого многоуровневого описания: один и тот же образ должен рассматриваться не только по названию, но и по системе функций и контекстов бытования [14, с. 1775]. Для международного словаря этот принцип особенно важен, поскольку позволяет отделять реальную типологическую близость от внешнего сходства названий.

Не менее сложной оказалась проблема перевода и унификации локальных мифологических терминов. Прямой перевод национального термина на русский язык не всегда передает содержание понятия. Особенно заметно это при описании персонажей, связанных с домом, лесом, водой, баней, хозяйственными постройками и другими пространствами традиционной культуры.

В татарской традиции важное место занимает категория *ия*, которые определяются как хозяева природных объектов и человеческого жилища; при соблюдении определенных норм они могут восприниматься как благожелательные к человеку существа. Поэтому перевод *ия* только как «дух-хозяин» требует пояснения: за термином стоит не просто персонаж, а модель отношений между человеком, пространством и невидимым миром. Низшая мифология татар включает представления о духах-хозяевах и вредоносных персонажах, не обладающих статусом божеств. К числу таких персонажей относятся *жәң*, *албасты*, *убыр*, *өрак*, *шүрәле* и др.; в традиционных рассказах они объясняют несчастья, болезни, душевные расстройства и иные нарушения жизненного порядка [10, б. 11–12].

Опыт редактирования показал, что чрезмерная терминологическая унификация создает иллюзию полной сопоставимости. За внешне близкими определениями могут стоять разные представления о границах «своего» и «чужого», о правилах поведения в пространстве, о допустимых и запретных формах контакта с невидимым. Сохранение локального термина с последующим пояснением оказывается не стилистическим приемом, а необходимым условием научной точности.

В ходе подготовки словаря выявилась еще одна трудность — различное понимание жанра энциклопедической статьи. Авторы, принадлежащие к разным научным школам, по-разному определяют объем описания, степень детализации и соотношение основного материала с контекстом. Одни тексты строились как краткие

энциклопедические справки, другие напоминали развернутые этнографические очерки, где подробно описывались хозяйственный уклад, календарная обрядность, локальные практики и бытовая среда.

Подобная неоднородность усложняла сопоставление материалов. Сопоставимые персонажи описывались по разным моделям, объем контекста становился несоразмерным, а степень детализации зависела не столько от специфики образа, сколько от индивидуальной авторской манеры. Особенно заметной проблема становилась при описании персонажей, тесно связанных с обрядовой или хозяйственной практикой.

Работа над русскоязычными материалами потребовала выработки более устойчивой модели словарной статьи. В качестве обязательных компонентов были выделены: название и варианты номинации, тип персонажа, локализация, внешний облик, функции, ситуации контакта с человеком, основные мотивы и сюжеты, источники и литература. Единая структура позволяла удерживать возможность сравнения материалов, не устраняя специфики отдельных традиций. Структура словарной статьи выступала не только техническим требованием, но и инструментом сравнительного анализа.

Подготовка международного словаря показала, что редакторская работа в подобных проектах выходит далеко за пределы технической обработки текста. Согласование терминологии, структуры статьи, принципов перевода и степени детализации материала напрямую связано с вопросами научного сравнения. На редакторском уровне приходилось разграничивать случаи типологической близости и формального сходства персонажей, уточнять функциональные характеристики образов, сокращать избыточные этнографические фрагменты и выравнивать понятийный аппарат. Особую сложность представляли статьи с локальными терминами, фольклорными фрагментами и номинациями, не имеющими точного русского соответствия.

Редакторская обработка становится частью исследовательской процедуры, поскольку именно на этом этапе определяется степень допустимого обобщения, соотношение локального и сравнительного компонентов, а также способы представления мифологического материала в единой системе описания. Существенную роль сыграла и цифровая среда: единые шаблоны статей, электронные таблицы терминов, дистанционное обсуждение спорных случаев и поэтапное редактирование версий позволили поддерживать относительное единство структуры при работе с материалами различной степени полноты и изученности.

Обсуждение

Подготовка международного словаря показала, что основная методологическая сложность подобных проектов связана с

необходимостью одновременно решать две задачи: обеспечивать возможность сравнения материалов и сохранять локальную специфику отдельных традиций. Механическая унификация в подобных случаях оказывается непродуктивной, поскольку сглаживает значимые различия между локальными мифологическими системами.

Наиболее отчетливо проблема проявляется при попытке выстраивания условной модели «единой тюркской мифологии». Сходство названий или отдельных функций персонажей еще не означает полной идентичности образов. Международный словарь в подобной ситуации оказывается не системой окончательно установленных соответствий, а сопоставимым корпусом данных, позволяющим одновременно видеть и общие типологические черты, и различия между традициями.

Состав низшей мифологии сам по себе показывает ограниченность прямых сопоставлений. В академическом томе «Мифология» отмечается, что тексты о *жген, пари, шайтан, утлы елан, ерак, убыр, бичура, шурале, албасты* восходят к разным культурным пластам: исламской, иранской, тюркской и финно-угорской традициям [10, б. 55]. Для международного словаря подобная неоднородность принципиальна: внешне близкие персонажи могут иметь разную историю формирования и различное место в локальной системе верований.

Проведенное исследование позволяет разграничить задачи сравнительной мифологии и сравнительно-сопоставительного словарного описания. Классическая сравнительная мифология в значительной степени ориентирована на реконструкцию общих моделей и предполагаемых историко-культурных связей. Международный словарный проект требует иной исследовательской оптики: первостепенное значение приобретает не поиск максимально широких параллелей, а определение границ сопоставимости. Такая постановка вопроса соотносится с пониманием мифа как устойчивой, но вариативной модели, реализующейся в конкретных формах устной традиции [8; 9].

Редакторская координация в подобных проектах связана не только с устранением стилистической неоднородности. На редакторском уровне происходит согласование принципов описания, уточнение терминологии и выработка общей модели представления материала. Современные цифровые инструменты постепенно становятся не только техническим средством организации материала, но и важным элементом сравнительного исследования.

Заключение

Подготовка международного словаря тюркской мифологии представляет собой не только издательский и организационный

процесс, но и сложную методологическую задачу. Работа над словарными статьями показала, что вопросы терминологии и структуры статьи напрямую влияют на интерпретацию мифологического материала.

Сопоставление материалов разных тюркских традиций подтвердило, что формальное сходство номинаций не может рассматриваться как достаточное основание для отождествления персонажей. Научное описание требует учета функций образа, его локализации, системы взаимодействия с человеком и места в структуре традиционных представлений. Прямой перевод локальных терминов также не всегда позволяет сохранить их семантическое содержание.

Опыт подготовки международного словаря позволяет рассматривать подобные проекты как пространство выработки новых подходов к сравнительному изучению мифологических традиций. Научная ценность таких изданий определяется не попыткой построения условной «единой тюркской мифологии», а возможностью представить локальные традиции в сопоставимом исследовательском поле. Перспективы дальнейшей работы связаны с созданием цифровых корпусов мифологических текстов, расширением сравнительно-типологических исследований и более детальным изучением локальных моделей мифологического мышления в тюркских культурах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Mythological Dictionary of Turkic Peoples [Электронный ресурс] // Turkic Academy. URL: <https://turkicacademy.org/open-call/mythological-dictionary-turkic-peoples> (дата обращения: 27.05.2026).
2. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. Москва: Сов. энцикл., 1991. 736 с.
3. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. 2-е изд. Москва: Сов. энцикл., 1987–1988.
4. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев, собранные во время путешествий по Алтаю в 1910–1912 гг. Ленинград: Изд-во Рос. акад. наук, 1924. 152 с.
5. Потапов Л.П. Алтайский шаманизм / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Ленинград: Наука, 1991. 319 с.
6. Басилов В.Н. Избранники духов. Москва: Политиздат, 1984. 207 с.
7. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. Санкт-Петербург: Наука, 1993. 240 с.
8. Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov4.htm> (дата обращения: 27.05.2026).

9. Неклюдов С.Ю. О мифологических моделях в устной традиции [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov79.htm> (дата обращения: 27.05.2026).

10. Татар халык ижаты: 25 томда. 1 т.: Мифология / төз., иск. һәм анл. эзерл., кереш сүз авт. Л.Х. Дәүләтшина. Казан: Татар. кит. нәшр., 2021. 511 б.

11. Татар халкының мифологик ышанулары (XX гасыр ахыры – XXI гасыр башы экспедиция язмалары буенча) / кереш мәкалә авт. Л.Х. Дәүләтшина; төз. Л.Х. Дәүләтшина, Ф.Х. Жәүһәрова. Казан: Ихлас, 2016. 201 б.

12. Давлетшина Л.Х. Мусульманская мифология и традиционная культура татар: персонажная сфера // Тюркологические исследования. 2020. Т. 3. № 2. С. 29–42.

13. Давлетшина Л.Х. Древнетюркская мифология и фольклорная традиция татар: истоки и полисемантизм образов // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. 2021. № 5 (85). С. 43–54.

14. Мухаметзянова Л.Х., Давлетшина Л.Х. Роль устных и письменных памятников в изучении мифологии татар: обзор и систематизация источников // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 6. С. 1775–1780.

15. Давлетшина Л.Х. Персонаж жен в современных представлениях поволжских татар // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 1. С. 124–135. DOI: 10.26158/TK.2020.21.1.009.

REFERENCES

1. Mythological Dictionary of Turkic Peoples [Electronic resource]. Turkic Academy. Available at: <https://turkicacademy.org/open-call/mythological-dictionary-turkic-peoples> (accessed 27 May 2026).

2. Mifologicheskij slovar' [Mythological Dictionary] / ed. by E.M. Meletinskij. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1991. 736 p.

3. Mify narodov mira: entsiklopediya: v 2 t. [Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia: in 2 vols.] / ed. by S.A. Tokarev. 2nd ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya, 1987–1988.

4. Anokhin A.V. Materialy po shamanstvu u altajtsev, sobrannye vo vremya puteshestvij po Altayu v 1910–1912 gg. [Materials on Shamanism among the Altaians Collected during Expeditions to Altai in 1910–1912]. Leningrad: Russian Academy of Sciences Publ., 1924. 152 p.

5. Potapov L.P. Altajskij shamanizm [Altai Shamanism]. Leningrad: Nauka, 1991. 319 p.

6. Basilov V.N. Izbranniki dukhov [Chosen by Spirits]. Moscow: Politizdat, 1984. 207 p.

7. Bajburin A.K. Ritual v traditsionnoj kul'ture: strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskikh obryadov [Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rituals]. Saint Petersburg: Nauka, 1993. 240 p.
8. Neklyudov S.Yu. Struktura i funktsiya mifa [Structure and Function of Myth] [Electronic resource]. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov4.htm> (accessed 27 May 2026).
9. Neklyudov S.Yu. O mifologicheskikh modelyakh v ustnoj traditsii [On Mythological Models in Oral Tradition] [Electronic resource]. Available at: <https://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov79.htm> (accessed 27 May 2026).
10. Tatar khalyk ijaty: 25 tomda. 1 t.: Mifologiya [Tatar Folk Art: in 25 vols. Vol. 1: Mythology] / comp., introd. and comment. by L.Kh. Davletshina. Kazan: Tatar. kit. nashr., 2021. 511 p.
11. Tatar khalkynyn mifologik yshanulary (XX gasyr akhyry – XXI gasyr bashy ekspeditsiya yazmalary buyencha) [Mythological Beliefs of the Tatars (Based on Expedition Records of the Late 20th – Early 21st Century)] / introd. by L.Kh. Davletshina; comp. by L.Kh. Davletshina, F.Kh. Zhauharova. Kazan: Ikhlās, 2016. 201 p.
12. Davletshina L.Kh. Musul'manskaya mifologiya i traditsionnaya kul'tura tatar: personazhnaya sfera [Muslim Mythology and Traditional Tatar Culture: The Sphere of Mythological Characters]. Tyurkologicheskie issledovaniya, 2020, vol. 3, no. 2, pp. 29–42.
13. Davletshina L.Kh. Drevnetyurkskaya mifologiya i fol'klornaya traditsiya tatar: istoki i polisemantizm obrazov [Ancient Turkic Mythology and the Tatar Folklore Tradition: Origins and Polysemantic Nature of Images]. Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M.K. Ammosova, 2021, no. 5 (85), pp. 43–54.
14. Mukhametzyanova L.Kh., Davletshina L.Kh. Rol' ustnykh i pis'mennykh pamyatnikov v izuchenii mifologii tatar: obzor i sistematizatsiya istochnikov [The Role of Oral and Written Sources in the Study of Tatar Mythology: Review and Systematization of Sources]. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki, 2022, vol. 15, no. 6, pp. 1775–1780.
15. Davletshina L.Kh. Personazh žen v sovremennykh predstavleniyakh povolzhskikh tatar [The Character Жен in Contemporary Beliefs of the Volga Tatars]. Traditsionnaya kul'tura, 2020, vol. 21, no. 1, pp. 124–135. DOI: 10.26158/TK.2020.21.1.009.

Информация об авторе

Л.Х. Давлетишина – доктор филологических наук Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, зав. отделом народного творчества, Казань, Россия, К. Маркса, 12.
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

L.Kh. Davletshina – Doctor of Philology, Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Head of the Folklore Department, 12 K. Marx St., Kazan, Russia.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.05.2026; принята к публикации 13.06.2026.

The article was submitted 28.05.2026; accepted for publication 13.06.2026.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 316.77:008

DOI: 10.21510/3034-2694-2026-2-16-29

КУЛЬТУРНЫЙ КОД В ВИРУСНОМ ИНТЕРНЕТ-КОНТЕНТЕ (МЕМЫ, ТРЕНДЫ, ЧЕЛЛЕНДЖИ)

Алина Раисовна Нафикова¹, Полина Викторовна Семенова²

*^{1,2}Баширский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, Уфа, Россия*

¹ nafikova-0203@mail.ru

² Pauline.lo@rambler.ru

Аннотация. Данная статья посвящена анализу феномена вирусного интернет-контента и рассматривает его как средства передачи культурного кода в цифровой среде. В работе исследуются причины, которые лежат в основе дихотомии «глобальное против локального» в процессах распространения медиавирусов. Путем сравнительного анализа конкретных кейсов выявляются закономерности, по которым контент модифицируется в зависимости от специфики национального сегмента социальных сетей. Теоретическую и методологическую основу исследования составили теория мемов Ричарда Докинза, предложенная Роландом Робертсоном и Джорджем Ритцером концепция глокализации, а также семиотический подход к изучению поликодовых текстов. В качестве эмпирического материала были проанализированы несколько примеров. Глобальный мем «Отвлечённый парень» продемонстрировал низкий контекстуальный барьер и опору на универсальные архетипы. Локальный феномен «эстетики панелек» был исследован как пример, несущий архитектурно-бытовой код, концепт «русской тоски» и обладающий лингвистической герметичностью. Изучена трансформация глобального флешмоба Ice Bucket Challenge в индийский Rice Bucket Challenge. Анализ показал адаптацию к местным экономическим и культурным реалиям.

Также рассмотрен российский контр-тренд на песню Ольги Бузовой «Мало половин», который характеризуется визуальным диссонансом и самоиронией как механизмом глокализации.

Результаты исследования показали, что виральность контента определяется не столько алгоритмическим продвижением, сколько его

семантическим резонансом с культурным кодом целевой аудитории. Глобальные мемы, как правило, имеют низкий контекстуальный барьер и обращаются к общечеловеческим архетипам. Локальные же феномены требуют от пользователя более глубокого понимания специфического бытового и исторического контекста. Главным механизмом культурной адаптации выявлена глокализация, которая проявляется в адаптивных (подобно Rice Bucket Challenge) и в иронических формах (как в случае российских контр-трендов). Отдельное внимание акцентируется на этической стороне распространения интернет-мемов, которая на данный момент остается недостаточно изученной. Практическая значимость полученных выводов состоит в их применимости в сфере международного маркетинга, культурной дипломатии и разработке образовательных коммуникаций.

Ключевые слова: культурный код, медиавирус, интернет-мем, глокализация, TikTok-тренд, цифровая антропология, семиотика

Для цитирования: Нафикова А.Р., Семенова П.В. Культурный код в вирусном интернет-контенте (мемы, тренды, челленджи) // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы. Серия: Филологические науки. 2026. №2. С. 16-29.

PHILOLOGICAL SCIENCES

Original article

CULTURAL CODE IN VIRAL INTERNET CONTENT (MEMES, TIKTOK TRENDS, CHALLENGES)

Alina R. Nafikova¹, Polina V. Semenova²

^{1,2} *Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla, Ufa, Russia*

¹ *nafikova-0203@mail.ru*

² *Pauline.lo@rambler.ru*

Abstract. This article analyzes the phenomenon of viral internet content, such as internet memes, TikTok trends, and challenges, viewing them as vehicles for transmitting cultural codes within the digital environment. The paper investigates the underlying reasons for the "global versus local" dichotomy in the spread of media viruses. Through a comparative analysis of specific case studies, patterns are identified in how content is modified depending on the specifics of national segments within social networks. The theoretical and methodological framework of the research is based on Richard Dawkins' meme theory, Roland Robertson and

George Ritzer's concept of glocalization, and a semiotic approach to the study of polycode texts. Several examples were analyzed as empirical material. The global meme "Distracted Boyfriend" demonstrated a low contextual barrier and reliance on universal archetypes. The local phenomenon of "panel block aesthetics" was examined as an example carrying an architectural and everyday code, the concept of "Russian toska" (melancholy/longing), and possessing linguistic hermeticity. The transformation of the global Ice Bucket Challenge into the Indian Rice Bucket Challenge was studied, revealing an adaptation to local economic and cultural realities. Additionally, the Russian counter-trend to Olga Buzova's song "Malo Polovin" (Few Halves) was considered, characterized by visual dissonance and self-irony as a mechanism of glocalization. The research results indicate that content's virality is determined not so much by algorithmic promotion as by its semantic resonance with the target audience's cultural code. Global memes typically have a low contextual barrier and appeal to universal archetypes. Local phenomena, however, demand a deeper understanding from the user of specific everyday and historical contexts. Glocalization is identified as the main mechanism of cultural adaptation, manifesting in both adaptive (like the Rice Bucket Challenge) and ironic forms (as in the case of Russian counter-trends). Special attention is given to the ethical dimension of internet meme dissemination, which currently remains understudied. The practical significance of the findings lies in their applicability to international marketing, cultural diplomacy, and the development of educational communications.

Keywords: cultural code, media virus, internet meme, glocalization, TikTok trend, digital anthropology, semiotics

For citing: Nafikova A.R., Semenova P.V. Cultural code in viral internet content (memes, trends, challenges) // Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmully. Series: Philological Sciences. 2026. №2. pp. 16-29.

Введение. Феномен вирусного контента – интернет-мемы, короткие видеоролики, массовые челленджи – в условиях всеобъемлющей цифровизации перестает быть лишь элементом развлекательной или маркетинговой коммуникации. Он превращается в значимый объект междисциплинарного научного изучения, находящийся в фокусе внимания цифровой антропологии и семиотики культуры. Интернет-мем прошёл эволюционный путь от особенностей текста до оригинальной интернет-культуры с множеством отдельных историй и персонажей [1]. Данное смещение исследовательского интереса сопровождается переосмыслением ключевых движущих сил виральности: на первый план выходят не столько технологические

условия (такие как архитектура платформ и алгоритмы ранжирования), сколько факторы культурно-смыслового порядка [2].

Вопросам изучения данной темы посвящено множество работ как в России, так и за рубежом. Фундаментом для исследования интернет-мемов послужила концепция репликации культурных единиц, предложенная Р. Докинзом [6], которая впоследствии была развита в трудах Л. Шифман, интерпретирующей мемы как базовые элементы цифрового пространства [3]. В отечественной науке значимый вклад в раскрытие темы внесли Ю.В. Щурина, выделившая жанровые характеристики интернет-мемов [5], Е.Ф. Косиченко, анализирующая их в контексте комического жанра [9], и Н.В. Гладкая, сосредоточившаяся на изучении семантики данного феномена [10]. Теоретические аспекты глокализации в цифровой среде отражены в публикациях Р. Робертсона [13] и Дж. Ритцера [12], тогда как конкретные примеры адаптации глобальных трендов к локальным культурам исследуются в работах В.С. Расторгуевой [14] и А.В. Гликиной [15].

Если прежде распространение контента в значительной степени объяснялось механикой цифровых платформ – их способностью алгоритмически усиливать материалы за счет персонализированных рекомендаций и вовлеченности пользователей, – то сегодня центральным критерием становится семантическое и ценностное соответствие контента культурному коду целевой аудитории [3]. Успех медиавируса определяется тем, насколько точно он резонирует с системой коллективных представлений, образов и установок, разделяемых конкретным сообществом.

Факторы виральности, таким образом, можно представить как совокупность условий, определяющих способность цифрового сообщения к спонтанному и массовому распространению. Эта совокупность включает не только упомянутые алгоритмические аспекты, но и эмоциональный отклик, практическую пользу, когнитивную доступность, а также либо низкий контекстуальный барьер (универсальность), либо, напротив, глубокую укорененность в уникальном локальном контексте [3].

Актуальность такого подхода подтверждается магистральным трендом развития глобального интернет-пространства: его фрагментацией на культурно-специфичные сегменты. В этих цифровых экосистемах глобальные медиатренды неизбежно проходят сложную фильтрацию и переработку сквозь призму локальных социальных норм, ценностных систем и исторического опыта.

Исходя из этого, целью настоящей работы является выявление и анализ конкретных механизмов, стратегий и моделей, посредством которых глобальные медиаформаты адаптируются, трансформируются

и наполняются новыми смыслами в процессе их интеграции в различные национальные социокультурные среды. Гипотеза исследования состоит в том, что именно в пространстве взаимодействия глобального и локального наиболее рельефно раскрывается регулирующая функция культурного кода как ключевого фильтра современной цифровой коммуникации.

Методы. Методологическую базу исследования сформировали ключевые теории в области цифровой культуры и семиотики. В частности, использовалась теория репликации культурных единиц Ричарда Докинза, известная как теория мемов. Также в работе применялась разработанная Роландом Робертсоном и Джорджем Ритцером концепция глокализации, которая объясняет взаимопроникновение глобальных и локальных процессов. Дополнительно был задействован семиотический подход для анализа поликодовых текстов. Эмпирический материал включал четыре репрезентативных кейса. Основными аналитическими методами были сравнительный анализ кейсов, направленный на сопоставление факторов их виральности, а также семиотический анализ визуальных и вербальных компонентов отобранных интернет-мемов. Отбор кейсов осуществлялся по критерию их широкой известности в научном дискурсе (например, мем «Отвлечённый парень», Ice Bucket Challenge) и их репрезентативности для русскоязычного сегмента интернета (такие как «эстетика панелек» и челлендж с песней Бузовой).

Культурный код в контексте интернет-коммуникаций определяется как информационная матрица, которая позволяет представителю той или иной культуры идентифицировать смысл сообщения без дополнительных пояснений [3]. Национально-культурный код представляет собой совокупность знаков и смыслов и именно через него транслируются вторичные коды, которые определяют повседневную жизнь и структуру поведения конкретных обществ [4]. Мемы и TikTok-тренды функционируют как единицы смысла (микронарративы), которые вступают во взаимодействие с коллективным бессознательным аудитории. Как отмечает Ю.В. Щурина, интернет-мемы обладают жанровыми признаками, среди которых – воспроизводимость, интертекстуальность и креолизованный характер [5].

Согласно теории Р. Докинза, мем – это единица культурной трансмиссии [6]. Однако в современной цифровой среде мем представляет собой гибкую структуру [7]. Ведущим принципом семиозиса комического в интернет-мемах выступает «двоемирие», или «удвоение», а комический эффект достигается за счёт моделей языковой игры (словообразовательной, семантической, фонетической и прагматической) [8]. Эффективность вирального контента

напрямую зависит от контекстуального барьера, т.е. необходимых для декодирования сообщения объема фоновых знаний.

Результаты

Глобальные и локальные мемы: контекстуальный барьер

Одним из ключевых вопросов исследования является причина селективной популярности контента: почему одни мемы преодолевают национальные границы, а другие остаются внутри одной культуры?

Приведем примеры мемов и причины виральности или ее отсутствия. Глобальные мемы, например, мем «Отвлеченный парень» («Distracted Boyfriend») характеризуется низким контекстуальным барьером (рис.1).

Рис.1 Мем «Отвлеченный парень» («Distracted Boyfriend»)

Его семантика характеризуется:

1) универсальными архетипами: ревность, выбор, конфликт старого и нового;

2) визуальной очевидностью: в меме нет необходимости опираться на вербальный компонент, контент понятен без перевода;

3) возможностью дальнейшего наполнения мема любым (в том числе локальным) содержанием. Е.Ф. Косиченко отмечает, что содержание интернет-мема, как правило, представлено двумя логически несовместимыми значениями, а сам мем как тип текста обладает категориальными признаками интернет-жанра [9].

Из этого следует, что мемы с низкой контекстуальной зависимостью становятся идеальным инструментом глокализации. Их «пустая» семантическая структура позволяет пользователям интегрировать локальные смыслы в глобально узнаваемую форму.

Локальные мемы и визуальные тренды, например, феномен эстетики панелек, опираются на специфический культурный код,

который практически не поддается расшифровке внешнему наблюдателю (рис.2). Как отмечает Н.В. Гладкая, интернет-мемы являются прецедентными феноменами, передающими и хранящими культурную информацию, и их типология может быть выстроена с точки зрения теории дихотомий [10].

Рис.2 Эстетика панелек

Исследователь А.М. Олешкова рассматривает интернет-мемы как разновидность полимодального текста в рамках визуальной культуры, подчеркивая, что их развитие и продолжительность существования свидетельствуют о взаимопроникновении онлайн- и офлайн-культур [11]. В данном случае виральность феномена эстетики панелек в русскоязычном сегменте обусловлена следующими факторами:

1) архитектурно-бытовой код: узнаваемость типовой застройки (пятиэтажные «хрущевки», серые бетонные фасады, специфическое освещение дворов) вызывает моментальный отклик у жителей постсоветского пространства. Для западного пользователя данный визуальный ряд часто интерпретируется лишь как «депрессивный пейзаж», в то время как для локальной аудитории он наполнен сложной смесью ностальгии, уюта и чувства сопричастности;

2) концепт русской тоски: эмоциональный резонанс строится на непередаваемом культурном концепте. Использование в таких мемах специфического аудиоряда усиливает погружение в контекст;

3) лингвистическая герметичность: часто такие тренды сопровождаются специфическим сленгом или пост-ироничными подписями («свет в окне напротив», «внутри панелек всегда тепло»), которые требуют знания бытового контекста для понимания.

Как правило, локальный контент укрепляет внутригрупповую идентичность через коллективное переживание общей эстетической

реальности. Такой контент остается недоступным для глобального пользователя из-за отсутствия у последнего необходимых культурных знаний и личного исторического опыта.

Глокализация как механизм культурной адаптации

Процесс освоения глобального тренда локальным сообществом описывается термином глокализация. Американский социолог Джордж Ритцер определял его как «взаимопроникновение глобального и локального, дающее уникальные результаты» [12, с. 196]. Британский социолог Роланд Робертсон определяет глокализацию как «одновременное сосуществование тенденций универсализации и обособления» [13, с. 4]. В условиях интернет-общения глокализация проявляется в дополнительных измерениях. Например, согласно анализу В.С. Расторгуевой, креолизованные литературные интернет-мемы, демонстрируют уровень понимания национальных кодов аудиторией [14].

Наглядным примером глокализации является трансформация флешмоба Ice Bucket Challenge в его индийскую версию – Rice Bucket Challenge (рис.3). Зародившийся в США Ice Bucket Challenge предполагал обливание ведром ледяной воды с целью привлечения внимания к болезни БАС (боковой амиотрофический склероз) и сбора пожертвований. В западном культурном коде этот жест считывался как преодоление дискомфорта ради благой цели. Однако в Индии возник этический барьер относительно данного челленджа. В стране, где часть населения страдает от дефицита питьевой воды и голода, публичное «расточительство» чистой воды ради видео в соцсетях было воспринято как оскорбительное и безответственное поведение. Поэтому жительница Хайдарабада Манджу Лата Каланидхи предложила изменить наполнение челленджа. Вместо обливания водой участник должен был передать ведро или мешок риса нуждающемуся человеку или местной благотворительной организации. Таким образом, культурный код благотворительности сохранился, но действия в челлендже были изменены под давлением локальных экономических и культурных реалий.

Рис.3 Ice Bucket Challenge и Rice Bucket Challenge
Кейс культурной трансформации TikTok-тренда в России

Приведем пример глокализации тренда в России. В мировой практике TikTok-челленджи под поп-хиты (например, треки Арианы Гранде) обычно строятся на принципе эстетического подражания. Пользователь копирует хореографию и стиль звезды, стараясь выглядеть максимально привлекательно. Это трансляция ценностей успеха, красоты и глобального гламура. Композиция и клип О. Бузовой «Мало половин» изначально создавались как продукт, копирующий западные стандарты: минималистичный бит, выверенная хореография, образы в стиле «high fashion». Для российского медиапространства Бузова стала символом «глянцевого» образа жизни. Однако, вместо того чтобы просто копировать эстетику клипа, тысячи пользователей запустили контр-тренд. Суть его заключалась в визуальном диссонансе: сложные движения из клипа исполнялись в декорациях, максимально далеких от гламура: на фоне покосившихся заборов в деревнях, в тесных кухнях «хрущевок», в гаражах среди запчастей или на фоне сельских рынков. Участники могли быть одеты в ватники, халаты или рабочую форму. Глокализация челленджей под популярные песни в Рунете объясняется во многом характерной для русского народа самоиронией. Это акт цифровой адаптации, где западный формат демонстрации превосходства трансформируется в локальный формат демонстрации искренности.

Обсуждение. Результаты проведенного изыскания подкрепили главную гипотезу, согласно которой культурный код играет роль основного регулирующего элемента в поле пересечения глобального и локального, выступая смысловым фильтром в рамках цифровой коммуникации. Виральность материалов рассматривается не как случайный продукт алгоритмических процессов, а как итог комплексной культурной рефлексии и интерпретации. Соотнесение итогов работы с существующими научными данными демонстрирует их близость к тезисам Л. Шифман о значимости культурного бэкграунда для распространения мем-контента [3]. В то же время данное исследование детализирует процессы глокализации на базе русскоязычного и индийского интернет-пространства и дополняет теоретические концепции, изложенные в трудах Р. Робертсона [13] и Дж. Ритцера [12]. Специфика глобального и локального контента обусловлена величиной контекстуального барьера: если первый базируется на общемировых архетипах и легко масштабируется, то второй опирается на уникальный историко-бытовой опыт. Ведущим инструментом интеграции выступает глокализация, проявляющаяся как в адаптивной форме (например, Rice Bucket Challenge), так и в иронической (российские контр-тренды). Теоретическая ценность работы состоит в выделении двух стратегий глокализации (адаптивной и иронической), которые ранее не имели четкого разграничения в научном дискурсе. Практическая применимость полученных выводов

охватывает сферы международного маркетинга, культурной дипломатии, а также проектирование коммуникаций в образовательной среде. В завершение следует указать на границы исследования. Этическая составляющая производства и тиражирования интернет-мемов, остающаяся недостаточно проработанной в литературе [15], не анализировалась в рамках данного труда детально. Хотя кейс с индийским вариантом Ice Bucket Challenge выявил определенные этические коллизии (в частности, нерациональное потребление воды), глубокий анализ подобных моральных дилемм требует отдельного научного поиска и выходит за пределы настоящей статьи.

Заключение. Итоги проведенного исследования позволяют сформулировать следующие ключевые положения:

1. Установлено, что популярность интернет-контента в первую очередь обусловлена его смысловым (семантическим) соответствием культурному коду аудитории, в то время как алгоритмические механизмы платформ играют вспомогательную роль.

2. Глобальные мемы обладают минимальным контекстуальным барьером; благодаря опоре на универсальные архетипы они беспрепятственно интегрируются в различные национальные среды.

3. Локальные тренды тесно связаны с уникальным историческим и социальным опытом сообщества. Они требуют от реципиента глубоких фоновых знаний, выполняя функцию укрепления внутригрупповой идентичности.

4. Выявлено, что адаптация мировых форматов к местным условиям происходит через механизмы глокализации, которая реализуется либо в адаптивной форме (замена конкретных действий при сохранении исходной интенции), либо в иронической (построенной на визуальном контрасте и саморефлексии).

Дальнейшая научная разработка темы видится в изучении этических аспектов мем-коммуникации, а также в проведении кросс-культурного анализа механизмов глокализации на примерах иных сегментов интернета (в частности, китайского, арабского или латиноамериканского).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фетищева А.В. Интернет-мем как форма современной интернет-коммуникации / А. В. Фетищева, О. В. Фетищева // Социально-философские аспекты науки и образования. – 2024. – № 1(4). – С. 68-74. – EDN QMVXEZ.

2. Алтухова Т.В. Интернет-мем как средство моделирования обобщенной виртуальной личности (на материале интернет-мемов социальной сети ВКонтакте) / Т. В. Алтухова //

Виртуальная коммуникация и социальные сети. – 2025. – Т. 4, № 4(16). – С. 410-420. – DOI 10.21603/2782-4799-2025-4-4-410-420. – EDN JRRDCM.

3. Shifman L. Memes in Digital Culture. MIT Press, 2013. 216 p.

4. Narzieva G. National-cultural code on Internet media / G. Narzieva // Foreign Languages in Uzbekistan. – 2023. – No. 6(53). – P. 119-136. – DOI 10.36078/1703967163. – EDN TUQMSL.

5. Щурина, Ю. В. Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // Научный диалог. – 2012. – № 3. – С. 161-173. – EDN OWQFTD.

6. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: АСТ, CORPUS. 2013. 512 с.

7. Артамонов Д.С. Интернет-мем в системе социальной мифологии цифровой эпохи / Д. С. Артамонов, С. М. Фролова // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 11(79). – С. 13-17. – DOI 10.24158/fik.2020.11.1. – EDN HXANOJ.

8. Радби́ль Т.Б. Интернет-мем в семиозисе комического в свете активных процессов в интернет-коммуникации / Т. Б. Радби́ль, А. И. Помазов // Коммуникативные исследования. – 2023. – Т. 10, № 3. – С. 456-473. – DOI 10.24147/2413-6182.2023.10(3).456-473. – EDN FSBPDO.

9. Косиченко Е.Ф. Интернет-мем как жанр комического / Е.Ф. Косиченко // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 2(857). – С. 16-23. – DOI 10.52070/2542-2197_2022_2_857_16. – EDN OHFGJC.

10. Гладкая Н.В. Интернет-мем в медийном пространстве: семантический аспект / Н.В. Гладкая // Новые горизонты русистики. – 2022. – № 17. – С. 28-32. – EDN WBZNVA.

11. Олешкова А.М. Интернет-мем как феномен визуальной культуры / А. М. Олешкова // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2022. – Т. 11, № 2А. – С. 232-240. – DOI 10.34670/AR.2022.63.27.017. – EDN DDSCTT.

12. Ritzer G. Rethinking Globalisation: Glocalisation/globalisation and something/nothing. In: Sociological Theory. 2008. pp. 193-209.

13. Robertson R. Comments on the “Global Triad” and “Glocalisation”. In: Inoue N. (ed.) Globalisation and Indigenous Culture, Institute for Japanese Culture and Classics. Tokyo: Kokugakuin University. 1997. pp. 217-225.

14. Расторгуева, В. С. Литературный интернет-мем как социокультурный феномен в современной медиасреде / В.С.

Расторгуева // Казанская наука. – 2023. – № 12. – С. 475-480. – EDN EZSZUO.

15. Гликина А.В. Интернет-мем и этика: обзор научных исследований за 2018-2022 гг / А. В. Гликина // Медиалингвистика. – 2023. – Т. 10, № 4. – С. 538-553. – DOI 10.21638/spbu22.2023.406. – EDN MGPORT.

REFERENCES

1. Fetishheva A.V. Internet-mem kak forma sovremennoj internet-kommunikacii [Internet meme as a form of modern Internet communication] / A. V. Fetishheva, O. V. Fetishheva // Social'no-filosofskie aspekty nauki i obrazovaniya [Socio-philosophical aspects of science and education]. – 2024. – № 1(4). – S. 68-74. – EDN QMVXEZ.

2. Altuhova T.V. Internet-mem kak sredstvo modelirovaniya obobshhennoj virtual'noj lichnosti (na materiale internet-memov social'noj seti VKontakte) [Internet meme as a means of modeling a generalized virtual personality (based on Internet memes of the VKontakte social network)] / T. V. Altuhova // Virtual'naya kommunikaciya i social'nye seti [Virtual communication and social networks]. – 2025. – Т. 4, № 4(16). – S. 410-420. – DOI 10.21603/2782-4799-2025-4-4-410-420. – EDN JRRDCM.

3. Shifman L. Memes in Digital Culture. MIT Press, 2013. 216 p.

4. Narzieva G. National-cultural code on Internet media / G. Narzieva // Foreign Languages in Uzbekistan. – 2023. – No. 6(53). – pp. 119-136. – DOI 10.36078/1703967163. – EDN TUQMSL.

5. Shhurina Yu. V. Internet-memy kak fenomen internet-kommunikacii [Internet memes as a phenomenon of Internet communication] / Yu. V. Shhurina // Nauchnyj dialog [Scientific dialogue]. – 2012. – № 3. – S. 161-173. – EDN OWQFTD.

6. Dokinz R. E'goistichnyj gen [The Selfish Gene]. M.: AST, CORPUS. 2013. 512 s.

7. Artamonov, D. S. Internet-mem v sisteme social'noj mifologii cifrovoj e'poxi [Internet meme in the system of social mythology of the digital age] / D. S. Artamonov, S. M. Frolova // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura [Society: philosophy, history, culture]. – 2020. – № 11(79). – S. 13-17. – DOI 10.24158/fik.2020.11.1. – EDN HXANOJ.

8. Radbil', T. B. Internet-mem v semiozise komicheskogo v svete aktivnyx processov v internet-kommunikacii [Internet meme in the semiosis of the comic in the light of active processes in Internet communication] / T.B. Radbil', A.I. Pomazov // Kommunikativnye issledovaniya [Communication studies]. – 2023. – Т.10, № 3. – S. 456-473. – DOI 10.24147/2413-6182.2023.10(3).456-473. – EDN FSBRDO.

9. Kosichenko E.F. Internet-mem kak zhanr komicheskogo [Internet meme as a comic genre] / E. F. Kosichenko // Vestnik Moskovskogo

gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities]. – 2022. – № 2(857). – S. 16-23. – DOI 10.52070/2542-21972022285716. – EDN OHFGJC.

10. Gladkaya N.V. Internet-mem v medijnom prostranstve: semanticheskij aspekt [Internet meme in the media space: semantic aspect] / N. V. Gladkaya // Novye gorizonty rusistiki [New horizons of Russian studies]. – 2022. – № 17. – S. 28-32. – EDN WBZNVA.

11. Oleshkova A.M. Internet-mem kak fenomen vizual'noj kul'tury [Internet meme as a phenomenon of visual culture] / A. M. Oleshkova // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke [Context and reflection: philosophy about the world and man]. – 2022. – T. 11, № 2A. – S. 232-240. – DOI 10.34670/AR.2022.63.27.017. – EDN DDSCTT.

12. Ritser G. Rethinking Globalisation: Glocalisation/globalisation and something/nothing. In: Sociological Theory. 2008. Pp. 193-209.

13. Robertson R. Comments on the "Global Triad" and "Glocalisation". In: Inoue N. (ed.) Globalisation and Indigenous Culture, Institute for Japanese Culture and Classics. Tokyo: Kokugakuin University. 1997. pp. 217-225.

14. Rastorgueva V.S. Literaturnyj internet-mem kak sociokul'turnyj fenomen v sovremennoj mediasrede [Literary Internet meme as a socio-cultural phenomenon in the modern media environment] / V. S. Rastorgueva // Kazanskaya nauka [Kazan science]. – 2023. – № 12. – S. 475-480. – EDN EZSZUO.

15. Glikina, A. V. Internet-mem i e'tika: obzor nauchnyx issledovanij za 2018-2022 gg [Internet meme and ethics: a review of scientific research for 2018-2022] / A. V. Glikina // Medialingvistika [Media linguistics]. – 2023. – T. 10, № 4. – S. 538-553. – DOI 10.21638/spbu22.2023.406. — EDN MGPORT.

Информация об авторах

А.Р. Нафикова – магистрант;

П.В. Семенова – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

A.R. Nafikova – Master's Student;

P.V. Semenova – Candidate of Science (Philology), Associate Professor.

Вклад авторов

А.Р. Нафикова – сбор материала, обработка материала;

П.В. Семенова – научное редактирование текста, концепция исследования;

Contribution of the authors

A.R. Nafikova – data collection, data processing;

P.V. Semenova –scientific editing of the text, research concept

Статья поступила в редакцию 06.05.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 06.05.2026; accepted for publication 08.06.2026.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Научная статья

УДК 811.512.14.11

DOI: 10.21510/3034-2694-2026-2-30-38

КОНЦЕПТ «ЖИЗНЬ» В ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МУНИРА КУНАФИНА

Азалия Рафкатовна Хурамшина

*Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, Уфа, Россия*

Kafedra_bmp@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7042-1809>

Аннотация. Статья посвящена исследованию творчества известного башкирского писателя и поэта Мунира Кунафина сквозь призму концептуализации феномена «жизнь». Основной целью исследования является выявление особенностей восприятия жизни автором посредством анализа его поэтических произведений и прозы. Автор рассматривает концепт «жизнь», подчёркивая значимость его интерпретаций в рамках лингвистической культурологии. Предлагается детальное описание жизненного пути и творческого становления Мунира Кунафина, включая ключевые этапы его профессиональной деятельности и достижения. Особое внимание уделяется рассмотрению различий между терминами «концепт» и «понятие», акцентируя особое значение концептов как единиц национальной ментальности и этнокультурного сознания. Анализируется вклад российских учёных, специализирующихся на изучении лингвокультуры, в частности исследователей Башкортостана, исследующих феномен тюркоязычных народов. Методологически исследование основывается на концепции антропологического подхода к изучению языка и культурных практик отдельных представителей нации. Подчеркивается важность индивидуального опыта авторов литературы и роль межкультурного взаимодействия в формировании авторских позиций относительно жизненных ценностей и мировоззрения. Анализ избранных стихотворений Мунира Кунафина выявляет различные грани понимания жизни – её ценность, смысл существования, эмоциональное восприятие действительности. Особый интерес представляет рассмотрение философско-поэтического осмысления жизни через образ родного края, народа и традиций,

отражающих специфику культурного наследия башкирской общности. Данная работа способствует углублению научного знания о концепте «жизнь» в аспекте современной башкирской поэзии и расширяет представления о роли литературного творчества в развитии национального самосознания.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурология, башкирский язык, языковая личность, менталитет

Для цитирования: Хурамшина А.Р. Концепт «Жизнь» в поэтических произведениях Мунира Кунафина // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы. Серия: Филологические науки. 2026. №1. С.

LINGUISTICS

Original article

THE CONCEPT OF «LIFE» IN THE POETRY OF MUNIR KUNAFIN

Azalia Rafkatovna Khuramshina

*Bashkir State Pedagogical University named after. M. Akmully, Ufa,
Russia*

Kafedra_bmp@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-7042-1809>

Abstract. The article is devoted to the study of the work of the famous Bashkir writer and poet Munir Kunafin through the lens of the conceptualization of the phenomenon of «life». The main goal of the study is to identify the author's perception of life through the analysis of his poetry and prose. The author examines the concept of «life» and emphasizes the significance of its interpretations within the framework of linguistic cultural studies. The article provides a detailed description of Munir Kunafin's life and creative development, including the key stages of his professional career and achievements. Special attention is paid to the differences between the terms «concept» and «notion», emphasizing the special significance of concepts as units of national mentality and ethno-cultural consciousness. The article analyzes the contributions of Russian scholars specializing in the study of linguoculture, particularly those from Bashkortostan who explore the phenomenon of Turkic-speaking peoples. The research is based on the concept of an anthropological approach to the study of language and cultural practices of individual nationals. The article highlights the importance of the authors' individual experiences and the role of intercultural interaction in shaping their perspectives on life values and worldviews. An analysis of Munir Kunafin's selected poems reveals various aspects of understanding life, including its value, the meaning of existence, and the emotional

perception of reality. Of particular interest is the philosophical and poetic interpretation of life through the image of the native land, people, and traditions, which reflect the specific cultural heritage of the Bashkir community. This work contributes to the deepening of scientific knowledge about the concept of «life» in the context of contemporary Bashkir poetry and expands our understanding of the role of literary creativity in the development of national identity.

Keywords: concept, linguacultural science, Bashkir language, linguistic personality, mentality

For citing: Khuramshina A.R. The concept of "Life" in the poetic works of Munir Kunafin // Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmully. Series: Philological Sciences. 2026. №2. pp. 30-38.

Введение.

В конце 19 века начале 20 веков появляется в лингвистике новое научное направление лингвокультурология. В основе данного направления лежит антропологический принцип, который ставит в центре изучения саму личность, его речевое поведение, как носителя определенной культуры. В связи с этим возрастает интерес исследователей-языковедов к изучению мастеров слова: писателей, поэтов, каким образом в их творчестве раскрывается менталитет народа. Как отмечает А.М. Ишегулова: «Изучение языковой личности посредством анализа текстов позволяет полнее исследовать личность и как индивидуум автора этих текстов, и как типового представителя данной языковой общности, совокупного или усредненного носителя данного языка» [1: 21].

Необходимо отметить, что на сегодняшний день перед нами возникает проблема малоизученности языковых личностей современников. Мунир Кунафин является одним из активных современников, который пишет очерки, рассказы, повести и стихотворения. Затрагивает нынешние социальные проблемы, раскрывает новые лица героев-защитников Отечества.

Методы

В исследовании применялся метод теоретического анализа и синтеза материалов о составляющих науки лингвокультурологии, при изучении биографии Мунира Кунафина. Систематизированы научные исследования концептов башкирского языка (Самситова Л.Х., Ижбаева Г.Р. и др.). Применялся семантико-когнитивный метод анализа концепта в творчестве М.Кунафина, который предполагает выявление основных смыслов, ассоциаций, ключевых слов, которые формируют когнитивную структуру образа мышления автора. Также применяли метод структурного анализа, который помогает лучше понять художественное воплощение идеи концепта «жизнь», динамику

развития сюжетной линии жизни лирического героя. Комплексное использование вышеуказанных методов позволило провести глубокое и детальное исследование творчества Мунира Кунафина на предмет концепта «жизнь».

Обсуждение

Степень разработанности лингвокультурологического направления исследования. Важно отметить, что методологический аппарат раскрыт отечественными учеными. Понятие концепта описала В.А. Маслова: «концепт является базовым понятием лингвокультурологии, основой языковой картины мира» [2: 266].

Главные постулаты заключаются в том, что через познание концептов, его семантических особенностей можно проникнуть в концептосферу той или иной личности, что важно для его народа в определенный временной отрезок [3: 13].

Наивная картина мира была рассмотрена многими учеными и в итоге пришли к изучению концептов. Данный термин был введен в работах А. Вежбицкой, где она отмечает семантические примитивы поименованные общечеловеческие концепты, т.е. единицы концептуального представления мира человеком [4:8]. Т.Г. Скребцова проводит разграничение концепта и понятия, где концепт – это не только ассоциации, но пережитые человеком чувства [5: 30].

По мнению О.Е. Филимоновой «язык – это средство общения, познания и воздействия, а также средство самовыражения» [6: 9]. Заслуживает внимания высказывание ученого-лингвиста башкирского языка Л.Х. Самситовой: «Лингвокультурологическое направление, в основе которого лежит идея взаимосвязанного изучения языка и культуры, является одним из перспективных направлений модернизации школьного курса башкирского языка как государственного и родного и других родных языков и методики их преподавания. Языковое образование нацелено на приобщение учащихся к национальной культуре через обучение родному языку, который играет важнейшую роль не только в формировании сознания растущего человека, но и его вживания в культуру. Обучение языку через культуру сегодня представляется составной частью предмета «башкирский язык», цель преподавания которого научить школьников пользоваться башкирским языком как средством общения, средством познания мира и себя в этом мире» [7: 4]. Также в ее работе рассматриваются речевые формулы в башкирском языке [8: 510-513].

В работе Л.Г. Саяховой дается определения концепта, понятийного аппарата лингвокультурологии [9: 31]. Необходимо отметить в наших некоторых работах при изучении речевого этикета башкирского языка мы рассматривали речевые жанры с

лингвокультурологической позиции [10: 576-578], где придерживались антропологического принципа [11: 326-329].

Перед собой ставим целью изучение творчества М.Кунафина. Как задача определяем раскрыть концепт “ғүмер” (жизнь) в его поэтическом творчестве.

Кунафин Мунир Сахиуллинович, родился 17 марта 1971 года в д. Саитбаба Гафурийского района БАССР. 1988 завершает обучение в БРГИ № 1 им. Р.Гарипова, а в 1993 году факультет башкирской филологии и журналистики БГУ. Сейчас он является известным башкирским журналистом, с 2020 года главным редактором журнала «Агидель» [12: 672].

Наравне с поэзией и прозой он преуспел и в драматургии. Например, по его пьесе «Тыңлайыҡ ваҡыт аҡканын» состоялось представление в Стерлитамакском башкирском драматическом театре [13: 496].

В своих произведениях он описывает проблемы современности. Особенно актуально в нынешнее время жизнь бойцов. Он описал в своем произведении “СВО. Я вышел из боя живым” [14: 290].

Остановимся более подробно на поэтических произведениях М.Кунафина.

Автор раскрывает концепт жизнь с точки зрения времени, призывает остановиться, задуматься над быстротечностью нашей жизни используя глаголы в повелительном наклонении *тукта, сабыр ит*:

«Тукта, ваҡыт, бер аз табып ваҡыт,

Сабыр ғына, кайза ашығаң?

Тукта әле, минең шундай мәлем,

Гонаһтарым ашкан башымдан.

Язғанмын бит ашар ашымдан» [15: 35].

Это выражает ощущение неумолимого, неудержимого движения, при этом лирический герой осознает свою ограниченность перед временем, стремиться уловить смысл каждого мгновения. Слова “Сабыр ғына, кайза ашығаһың?” подчеркивают важность проявления терпения, нетерпеливость и спешка мешают насладиться каждым моментом жизни. Настоящая мудрость умение ждать. Однако в этом стихотворении прослеживается и внутренний конфликт лирического героя, где он акцентирует на своих совершенных ошибках, борьбу с недостатками. Проявляется стремление преодолевать внутренний кризис.

В следующем поэтическом произведении М.Кунафин раскрывает концепт жизнь путем сравнения его с загадкой и клубком. Философское размышление о жизни, осмысление человеческого существования, его быстротечности, непредсказуемости. Жизнь представлена как загадочная игра, правила которой неизвестны, а

финал непредсказуемый. Невозможно предугадать его течение и исход:

*«Ғүмер тигәндәре йомак икән,
Белеп булмай касан бөтөрөн.
Һөйләм башланмаған, фекере юк,
Куйылмаған хатта өтөрө,
Язмыш инде нөктә һуктырған...
Ғүмер тигәндәре йомғак икән,
Тәгәрәй ҙә калай тәгәрәй,
Һис юк кеүек туктар такталкаһы,
Мәңге барыр кеүек, әгәр ҙә...
Язмыш уға кәбер уйзырған.. » [15: 44].*

Жизнь метафорично представляется как не начатое предложение, в котором еще недосказана мысль, есть остановки в виде запятых, но не успеваешь дописать, как жизнь уже ставит точку. Судьба человека как сила, предопределяющая конец пути и бессмысленность попытки предсказать будущее. Автор заставляет задуматься о хрупкости человеческой жизни, таинственности и зависимости от высшей силы, называемой судьбой.

М.Кунафин искусно раскрывает концепт жизнь сквозь призму вопросов о сути и многообразии человеческих судеб. Главная тема понимание смысла жизни и разнообразия путей, которыми идут разные люди. Проводится глубокая рефлексия о предназначении каждого человека, в чем же смысл жизни задается вопросом автор:

*«Был һорау кагыла кемгә лә:
Ғүмерзең асылы нимәлә?
Кемдер оса күктә ғәләмәт,
Кем һазлыкта бара кәмәлә.
Кемдәрҙер Ер шарын иңендә алып баралар,
Бәгзеләр Кояшты күләүектә батыралар» [15: 26].*

Смысл жизни для кого-то взлетать на небо, то есть достигать вершин, стремиться вперед, находится в постоянном движении, для других смысл топтаться на месте в своем болоте, кто-то несет на своих плечах весь мир, а кто-то пытается в своей тени утопить мировое светило. Эти контрасты символизируют различия между людьми в достижении успеха, счастья и личного удовлетворения. Противоположные состояния души и сознания демонстрируют сложность и многогранность нашей жизни. Использование образов Земли и Солнца говорит о глобальном вопросе, что каждый на этой планете ищет ответы на заданный автором вопрос. Жизнь полна разных путей и возможностей, каждый человек в своей природе уникален. Подводит читателя к принятию себя и не следованию другим.

В следующем стихотворении М.Кунафин подводит читателя к тому, что жизнь это не всегда легко, будут возникать и трудности, которые необходимо преодолевать и не сдаваться:

«Артылғанда ғүмер үрзәренә,
Ингә басыр заман йөктәре.
Сәсәп кенә йығылып сактарза ла
Калкынайык – түзер йөрәге» [15: 23].

И когда кажется, что задыхаешься, падаешь, нельзя останавливаться, сердце все стерпит подмечает автор.

Заключение.

Таким образом, концепт “жизнь” в творчестве М.Кунафина раскрывается через семы “тормош”, “күңел”, “язмыш”, “йөрәк”, “заман”, “вакыт”, “йомак”, “йомғак”. Можно выделить основные значения концепта в творчестве М.Кунафина: быстротечность и скоротечность жизни, уникальность и неповторимость жизни каждого человека, жизнь – это преодоление трудностей, где у каждого свой путь к счастью.

Возможно продолжение исследования самой личности Мунира Кунафина с лингвокультурологической точки зрения раскрыть его как носителя башкирского языка, изучить его как языковую личность башкирской культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ишегулова, А.М. Языковая личность Яныбая Хамматова (на материале художественных текстов). – Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. – 150 с.
2. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 266 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Учебное издание. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
4. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 568 с.
5. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.
6. Филимонова О.Е. Эмоциология текста. Анализ репрезентации эмоций в английском тексте: Учебное пособие. – СПб.: ООО «Книжный Дом», 2007. – 448 с.
7. Самситова Л.Х. Лингвокультурологическая концепция обучения башкирскому языку и родным языкам в образовательных учреждениях Республики Башкортостан. – Уфа, 2010. – С.4.
8. Самситова Л.Х., Хурамшина А.Р. Речезыкетные формулы в башкирской лингвокультуре // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2025. № 2 – С.510-513.

9. Саяхова Л.Г. и др. Русско-башкирские речевые параллели / Пособие для изучающих башкирский язык. – Уфа: Китап, 1995. – С.31.

10. Хурамшина А.Р. Коммуникативное поведение русских и башкир // Казанская наука. – Казань, 2025. № 11. – С.576-578.

11. Хурамшина А.Р. Антропоцентрическая парадигма в речевых актах Б.Бикбая в повести «Аксэскэ» // Казанская наука. – Казань, 2025. № 9. – С.326-329.

12. Писатели земли башкирской. Справочник / (сост.: Р.Н. Баимов, Г.Н. Гареева, Р.Х. Тимергалина). Переработанное и дополненное второе издание. – Уфа: Китап, 2015. – 672 с.

13. Писатели земли башкирской. Справочник / Сост.: Р.Н. Баимов, Г.Н. Гареева, Р.Х. Тимергалина. – Уфа: Китап, 2006. – 496 с.

14. Кунафин М.С. СВО. Я вышел из боя живым. – Аст, 2025. – 290 с.

15. Кунафин М.С. Ғүмер тигәндәре... Шиғырзар. Өфө: Китап, 2005. – 72 бит.

REFERENCES

1. Ishegulova, A.M. Yazy`kovaya lichnost` Yany`baya Xammatova (na materiale xudozhestvenny`x tekstov) [The Linguistic Personality of Yanybai Khammatov (Based on Fiction)]. – Ufa: IYal UFICz RAN, 2023. – 150 s.

2. Maslova V.A. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive Linguistics]. – Minsk: TetraSistems, 2008. – 266 s.

3. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaya lingvistika. Uchebnoe izdanie [Cognitive Linguistics. Textbook]. – M.: ACT: Vostok-Zapad, 2007. – 314 s.

4. Vezhbiczkaya A. Semanticheskie universalii i bazisny`e koncepty`[Semantic Universals and Basic Concepts]. – M.: Yazy`ki slavyanskix kul`tur, 2011. – 568 s.

5. Skrebczova T. G. Kognitivnaya lingvistika: Kurs lekcij [Cognitive Linguistics: Lecture Course]. – SPb.: Filologicheskij fakul`tet SPbGU, 2011. – 256 s.

6. Filimonova O.E. E`mociologiya teksta. Analiz reprezentacii e`mocij v anglijskom tekste: Uchebnoe posobie[Emotiology of the Text. Analysis of the Representation of Emotions in the English Text: Study Guide]. – SPb.: ООО «Knizhny`j Dom», 2007. – 448 s.

7. Samsitova L.X. Lingvokul`turologicheskaya koncepciya obucheniya bashkirskomu yazy`ku i rodny`m yazy`kam v obrazovatel`ny`x uchrezhdeniyax Respubliki Bashkortostan [Lingvocultural Concept of Teaching the Bashkir Language and Native Languages in Educational Institutions of the Republic of Bashkortostan]. – Ufa, 2010. – S.4.

8. Samsitova L.X., Xuramshina A.R. Rechee`tiketny`e formuly` v bashkirskoj lingvokul`ture [Speech Etiquette Formulas in Bashkir Linguistic Culture] // Mir nauki, kul`tury`, obrazovaniya. – Gorno-Altajsk, 2025. № 2 – S.510-513.

9. Sayaxova L.G. i dr. Russko-bashkirskie rechevy`e paralleli / Posobie dlya izuchayushhix bashkirskij yazy`k [Russian-Bashkir speech parallels / A manual for students of the Bashkir language]. – Ufa: Kitap, 1995. – S.31.

10. Xuramshina A.R. Kommunikativnoe povedenie russkix i bashkir [Communicative behavior of Russians and Bashkirs] // Kazanskaya nauka. – Kazan`, 2025. № 11. – S.576-578.

11. Xuramshina A.R. Antropocentricheskaya paradigma v rechevy`x aktax B.Bikbaya v povesti «Аксәскә» [Anthropocentric paradigm in speech acts of B. Bikbay in the story “Аксәскә”]// Kazanskaya nauka. – Kazan`, 2025. № 9. – S.326-329.

12. Pisateli zemli bashkirskoj. Spravochnik / (sost.: R.N. Baimov, G.N. Gareeva, R.X. Timergalina). Pererabotannoe i dopolnennoe vtoroe izdanie [Writers of the Bashkir land. Directory / (compiled by: R.N. Baimov, G.N. Gareeva, R.Kh. Timergalina). Revised and expanded second edition]. – Ufa: Kitap, 2015. – 672 s.

13. Pisateli zemli bashkirskoj. Spravochnik / Sost.: R.N. Baimov, G.N. Gareeva, R.X. Timergalina [Writers of the Bashkir land. Directory / Compiled by: R.N. Baimov, G.N. Gareeva, R.Kh. Timergalina]. – Ufa: Kitap, 2006. – 496 s.

14. Kunafin M.S. SVO. Ya vy`shel iz boya zhivy`m [SVO. I came out of the battle alive]. – Ast, 2025. – 290 s.

15. Kunafin M.S. Fımer tigəndəre... Shiřy`rřar.[life...poems] Өfө: Kitap, 2005. – 72 bit.

Информация об авторе

А.Р. Хурамшина – кандидат филологических наук, доцент.
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

A.R. Khuramshina – Candidate of Science (Philology), Associate Professor.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.03.2026; принята к публикации 23.04.2026.
The article was submitted 28.03.2026; accepted for publication 23.04.2026.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Научная статья

УДК 398

DOI: 10.21510/3034-2694-2026-2-39-52

РОЛЬ ЛОКАЛЬНЫХ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ В СОХРАНЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ЕДИНСТВА НАРОДА (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО СЛОВЕСНОГО ТВОРЧЕСТВА АЗНАКАЕВСКОГО РАЙОНА РТ)

Лилия Хатиповна Мухаметзянова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия,
lilmuhat@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0071-7058*

Аннотация. Статья посвящена изучению роли локальных фольклорных традиций в сохранении этнокультурного единства народа. На материале современного словесного творчества Азнакаевского района Республики Татарстан автором исследуются механизмы бытования некоторых устных жанров национального фольклора в условиях глобализации и унификации культурных кодов, анализируется жанровое и образно-стилистическое своеобразие местного фольклора. Цель исследования – выявить, как образцы местного словесного творчества способствуют поддержанию этнической идентичности и межпоколенной трансляции культурных смыслов. Основное внимание уделяется анализу текстов, записанных в ходе полевых экспедиций, а также включённому наблюдению за современными обрядовыми практиками района.

Новизна исследования обусловлена введением в научный оборот вновь выявленных фольклорных текстов и артефактов, зафиксированных в ходе экспедиций последних лет. Наряду с ними автором переосмысливаются и систематизируются экспедиционные материалы прошлых лет, хранящиеся в архивных фондах Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Сопоставительный анализ синхронного и диахронного полевого материала позволяет выявить механизмы трансмиссии культурных кодов, устойчивость архаичных пластов и одновременно динамику локальной традиции.

Главные результаты исследования показывают, что азнакаевская фольклорная традиция обладает ярко выраженной спецификой (особый песенный стиль в свадебном обрядовом комплексе, уникальные сказки, присказки, обрядовая практика и т.д.), которая не разрушает, а, напротив, обогащает общетатарскую культуру. Выявлено, что местные носители активно включают народное творчество в семейно-бытовые и сельские праздники. Традиции Азнакаевского района выступают действенным механизмом сохранения этнокультурного единства татар именно благодаря своей вариативности и укоренённости в повседневности. Поддержание муниципальной системы фольклорных конкурсов и активных информантов признаётся необходимым условием для преодоления риска культурной деритуализации. В статье делается вывод о том, что локальное словесное творчество не противостоит общенациональной традиции, а служит её адаптивной средой. Локальный уровень фольклора, несмотря на унификационные процессы в глобализирующемся мире, выступает ключевым ресурсом поддержания этнической идентичности и межпоколенной преемственности.

Ключевые слова: локальный фольклор, сказочник, присказки, свадебный обрядовый комплекс, продажа сундука невесты, национальная традиция, культурная идентичность

Для цитирования: Мухаметзянова Л.Х. Роль локальных фольклорных традиций в сохранении этнокультурного единства народа (на материале современного словесного творчества Азнакаевского района РТ) // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Серия: Филологические науки. 2026. № 2. С. 39-52.

LITERARY STUDIES AND FOLKLORE STUDIES

Original article

THE ROLE OF LOCAL FOLKLORE TRADITIONS IN PRESERVING THE ETHNIC AND CULTURAL UNITY OF THE PEOPLE (BASED ON THE MATERIAL OF MODERN LITERARY CREATIVITY OF THE AZNAKAEVSKY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

Liliia Kh. Mukhametzyanova

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the
Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia, lilmuhat@mail.ru,
ORCID: 0000-0002-0071-7058*

Abstract. The article is devoted to the study of the role of local folklore traditions in preserving the ethnic and cultural unity of the people. Based on the material of modern literary creativity of the Aznakaevsky district of the Republic of Tatarstan, the author examines the mechanisms of the existence of some oral genres of national folklore in the context of globalization and unification of cultural codes, analyzes the genre and figurative-stylistic originality of local folklore. The purpose of the study is to identify how samples of local verbal creativity contribute to the maintenance of ethnic identity and intergenerational transmission of cultural meanings. The main focus is on the analysis of texts recorded during field expeditions, as well as the included observation of modern ritual practices of the area.

The novelty of the research is due to the introduction into scientific circulation of newly discovered folklore texts and artifacts recorded during expeditions in recent years. Along with them, the author rethinks and systematizes the expedition materials of previous years, stored in the archival funds of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. A comparative analysis of synchronous and diachronic field material makes it possible to identify the mechanisms of transmission of cultural codes, the stability of archaic strata, and at the same time the dynamics of local tradition.

The main results of the study show that the Aznakai folklore tradition has a pronounced specificity (a special song style in the wedding ritual complex, unique fairy tales, sayings, ritual practice, etc.), which does not destroy, but, on the contrary, enriches the general Tatar culture. It was revealed that local native speakers actively include folk art in family and rural holidays. The traditions of the Aznakaevsky district are an effective mechanism for preserving the ethnic and cultural unity of the Tatars precisely because of their variability and rootedness in everyday life. Maintaining a municipal system of folklore competitions and active informants is recognized as a prerequisite for overcoming the risk of cultural deritualization. The article concludes that local literary creativity does not oppose the national tradition, but serves as its adaptive environment. The local level of folklore, despite the unification processes in the globalizing world, is a key resource for maintaining ethnic identity and intergenerational continuity.

Keywords: local folklore, storyteller, sayings, wedding ritual complex, sale of the bride's chest, national tradition, cultural identity.

For citing: Mukhametzyanova L.Kh. The role of local folklore traditions in preserving the ethnic and cultural unity of the people (based on the material of modern literary creativity of the Aznakay district of the Republic of Tatarstan) // Bulletin of Bashkir State Pedagogical University

named after M.Akmullu. Series: Philological Sciences. 2026. № 2. pp. 39-52.

Введение

В условиях глобализации и культурной унификации проблема сохранения этнокультурной идентичности народа напрямую связана с изучением локальных фольклорных традиций. Азнакаевский район Республики Татарстан, находящийся на периферии крупных промышленных центров, представляет собой уникальную среду, где до сих пор бытуют аутентичные формы словесного творчества. Актуальность темы обусловлена необходимостью выяснить, как местный фольклор работает на сохранение этнокультурного единства, тогда как целостных исследований современного состояния этого феномена именно в Азнакаевском районе до сих пор не предпринималось. В имеющейся литературе – от дореволюционных этнографических описаний до сводов советского периода – данный локус упоминается лишь фрагментарно, а специальные монографические работы последних десятилетий отсутствуют. Таким образом, проблема исследования заключается в противоречии между высоким консолидирующим потенциалом местной традиции и ее научной неизученностью. Цель настоящей статьи – выявить роль локальных фольклорных традиций Азнакаевского района в сохранении этнокультурного единства татар на материале образцов современного словесного творчества. Для этого предстоит решить следующие задачи: охарактеризовать жанровый репертуар бытующих ныне текстов, определить степень сохранности архаичных элементов, проанализировать интегративные мотивы (топонимические, исторические, обрядовые) и оценить влияние традиции на самосознание разных возрастных групп местного населения.

Азнакаевский район – большое муниципальное образование, 90,5 % населения которого составляют татары, и является одним из передовых районов в Республике Татарстан в сфере экономики, а также образования и культуры [3, с. 100]. В 1940–1960-ых гг. в эти края отправлялись фольклорные, диалектологические, археографические экспедиции, в ходе которых у местных жителей учёными-фольклористами Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Халидой Гатиной, Марселем Ахметзяновым, Флерой Баязитовой, Эдуардом Касимовым, Ленаром Замалетдиновым были записаны лирические песни и игровые пляски, такмаки (частушки), волшебные сказки, предания и легенды [2, с. 10]. Хотя всегда были отдельные местные энтузиасты, занимавшиеся собиранием и изучением местного фольклора, истории сёл и деревень, составлением шэджэре-родословной, далее с 1960-ых гг. духовное наследие Азнакаевского района не были подвергнуты

целенаправленному сбору и специальному научному изучению. Одной из причин отсутствия по сегодняшний день специального внимания научных центров Казани к юго-восточным областям республики, в частности к Азнакаевскому району, является катастрофическая бедность архивной и документальной базы, и исторической литературы по данному региону.

Методы

Настоящая статья посвящена анализу современного состояния народного творчества Азнакаевского района Республики Татарстан, где до сих пор сохраняются элементы календарной, семейно-бытовой и эпической традиций. Основной научной проблемой исследования является выявление векторов эволюции локального фольклора: от устойчивых форм, зафиксированных в ходе полевых экспедиций второй половины XX – начала XXI века, до их актуального бытования в повседневной и праздничной культуре агломераций района. Новизна работы заключается в комплексном диахроническом подходе. Используя сравнительно-типологический метод, стремимся показать, как мемораты прошлых экспедиций превращаются в современные нарративы, а ритуальные практики – в театрализованные действия. Результаты исследования позволяют не только составить актуальную картину современного народного творчества Азнакаевского района [2, с. 10-13], но и предложить прогноз развития локальной традиции в условиях трансформации местного социума.

Край вправе гордиться людьми, внесшими неоценимый вклад в развитие устного народного творчества. Например, родившийся и проживший всю жизнь в Азнакаево Захри Мухаметзянов (1919–1999) был знаменитым сказочником, сотрудники Института языка, литературы и искусства записали у него около семидесяти сказок, из них около двадцати сказок были включены в научные тома «Сказки» 13-и томного [5, с. 59, 88, 167-168]. и 25-и томной [6, с. 55-57, 125-132, 267-275; 7, с. 77-87; 297-205] академического свода «Татарское народное творчество». Знаменитый сказочник из Азнакаевского района также сам переписал сказки на бумагу и в 1961 году передал свой объёмный архив в хранилище Института [1]. Сказки З. Мухаметзянова и по сей день аккуратно хранятся в Центре письменного наследия ИЯЛИ им.Г.Ибрагимова. «Тутый кош» («Попугай»), «Йёз куйга сатып алынган төш» («Сон, купленный за сто овец»), «Балыкчы улы Катып» («Сын рыбака Катып»), «Алтын алмалар» («Золотые яблоки»), «Сер тотмас» («Болтун»), «Кызыл этэч» («Красный петух») – это лишь небольшая часть устного наследия сказочника Захри. В 70-80ые годы учёным-фольклористам Ленару Замалетдинову, Халиде Гатиной, Эдуарду Касимову посчастливилось вживую пообщаться с этой незаурядной личностью и записать из его уст настоящие жемчужины

татарского фольклора, которые редко можно «выловить» у информантов в наше время. И земляки З. Мухаметзянова, и учёные-фольклористы помнят и почитают имя известного татарского сказочника.

Результаты исследования и обсуждение

В XXI веке вновь пробудился интерес к истинным татарским селам Азнакаевского района не только у фольклористов, но и у археографов, диалектологов, исследователей народного изобразительного искусства и этномузыкологов. С целью более полного изучения национально-культурного наследия данного района летом 2019 года и 2021 года в районе работали комплексные экспедиции Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Успех любой экспедиции напрямую связан с ее подготовкой. Заранее была проведена встреча с администрацией района, организована пресс-конференция с участием ученых Института и работников культуры района, журналистов местного телевидения и районной газеты; собрана научная группа, состоящая из специалистов разных гуманитарных областей; были изучены материалы, относящиеся к этому району, хранящиеся в Центре письменного наследия Института; скрупулёзно были построены маршруты экспедиций.

Комплексная экспедиция за две недели в 2019 году планомерно исследовала восточные населенные пункты Азнакаевского района, граничащие с Республикой Башкортостан, а в 2021 году – остальную часть. Казанские учёные посетили более сорока сёл и деревень, где встречались с информантами, и проводили беседы с местным населением, в каждом населённом пункте работали по плотному графику, собирая информацию по разным направлениям, с использованием современных методов и подходов, техники и оборудования.

В ходе полевых работ был собран и изучен современный фольклорный, языковой, искусствоведческий, музыкальный, археографический, эпиграфический материал, а также образцы по традиционной культуре, систематизация и изучение, издание которых на сегодняшний день остается весьма актуальным.

В последнее время в изучении исторической и национально-культурной самобытности Азнакаевского района, развитии интереса к прошлому и настоящему в духовной жизни и на местах принимаются смелые шаги, приветствуется любая инициатива в области гуманитарных исследований, оказывается поддержка в их реализации. В процесс пополнения и изучения национально-культурного наследия района сегодня вовлечены учёные, историки, учителя, работники культуры района. Ведётся работа по поиску месторасположений исчезнувших населенных пунктов, списков имен и биографических

данных живших там людей, на месте исчезнувших деревень устанавливаются навесные доски и стелы, обновляются кладбища, собираются интересные факты из жизни азнакаевцев, затем выпускаются отдельными книгами, самодеятельные группы музыкального фольклора занимаются восстановлением обрядов, танцев, песенного творчества татарского народа – все это говорит об активности населения района в плане сохранения народных традиций.

Сбор образцов устного народного творчества – важнейшая часть научной комплексной экспедиции. В двадцати четырёх сёлах Азнакаевского района автором статьи было изучено и собрано значительное количество ценного современного фольклорного материала, способного обогатить фонд народного творчества. Нами были записаны уникальные варианты народных песен; песни-хушавазы, содержащие религиозные мотивы; байты; мунаджаты; исторические и топонимические, а также мифические легенды; потехи-шутки-анекдоты; национальные игры; поверья; мифы; запреты; гадания; своеобразные варианты традиционных праздников и церемоний никаха (никах – брак в исламском семейном праве, заключаемый между мужчиной и женщиной) и свадьбы; порядок погребения; фабулы дастанных повествований и дастанные песни; присказки, редко употребляющиеся в татарских сказках. Вновь найденный в Азнакаевском районе фольклорный материал с уверенностью можно отнести к редчайшим для нашего времени жемчужинам татарского устного народного творчества.

Следует отметить, что найденные фольклорные образцы являются национальными составляющими, участвуют в процессе возрождения истории, в то же время в них можно почувствовать и современный дух народа [8, с. 205]. Жизненный опыт предков, народная мудрость, смекалка, приёмы воспитания, нормы поведения, умение понимать красоту и своеобразие окружающего мира, религия, философия, память – всё это глубоко и ярко отражается в фольклоре. Если есть народ, значит, живет и его духовное богатство, а это богатство, как и сама история, находится в непрерывном развитии.

Записанные в деревне Ирекле присказки (Ахметшина Савиля Юнусовна, 1937 г.р., уроженка с. Ирекле Азнакаевского района РТ) свидетельствуют о том, что в районе имеются продолжатели народных традиций. Это отрадный факт для района, в котором когда-то проживал вышеупомянутый сказочник З. Мухаметзянов:

«Әкият баишлары» / «Присказки»

Әкият сөйлим, тыңлагыз, булган эш дин уйлагыз. Шулай дин баишлар китәләр иде. Песнәк дисәтник, карга үрәтник, саескан сотник, бака плотник, үрдәк үрәтник заманнарда дин. Тыңлап утырасың авыз ачып. Хәзер онытыла. Бәләкәй вакытта сөйлиләр иде. Я син сөйлә, я

мин сөйлим дип сөйләп кителә иде. Хәзер сөйләнми менә. Искә төшәмәни ул. Борын-борын заманда, үрдәк үрәтник, саескан сотник, песнәк писер булган заманда бар иде ди бер кеше, чыгып китте ди, күлгә җитте ди, күрде ди ике сукмак, ике сукмакның икесендә дә ике куак, куакта утырып торадыр иде ди бер чүрәки, бер үрдәк. Үрдәккә атты, үрдәк очты китте, чүрәкигә тиде, бер пот мае чыкты. Шулай дип тә гел сөйләп китләр иде. Сөйләнми шул хәзер. Азагын, алла тагы, белмим.

/Сказку поведаю, слушайте, но думайте – всё это было. Так начинали сказки. Писняк дисятник, карга урятник, саескан сотник, бака плотник, урдәк урятник, так начинали сказки. Слушаешь, открыв рот. А сейчас забывается. Я маленькая тогда была. Или ты рассказывай, или я буду рассказывать, так и начинали. А сейчас не сказывают. Разве вспомнишь. Давным-давно, когда утка была урядником, сорока сотником, синица писарем, жил один человек, вышел он из дома, дошёл до озера, увидел две тропинки, у каждой тропинки растёт по кусту, на кустах сидели чирок и утка. Он выстрелил в утку, она улетела, а чирка задело, пуд жира вытек. Так вот и начинали сказки. А сейчас не рассказывают. А продолжение я не помню / (здесь и далее перевод автора статьи).

С целью заинтересовать слушателя, сказочники предваряли основной сюжет малосвязанными по смыслу шутками-прибаутками – это известный приём в фольклоре. Иногда присказка получалась весьма объёмной. Такие сказки, как «Двенадцать парней», «Бедняк и дочь патиши» имеют часто встречающийся традиционный короткий зачин. А вот вышеупомянутая форма сравнительно длинного зачина сказки, записанной в Азнакаевском районе, встречается очень редко. Для сравнения можно упомянуть такие сказки, как «Мустан батыр» («Мустан башлык», «Шапка Мустана»), «Золотая птица», а в других вариантах такой формы вовсе и нет, тем и ценнее факт обнаружения этой присказки в селе Ирекле Азнакаевского района у современного информанта.

Во время сбора материала мы отметили, что современный фольклор Азнакаевского района опирается на традиционные, ранее известные особенности народного творчества. Например, рассмотрим элемент свадебного обряда, называемый «килен төшерү» («сборы невесты»). Этот обряд существует у всех татар, в том числе он широко распространён и среди жителей Азнакаевского района. Из записанного у жительницы села Кук-Тяка Азхабиевой Гамили Бикмуратовны (1925 г.р., уроженка села Учалли Азнакаевского района РТ) материала понятно, что выкуп невесты сундука с придаными был наиболее популярным элементом свадебного обряда:

«Бирнә сандыгы сатам» / «Продаю сундук невесты»

Туй көне алдан билгеләнгән була бит инде. Кияү ягыннан киленне алырга киләләр. Шунда кыз ягы егет ягына бирнә сандыгы сата. Килен кияү йортына алып бара торган әйберләр сандыгы. Алдан әзерләп куя инде кыз, сандык тутыра. Шул сандыкны сату гадәте инде. Бирнә сандыгы өстенә китәсе кызның олырак яшьтәге туганын утырталар. Кияү ягы килә бит инде, бу әйтә боларга:

– Бирнә сатам, – ди.

– Бирнәсе күпме тора? – шулай дип сорый инде кияү ягы, сатам ди бит.

Кызның ата-анасы, туганнары – бу йортта кем бар, һәммәсе бу көнне туйга китәсен яхшы белә инде барысы да. Шуңа сандык сатучы иң элек күчтәнәчне өй саклап калучы өчен сорый. Шуннан соң да сандыкны тиз генә бирми.

– Сыеры бар иде кызның, ул кала, сыерга бер капчык фураж, тавыклары кала – бер чиләк бодай, өйне саклап эт тә монда кала – аңа итле сөяк, песие кала – аңа каймак.

Егет ягы бу таләпләрне тыңлый, кемдер каушап кала, кемдер тапкыр җавап бирә. Кияү, җор булса, әйтә:

– Кыз белән бергә барысын алып китәм, барысын ризыклы итәм, – ди, хәллә булуын күрсәтә үзенә. Я акча чыгарып тоттыра инде. Кызның бирнә сандыгын сату диләр инде. Кызык ясыйлар.

/День свадьбы заранее обговорён. Со стороны жениха люди приходят за невестой. Им, т.е. стороне жениха продают сундук с приданым невесты. С вещами, которые невеста заберёт в дом жениха. Сундук приготовлен заранее. Дальше начинается обряд продажи сундука невесты. На крышку сундука сажают родственницу невесты из тех, кто постарше. Сторона жениха приближается, а та заявляет им:

– **Приданое продаю!**

– А сколько стоит-то? – спрашивает сторона жениха, та продать же намеревается.

Родители невесты, родственники – все, кто находится в доме, прекрасно знают, что сегодня предстоит поездка на свадьбу. Потому-то продащица сундука прежде всего хлопочет о подарке для тех, кто остаётся охранять дом. Поэтому не спешит расставаться с сундуком.

– Корова была у невесты, она остаётся, для коровы мешок фуража, курицы остаются – им ведро пшеницы, дом охранять пёс остаётся – ему мясную косточку, кошка остаётся – ей сметану.

Сторона жениха выслушивает эти требования, кто-то теряется, а кто-то даёт остроумный ответ. Жених, если боек на язык, отвечает:

– Пусть вместе с хозяйкой едут, всех увезу и накормлю, – показывает он свою состоятельность. Или деньги достаёт. Вот это и называется продажей приданого. Интересно проходит.

Элементы фольклора во многом одинаковы для живущих в разных регионах татар, однако каждый регион может привнести своеобразие, местный колорит, причём общая картина никоим образом не выходит за рамки традиций общеизвестного обряда. В подтверждение тому ещё один пример: другой информант, проживающий в том же районе, используя совершенно иную поэтику, обрисовал вышеприведенный обряд: жительница села Урманево Хабибуллина Маува Габдракиповна (1933 г.р.) в описание обряда продажи сундука с приданым добавила важный элемент в форме народной песни:

«...Сандыкны басып утыручы апасы айтә инде кияүгә жыр белән:

Сокланырлык сылу кызга,

Китеп килен буласы,

Борынгыдан калган йола –

Сандык сату йоласы. Шулай дип жырлап бирә. Сорый сорыйсы нәрсәләрен. “/ «...Сидящая на сундуке старшая родственница невесты поёт жениху:

Восхищаемся красавицей нашей-

Ей уехать- и стать снохой!

Продажа сундука с приданым-

Есть обычай он такой! Вот так она и напевает, продавая сундук».

Интересен и свадебный обряд «кайтарма аш», записанный в Азнакаевском районе:

«Шуннан хәзер килен төшерү.

– Төкле аягың белән! Авызыңа бал да май! – дип каршы алалар киленне. Яулык алмашы була шушында. Бианайга килен, киленгә бианай бөркәндәрә яулыкны. Сандыгын ачып, бүләкләрен бирә килен.

Кайтарма аш. Анысы никах туеннан соң. Кыз ягын Коръян ашына жыю була кайтарма аш. Туйның өченче көнөндә уза кайтарма аш. Хәзер яшьләр шашлыкка чыга инде. Кайтарма ашта яшь килен хәер тарата».

/«Дальше проводят обряд встречи невестки – С легкой ноги вступай! В рот тебе и мёд , и масло! – с такими словами встречают невестку. Начинается обмен платками. Невестка укрывает платком

свою свекровь, а она – невестку. Открыв сундук, невестка раздаёт подарки.

Кайтарма аш. Он проходит уже после свадьбы-никаха, которая проводится в доме девушки. (Кайтарма – дословно означает ответное гостевание – Л.М) Мусульманское застолье с чтением Аль-Корана в доме жениха – вот что такое кайтарма аш. На третий день после свадьбы-никаха проводят кайтарма аш. Нынешняя молодёжь на шашлыки выходит, конечно. На кайтарма аш молодая невестка раздаёт милостыню». (Информант – жительница села Уразаево Ахметзянова Гульфия Мухаматшаевна, 1952 г.р., уроженка села Чубар-Абдуллово Азнакаевского района РТ).

По результатам научных экспедиций последних лет мы отмечаем, что продажа сундука с приданым, *кайтарма аш*, проводимый через три дня после свадьбы – эти обряды проводятся и в других районах Татарстана (Кукморский, Мамадышский, Муслюмовский, Мензелинский), и среди соплеменников, живущих за пределами Республики Татарстан, например, у татар Самарской или Тюменской, Челябинской, Свердловской областей. Примечательно, что продажа сундука, взаимодаривания платков, также обрядовые речитации обнаруживают близкие сходства и параллели с башкирскими традициями [4, с. 453-460]. Однако, если сравнивать порядок продажи сундука с придаными невесты в Азнакаевском районе и татарских селах, например, Самарской области, то мы обнаружим интересные различия в специфике оттенков, словесно-речитативном материале свадебных традиций. Безусловно, смысл и содержание культурных текстов и действий где бы они ни проводились, относятся к универсалиям единого свадебно-обрядового комплекса.

Заключение

Зафиксированные в Азнакаевском районе образцы устного народного творчества свидетельствуют о том, что татарский фольклор сохраняет сообразно времени свои ключевые, знаковые, также локальные характеристики, традиции сохраняются в благодарной памяти и практиках местного населения. Вторично найденные во время экспедиции в данный район материалы играют важную роль в расширении географии распространения национального фольклора и изучения форм его бытования.

Обнаруженные и записанные в Азнакаевском районе фольклорные материалы – живой пример сегодняшнего состояния татарского народного творчества, жизни народа, его сегодняшнего дыхания. Не исследовав безграничную сокровищницу устного народного творчества, невозможно понять дух самого народа, его язык, традиции и обычаи. Человечество издавна живёт, не забывая нажитый опыт, проверенную временем мудрость предков, помогающую

современникам находить выход из создавшихся ситуаций. Передаваемые от одного поколения другому духовные ценности и в наше время играют неоценимую роль. Научный анализ собранных в Азнакаевском районе материалов фольклора позволяет проводить сопоставление образцов народного творчества соплеменников, живущих в других регионах, расширяет возможности для сравнительного изучения фольклора разных народов, способствует выдвижению татарского фольклора на рубежи общенациональных культурных ценностей, положительно влияет на углублённое изучение татарской истории. Духовное богатство может сохранить татарский народ в целостности и единстве.

Необходим неустанный поиск путей сохранения национальной самобытности, особенностей языка, в том числе и фольклорного богатства. Изучение всей глубины и широты бездонной сокровищницы народного творчества дает право утверждать, что ты по-настоящему знаешь этот народ. Человечество издревле прислушивалось к мудрым наставлениям старшего поколения, к проверенным временем мыслям аксакалов. Опыт предков показывал потомкам пути выхода из различных жизненных ситуаций. Этот опыт не потерял актуальности и в наше время. Современный фольклор Азнакаевского района представляет собой переплетение традиционных элементов и современных культурных влияний. Эти результаты подчеркивают важность дальнейшего изучения и сохранения локальных особенностей как важного аспекта культурной идентичности региона и народа в целом.

В заключении следует подчеркнуть, что локальные фольклорные традиции татар выступают в качестве фундаментального механизма трансляции этнической идентичности и культурного кода народа. Именно на уровне локальных очагов (сел, деревень, районов) происходит первичная социализация индивида и актуализация архаичных пластов народной памяти, что препятствует нивелированию региональных особенностей под воздействием глобализации. Системное изучение фольклора на местах обеспечивает не только сохранение этнического многообразия, но и укрепляет этническое единство на фоне осознания общности исторических корней и духовных ценностей. Таким образом, локальная традиция является не фактором раздробленности, а базовым уровнем организации культурного ландшафта татарского народа, без которого невозможно поддержание целостности этноса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Заһри Мөхәммәтжановтан әкиятләр // Центр письменного наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 1961, ФФ, колл. 1, п. 33., ед. хр. 13, 487, 488, 492, 503 и т. д.

2. Мухаметзянова Л.Х. Современный фольклор Азнакаевского района Республики Татарстан // Живая старина. № 4 (128). 2025. – С. 10-13.

3. Мухаметзянова Л.Х. Эпическая культура татар. Дастаны. – Казань, 2023. – 120 с.: ил. (Сер. Обычаи и традиции татарского народа).

4. Султангареева Р.А. Башкирский фольклор: семантика, функции и традиции. Т. 1. Миф. Обряд. Танец. Сказительство. Шаманский, религиозный, музыкальный фольклор. Современные традиции. – Уфа: Башк. Энцикл., 2018. – 520 с.

5. Татар халык ижаты. 13 томда. Әкиятләр. Иңче китап / томны төз., искәртмәләргә хәзерләүчеләр Гатина Х.Х., Ярми Х.Х. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977. – 407 б.

6. Татар халык ижаты. 25 томда. Т. 3. Әкиятләр / төз., текст, иск. һәм аңлатмаларны әзерл., кереш сүз авт. И. Г. Закирова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2023. – 487 б.

7. Татар халык ижаты. 25 томда. Т. 7. Әкиятләр / төз., текст, иск. һәм аңлатмаларны әзерл., кереш сүз авт. И. Г. Закирова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2023. – 359 б.

8. Урманче Ф. И. Татар мифологиясе. Энциклопедик сүзлек. 3 томда. Т. 2 (Д – С). – Казан: Мәгариф, 2009. – 343 б.

REFERENCES

1. Zahri Mөхәммәтҗановтан әкиятләр [The Tales of Zahri Mukhametzyanov] // The Center of Written Heritage of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 1961, Folklore Fund, collection 1, folder 33, storage unit 13, 487, 488, 492, 503.

2. Mukhametzyanova L.H. Sovremennyy folklor Aznakaevskogo rajona Respubliki Tatarstan [Modern folklore of the Aznakaevsky district of the Republic of Tatarstan] // Living antiquity. No. 4 (128). 2025. – pp. 10-13.

3. Mukhametzianova L.Kh. Epicheskaya kultura tatar. Dastany [Epic culture of the Tatars. Dustans]. – Kazan, 2023. 120 p. (Series Customs and traditions of the Tatar people).

4. Sultangareeva R.A. Bashkirskij folklor: semantika, funkcii i tradicii. [Bashkir folklore: semantics, functions and traditions]. Vol. 1. Myth. The rite. Dance. Storytelling. Shamanic, religious, and musical folklore. Modern traditions. Ufa: Bashkir. Encycl., 2018. – 520 p.

5. Tatar xalyk iжaty [Tatar folk art] In 13 vol. Fairy tales. Book 1] / the compiler of the volume, the author of the comments Gatina H.H., Yarmi H.H. – Kazan: Tatar Book Publ., 1977. – 407.

6. Tatar xalyk ıǵaty [Tatar folk art]. In 25 vol. Vol. 3. Fairy tales / Compiled by, author of comments and foreword by I. G. Zakirova. – Kazan: Tatar Book Publ, 2023. – 487 p.

7. Tatar xalyk ıǵaty [Tatar folk art] In 25 vol. Vol. 3. Fairy tales / Compiled by, author of comments and foreword by I. G. Zakirova. – Kazan: Tatar Book Publ, 2023. – 359 p.

8. Urmanche F.I. Tatar mifologiyase. Enciklopedik syzlek [Tatar mythology. An encyclopedic dictionary]. In 3 vol. Vol. 2 (D – S). – Kazan: Magarif, 2009. – 343 p.

Информация об авторе

Л.Х. Мухаметзянова – доктор филологических наук, доцент.
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors

L.Kh. Mukhametzyanova – Doctor of Philology, Associate Professor.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 03.05.2026; принята к публикации 10.06.2026.
The article was submitted 03.05.2026; accepted for publication 10.06.2026.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Научная статья

УДК 398

DOI: 10.21510/3034-2694-2026-2-53-66

СЮЖЕТНО-КОМПОЗИЦИОННАЯ СТРУКТУРА ЭПИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ «СЫН ХУР-КУЖУГЕТА СЕРГЕК С ТЕМНО-РЫЖИМ КОНЕМ»

Менги Васильевна Ондар

Тувинский государственный университет, Кызыл, Россия

mengi89@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8270-7071

Аннотация. В работе изучена сюжетно-композиционная структура эпического произведения «Хүр-Күжүгеттин оглу Хүрең-Кыскыл аъттыг Сергек» («Сын Хур-Кужугета Сергек с Темно-Рыжим конём»). Данное произведение создано в 2020 году доктором искусствоведения, Заслуженным деятелем искусств Российской Федерации Зоей Кыргыс и представляет собой образец современного фольклорного творчества тувинского народа. Как объект исследования оно впервые рассматривается в тувинской фольклористике, что определяет научную новизну работы. Сюжетно-композиционная структура эпического произведения соответствует общей модели эпоса народов Сибири и включает традиционные элементы: зачин, завязку, развитие действия, кульминацию и развязку. Цель исследования – выявить особенности композиционной организации текста и его связь с традицией тувинских героических сказаний. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1. «разбивка» эпического произведения на элементы, которые составляют композиционную структуру текста; 2. проведение структурно-семантического анализа каждого элемента; 3. выявление композиционных особенностей и поэтики эпического произведения. В ходе анализа были применены следующие методы: 1. сравнительный анализ элементов композиционной структуры текста с классическими образцами тувинских героических сказаний – для выявления сходств и расхождений в построении сюжет; 2. Историко-генетический анализ – для установления семантики сюжетообразующих мотивов и их связи с архаическими представлениями; 3. мотивный анализ – для выделения и классификации сюжетно-мотивных единиц, их функций и повторяемости в тексте. В результате работы было выявлено, что автор активно использует элементы различных жанров тувинского фольклора (легенды, пословицы, благопожелания, восхваления и др.)

для обогащения структуры текста. Однако их интеграция в повествование не всегда подчинена единой композиционной логике.

Ключевые слова: тувинский фольклор, эпическое произведение, сюжет, мотив, композиционная структура

Для цитирования: Ондар М.В. Сюжетно-композиционная структура эпического произведения «Сын Хур-Кужугета Сергек с темно-рыжим конем» // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Серия: Филологические науки. 2026. № 2. С. 53–66.

Благодарность: работа выполнена при поддержке Государственного задания (проект: «Языковой и социокультурный ландшафт Саяно-Алтая как фактор сохранения и укрепления единства народов Российской Федерации»; 1025091900017-7-6.2.6)

LITERARY STUDIES AND FOLKLORE STUDIES

Original article

THE PLOT AND COMPOSITIONAL STRUCTURE OF THE EPIC WORK "HUR-KUZHUGET'S SON SERGEK WITH A DARK RED HORSE"

Mengi Vasilievna Ondar

Tuva State University, Kyzyl, Russian Federation

mengi89@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8270-7071

Abstract. The paper examines the plot and compositional structure of the epic work "Hur-Kuzhugettin oglu Huran-Kyskyl aytytg Sergek" ("Son of Khur-Kuzhuget Sergek from the Dark-A red horse"). This work was created in 2020 by Zoya Kyrgyz, Doctor of Art History, Honored Artist of the Russian Federation, and is an example of modern folklore creativity of the Tuvan people. As an object of research, it is examined for the first time in Tuvan folklore studies, which determines the scientific novelty of the work. The plot and compositional structure of the epic work correspond to the general model of the epic of the peoples of Siberia and include traditional elements: introduction, setting, development of the plot, climax, and resolution. The purpose of the study is to identify the features of the compositional organization of the text and its connection with the tradition of Tuvan heroic tales. To achieve this goal, the following tasks are solved: 1. "breaking" the epic work into elements that make up the compositional structure of the text; 2. conducting a structural and semantic analysis of each element; 3. identifying the compositional features and poetics of the epic work. The following methods were used in the analysis: 1. Comparative analysis of the elements of the text's compositional structure with classical

examples of Tuvan heroic tales to identify similarities and differences in the plot construction; 2. Historical and genetic analysis to establish the semantics of plot-forming motifs and their connection with archaic beliefs; 3. Motif analysis to identify and classify plot-motif units, their functions, and their recurrence in the text. As a result of the work, it was revealed that the author actively uses elements of various genres of Tuvan folklore (legends, proverbs, well-wishes, praises, etc.) to enrich the structure of the text. However, their integration into the narrative is not always subject to a unified compositional logic.

Keywords: Tuvan folklore, epic work, plot, motif, and compositional structure

For citing: Ondar M.V. Plot and compositional structure of the epic work "The Son of Khur-Kuzhuget Sergek with a dark-red horse" // Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. Series: Philological Sciences. 2026. №2. pp. 53–66.

Acknowledgements: This work was supported by the State Assignment (project: "The Language and Sociocultural Landscape of the Sayano-Altai Region as a Factor in Preserving and Strengthening the Unity of the Peoples of the Russian Federation"; 1025091900017-7-6.2.6)

Введение

В 2020 году в культурной жизни тувинского народа произошло знаменательное событие, а именно была издана книга, содержащая эпическое произведение «Хүр-Күжүгеттин оглу Хүрөң-Кыскыл аъттыг Сергек» («Сын Хур-Кужугет Сергек с Темно-Рыжим конем»), которое было создано Зоей Кыргысовной Кыргыс, доктором искусствоведения, Заслуженным деятелем искусств Российской Федерации. Данное произведение было создано в честь 65-летнего юбилея Сергея Кужугетовича Шойгу, Героя Российской Федерации, национальной гордости тувинского народа. Эпос написан на трех языках: тувинском, русском и английском. Перевод на русский язык был осуществлен автором произведения, а на английский язык Шоном Куирком Патриком. Ответственным редактором выступил Эдуард Мижит, Народный писатель Тувы.

В настоящей работе нами поставлена цель выявить особенности композиционной организации текста и его связь с традицией тувинских героических сказаний. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1. «разбивка» эпического произведения на элементы, которые составляют композиционную структуру текста; 2. проведение структурно-семантического анализа каждого элемента; 3. выявление композиционных особенностей и поэтики эпического произведения. Актуальность настоящего исследования заключается в отсутствии научных работ, посвященных изучению эпического

произведения, относящееся к постфольклорному жанру (по термину С. Ю. Неклюдова см. [1, с. 2-4]). А также значение настоящей работы усиливается тем положением, возникшим в области тувинского эпосоведения, которое выражено в следующем, а именно: многие тексты эпических произведений хранятся в научном фонде Тувинского института гуманитарных исследований и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, среди которых тексты героических сказаний составляют 180 записей от 86 исполнителей [2, с. 9]. Однако из них свет увидели более 60 текстов, которые на сегодняшний день отбираются в качестве материала различных исследований в разных областях. Так, научной обработке подвергаются одни и те же тексты в части эпических произведений тувинцев. Научная новизна исследования состоит в том, что в тувиноведении впервые научному анализу подвергается структура текста эпического произведения, созданное в современное время. Результаты и выводы могут быть полезны для установления эволюционных процессов, происходящих в эпической картине мире тувинского народа. Кроме того, впервые в тувинской фольклористике выявлен и описан механизм структурообразующих моделей, по которому создается современный эпический жанр.

Методика исследования

В работе используются методы структурного анализа фольклорного нарратива. В первую очередь была применена методология В. Я. Проппа [3], Ю. М. Лотмана [4], Е. М. Мелетинского [5], С. Ю. Неклюдова [6], И. В. Силантьева [7], а также коллективный труд Е. М. Мелетинского, С. Ю. Неклюдова, А. Б. Новик и С. А. Сегал [8]. Кроме того, мы опирались на фундаментальные труды сибирских фольклористов: С. М. Орус-оол [2], Е. Н. Кузьминой [9], Т. М. Садаловой, Т. Н. Паштаковой [10] и др.

Результаты и обсуждение

З.К. Кыргыс в предисловии к книге определяет жанровую принадлежность произведения как сказку- миф, отмечая при этом соблюдение традиций исполнения тувинских героических сказаний: сохранение основных сюжетов, эпизодов, восхвалений, напевов и манер исполнения [11, с. 4]. Она характеризует свое произведение следующим образом: «...данная сказка-миф пробудит интерес у многих детей к сказительству, разовьет традиции мелодического, речитативного исполнительства до новых высот, что объясняется воспитательным значением устно-поэтического творчества народа» [там же]. Уникальность текста заключается в том, что он создан по модели тувинского героического сказания, оставаясь при этом сказкой – мифом.

Согласно классификации С. М. Орус-оол [2], произведенной в своем фундаментальном труде «Тувинские героические сказания

(текстология, поэтика, стиль)», рассматриваемое произведение относится ко второму типу тувинских героических сказаний – повествованиям о двух поколениях (отец – сын). При этом его сюжетно-композиционная структура соответствует общей модели эпоса народов Сибири и включает традиционные элементы: зачин, завязку, развитие действия, кульминацию и развязку.

Зачин. Зачин эпического произведения «Сын Хур-Кужугета Сергек с Темно-Рыжим конем» имеет схожие элементы с традиционными эпическими зачинами тувинских героических сказаний. Здесь имеются стандартизированные фразы, с которых начинаются все тувинские сказания:

Эртенгиниң эртезинде, / Бурунгунуң мурунда, / Бурган башкы номнап турар, / Калбак чүве хадып, / Борбак чүве чуглуп турар шагда, / Сүт-Хөл шалбаа чыдар шагда, / Сүмбер-Уула тей турар шагда, / Тениң мыйызы дээринге шаптыгып, / Тевениң кудуруу черинге дөжөлип турар шагда, / Каптал Кара-Хөлдүң бажынга / Хур-Кужугеттер аймаа чурттап чораан чүвең иргин ам [12, с. 9] ‘Раннее ранних времен, / Древнее древних времен, / Когда чтением священной книги / Совершал творение Бог-учитель, / Когда плоское носилось по ветру, / Когда круглое по земле катилось, / Прежде давнего, / Когда проповедовал наставник Бурган, / Когда [озеро] Сют-Холь было лужицей, / Сюмбер-Уула [гора] была холмиком, / Когда рога горного козла в небеса упирались, / Когда хвост верблюда по земле расстился, / Тогда в верховьях озера Кара-Холя, что в горном ущелье, / Жил многочисленный и сильный род Кужугетов’ (перевод З. К. Кыргыз)⁴.

Взяв за основу традиционные конструкции для построения зачина, З. К. Кыргыз дает нам понять, что перед нами эпическое произведение, где рассказывается о подвигах будущего героя. Здесь невольно вспоминаются величайшие древнегреческие эпические поэмы Гомера «Одиссея», «Илиада», которые так же имеют авторство.

Автор не зря указывает род Кужугетов, поскольку данный род всегда интересовал ученых, исследователей. Во многом это связано с именем Героя России, поскольку, как медийной личностью, биография Сергея Шойгу интересовала многих. Итак, вопросу о генезисе и семантике данной родоплеменной группы были посвящены многие работы, последней из которых является научная статья Ш. Ю. Кужугет «История родственной группы кужугет из Барун-Хемчикского района Тувы» [13, с. 31-44].

Завязка. Завязка рассматриваемого эпоса представлена следующими темами: тема родства; тема защиты родины.

⁴ Все переводы примеров на русский язык осуществлены Зоей Кыргыз

Тема родства является одной из традиционных тем тувинских эпических произведений. В данном тексте она выражается в отношениях между главным персонажем и его старшим братом по отцовской линии. По сюжету именно родной брат отца главного персонажа – Калин-оол – советует ему принять участие в состязании борцов, которое проводит *Дээр-Хаан* (дээр ‘небо’, хаан ‘хан’). Приведем речь Калин-оола, обращенную к Сергею:

Чаа-дайын аян-чоррукка барган эвес сен, / Иеден төрүп келгенден бээр. / Кижси чери кежээ чүме болгай, / Киш чери кадыр болур, / Улуг-улуг чүвени көөр болзуңза, / Карааңга эргек дег, / Биче чүвени көөр болзуңза, / Карааңга улуг көстүр боор. / Улуг сеткил сеткип болбас, / Улугнуң адаанга олуруп, / Кысканың кыдыыңга кыстынып чор. / Ада-иң төөгүзүн ап көөр дээр болза, / Күжүгеттер чурту / Уктуг аңчылар, мөгелер чурту чүве. / Айның чаазында, хуннун эртезинде, / Дээр хаанның черинде, / Мөөрей чарлаан деп дыңнадым / Адаан-мөөрейге аныяк кижси кириш» – деп-тир [12, с. 22] ‘Родившись от матери, ты ведь / На битву, войну далеко не ходил. / В соболином краю склоны крутые, / В чужом краю жить нелегко, / Что-то большое увидишь – / В глазах твоих большим оно может показаться. / Не будь высокомерным, / Пониже старших садись, / Поближе к младшим держись! / Если взять историю твоих предков, / То земля Кужугетов – / Это земля потомственных охотников и борцов. / Утром в день новолуния, / Слышал, Дээр-Хаан у себя / Состязание борцов объявил. / Ты же молодой, отправляйся, / Сергек», – сказал дядя’.

Здесь необходимо отметить, что персонаж Калин-оол является реально существовавшим дядей Сергея Кужугетовича Шойгу (см. https://ru.ruwiki.ru/wiki/Кужугет,_Калин-оол_Сереевич). Присутствие данного персонажа в эпосе не случайно, поскольку он был государственным деятелем и сыграл важную роль в развитии геолого-минералогических наук в Туве.

У тувинцев всегда говорят «*Даг көргенде, бөрү омак, / Даай көргенде, чээн омак*» («Радуется волк, в родную чащу глядя, / А племянник рад, на дядю глядя»). В связи с этим в традиционной культуре тувинцев дядя всегда играет важную роль в жизни ребенка, в особенности если ребенок был мужского пола. Кроме того, автор текста в целях утверждения своего факта о том, что «род Кужугетов силен и могущественен», ввела образ дяди Калин-оола в свой текст, а именно на передний план.

Следующая **тема о защите родины** стала обязательным элементом, поскольку имя Сергея Шойгу всегда ассоциируется с защитником. И в реальной жизни современных тувинцев имя Шойгу вызывает у них чувство спокойствия и уверенности в мирной жизни. В связи с этим сюжет, отражающий природные катаклизмы, раскрывает образ главного персонажа:

Хенертен диңмирээшкин диңмиреп, / Чаашкын чаап, / Коргунчуг дааш уңгеш, / Чаңнык душкен сөөлүндө / Арга-арыгның ыяш-дажы сыйлып чаштап, / өрт болу берген! / Бир чартыындан / Чалым-хая чарлып чаштаан, / өске бир чартыындан / Тайганың дыттары турлуп чаштаан [12, с. 18] ‘Неожиданно начался дождь, / грянула гроза, / И раздался страшный треск. / От удара молнии / Вспыхнуло дерево, и начался пожар. / По одну сторону [от него], / Раскалываясь, рушились скалы, утесы, / по другую сторону / Шатались и ломались вековые лиственницы’.

В структуре завязки произведения автор использует мотивы, отсылающие к мифологическому пласту эпических традиций (в т.ч. мотив стихийного бедствия – пожара). Эти элементы выполняют функцию символического обобщения: через архетипический образ угрозы жизни актуализируется идея служения и защиты. Образ Сергея Шойгу, посвятившего свою деятельность спасению людей, выступает современным воплощением эпического героя, чьи поступки приобретают мифопоэтический резонанс без утраты исторической конкретики.

Развитие действия. Развитие действия начинается с мотива отправки героя в дорогу по совету дяди участвовать в состязаниях, устраиваемых *Дээр-Хааном*. Для описания пройденного героем пути автор использует традиционную формулу, характерную для тувинских героических сказаний: *карак четпес сарыг хову* ‘неоглядная желтая степь’. Здесь образ степи символизирует чужое пространство, где будут происходить главные события, связанные с жизнью героя. Также степь передает значение препятствия, возникшего на пути героя. Кроме того, степь – это пространство внутри огромного пространства, после перехода которого герой становится другим человеком. Подобно образу моря, считающегося чертой (см. труд Г. Д. Гачева [14]), за которой строится оппозиция «чужой», степь так же выполняет функцию, благодаря которой трансформируется образ главного героя: он превращается из мальчика во взрослого мужчину.

Еще одним интересным в структуре данного раздела считается мотив представления героя другим людям во время встречи. Здесь автор текста использовал традиционный прием представления героя во всех текстах тувинских героических сказаний. Для наглядности приведем модель, по которой строится представление героя в текстах тувинских героических сказаний: «топоним (название места, которое является родиной отца) + кличка коня отца + антропоним¹ (имя собственное отца) + антропоним² (имя собственное главного героя)».

По указанной модели главный герой Сергек представляет себя Дээр-Хаану:

«Мөңгүн-Аргадан баткан суглуг, / Агар сандан ыяштыг, / Кара-Хөлдүн кыдыында, / Алдан ийи адыр мыйыстыг, / үш илиг дүктүг, он сес азыглыг / Хурең-Кыскыл аъттыг / Муң чылгының ээзи, / Кужугет деп кижиниң оглу, / Сергек мен ийин [12, с. 23] ‘Я сын человека по имени Кужугет, / Живущего на берегу Кара-Холя, / С водами, текущими из серебряного леса / С сандаловыми деревьями, / Человека, имеющего Темно-Рыжего коня / С рогами с шестьюдесятью ответвлениями, / Шерстю длиной в три пальца / И восемнадцатью клыками, / Хозяина табуна в тысячу лошадей. / Зовут меня Сергек’.

Итак, если разобрать по сегментам традиционное представление, то получим следующую синтагматическую цепочку: «Топонимы (Монгүн-Арга и Кара-Хол) + конь Хурен-Кыскыл, являющийся конем отца + имя отца: Кужугет + имя главного героя: Сергек». Как видим, семантическое значение традиционной формулы представления связано с указанием рода и коня отца. Причем образ отца представлен как человек со статусом, на который указывает сегмент *муң чылгының ээзи* ‘хозяин табуна в тысячу лошадей’. При описании коня З. К. Кыргыз было использовано сочетание слов *Кара-Хөлдүн кыдыында, / Алдан ийи адыр мыйыстыг, / үш илиг дүктүг, он сес азыглыг*, которое нами обнаруживается в структуре героического сказания «Хунан-Кара» [15, с. 54]. Приведем фрагмент из текста эпоса «Хунан-Кара», где описывается конь главного героя по имени *Далай-Байбын хаан*: **Кара хөлдүн кыдыында оъттап турар, / Алдан ийи / Адыр мыйыстыг, / Он сес азыглыг, / Үш куспак кудуруктук, / Үш илиг дүктүг, / Алдын кулаш дурттук, / Бора-Хөл аъттыг-даа / Чүмези иргин ийин [15, с. 54] ‘Был у него / Конь Бора-Хол / В шестьдесят сажень [длиной], / С шестьюдесятью двумя / Отростками на рогах, / С восемнадцатью клыками, / С хвостом в три обхвата, / С шерстью в три пальца, / Пасшийся около [озера] Кара-Хол’** (перевод А.В. Кудиярова). В текстах тувинских героических сказаний лексема *азыг=лыг* ‘с клыком’ используется часто в сочетании разными числительными. В этом случае вариацию составляют следующие числа: один, шесть, восемнадцать, сто восемь.

Топоним *Кара-Хөл* так же является типическим местом, указывающим на пространство в тувинских героических сказаниях. Значение данного топонима связано с описанием территории, относящейся к оппозиции «свой», в связи с чем в героических сказаниях тувинцев в названии географических объектов относительно образа главного героя всегда используется кара: *Чиңге-Кара-Хем, Кара куй, Кара-Хөл* и т.д. Однако в тексте З. К. Кыргыз тополексема *Кара-Хөл* принимает другое значение – эффект достоверности, а именно: у слушателя вызывается чувство реальности по причине того, что место с названием *Кара-Хөл* действительно существует на территории Тувы, причем на этом месте обитал род Кужугетов. Скорей всего, по этой

причине автор текста для построения текста использовала данное сочетание слов, которое связано с этим родом. Поэтому в структуре рассматриваемого текста топоним *Кара-Хөл* утрачивает свое аутентичное символическое значение, привязывая сказание к земле Тувы и роду Кужугетов, создавая эффект достоверности;

Помимо указанного традиционного представления, З. К. Кыргыс использует классический прием в создании структуры текста: в тексте обнаруживается комплекс мотивов, предваряющих кульминацию композиционной структуры эпического произведения. Во-первых, это мотив борьбы главного персонажа с антагонистами, куда включены: борьба по поднятию тяжелого предмета, в нашем случае – чугунного камня; борьба *хуреш* («схватка, борьба»); борьба по стрельбе из лука. Обязательные мотивы, характерные для героических сказаний, включены в структуру указанного текста.

Рассматривая данный сюжет, мы обнаруживаем, что автор эпического произведения использует все традиционные формулы, которые употребляются в эпических произведениях тувинского народа; они соблюдены и между собой связываются при помощи многочисленных диалогов между персонажами. Кроме того, для нас особый интерес представляет встреча героя с дядей Калин-оолом после состязаний, где он побеждает. Приведем эпизод встречи:

*Калин-оол аажок манаан орган. /... Дуңмазының хаваан көөрге,
/ Кадыр тайга арны-биле дөмей, / Хөлчүк дег ала карактыг, / Көгей дег
эр бооп / Көстүп олуруп-тур эвеспе* [12, с. 33] ‘Калин-оол так ждал его. /... И видит он, что лоб племянника / на отвесную скалу тайги стал похож, / А глаза – на ясные озерца. / А сам он стал богатырём, как хребет Когей’.

Указанным мотивом наблюдения дяди над главным персонажем автор текста постаралась передать значение процесса взросления главного персонажа. Здесь необходимо отметить, что в традиционной культуре существует обряд инициации мужчин, когда проводится ритуал по становлению молодого человека мужчиной. Так, З. К. Кыргыс не случайно описывает образ главного персонажа через описание встречи с дядей *Сергеком*.

Кульминация. Кульминацией рассматриваемого текста выступает рассказ легенды Калина-оола своему племяннику о жеребенке. В тувинском фольклоре существует легенда о возникновении *игила* – музыкального инструмента, который считается священным инструментом. В данной легенде говорится, что жеребёнок, оставшегося сиротой, забирает к себе молодой человек. И увидев, как этот жеребёнок начинает побеждать на конных скачках, один хан из зависти убивает жеребёнка, выбросив со скалы. Дух

умершего жеребёнка приходит ко сну хозяина и предлагает из своего хвоста сделать музыкальный инструмент *игил*.

В структуре анализируемого эпического текста присутствует вставка легенды, связанной с *игилом*. По замыслу автора (З. К. Кыргыс), данный элемент призван продемонстрировать жанровое богатство тувинского фольклора.

Однако включение легенды в эпическую композицию создаёт определённые трудности для восприятия: фрагмент воспринимается как относительно автономный, его связь с основным сюжетом не всегда очевидна для читателя. Это может нарушать целостность художественного впечатления и замедлять динамику повествования.

Обращение к концепции Ю. М. Лотмана позволяет прояснить проблему. Учёный отмечал: «Всякое новаторское произведение строится из традиционного материала. Если текст не поддерживает памяти о традиционном построении, его новаторство перестаёт восприниматься» [4, с. 41].

В контексте данного эпоса отклонение от канонических принципов структурной организации (например, от чёткой синтагматической последовательности эпизодов) действительно приводит к эффекту фрагментарности. Легенда, несмотря на свою фольклорную ценность, выступает как самостоятельный жанр внутри эпического целого, что создаёт напряжение между традицией и новаторством.

В кульминационной части эпического повествования напряжённость действия усиливается за счёт сюжетного хода: главный герой покидает родной дом и совершает путешествие по миру. Значимым стилистическим приёмом становится включение лексем книжного характера, не типичных для устной эпической традиции. Например, слова *номчуур* ‘читать’ и *эртем-билиг* ‘образование’ подчёркивают интеллектуальную составляющую образа героя, акцентируют его стремление к познанию. Это вносит в эпос элементы просветительской идеологии и расширяет семантическое поле текста.

«Өртемчей борбак боор чүве-дир, / Бир оранга кээримге, / Дөрт дөрбелчин арынныг / Кижилер бар чүве-дир, / Бир дикке кээримге, / Шөйбек арынныг, / Сыңый бажындан куржаныр / Улустар бар боор чүве-дир. / Бир дикке кээримге, / Чартык дик турар чүве-дир. / Бир дикке кээримге, / Улус шупту номчуттунар болду. / Эртем-билиглиг улус / Эки чурттан турар боор чүве-дир – деп-тир. / Мээң черимче дайын кирип, / Дайылдажыр күзелим чок. / Дайылдажыр күзелдигни / Диригге салбас мен. / Мээң өгбелерим төөгүзү ындыг. / мен [чурттар] ядарадыр күзелим чок, / Дегбес кижилерге чүнү-даа дээспес дээш, / Кижилер ядаратканнарны диригее үндүрбес мен. / Менден баксырап үнер. / Шенексен турарлар шенезин, / Мээң күжүм билип алзыннар» – деп, / Сергек чугаалап олуруп-тур [12, с. 41] ‘Мир совсем круглый, /

оказывается, – отвечал Сергек. / – Приехал на одну сторону света и увидел, / Что люди там с совершенно квадратными лицами / Приехал на другую сторону, / а там живут / Люди с продолговатыми лицами, / Что ниже пояса опоясываются. / Приехал на третью сторону света – / Оказалось, что там лишь / половина вселенной стоит, / И люди его с половинными лицами. / Приехал на четвертую сторону – / Там все люди читают, / А народ образованный и / И очень хорошо живет-поживает. / Одно я понял: / Я ни с кем воевать не желаю. / Чтобы не впустить войну / на свою землю / С войной пришедшего живым / не выпущу – / Таков издревле обычай моих предков. / сам я разорять других не желаю, / Пришедшего разорять – / Живым не выпущу. / За то, что посмел он тронуть тех, / кого трогать нельзя, / Гибель от меня получит. / За то, что посмеет испытать того, / кого испытывать нельзя, / Силу мою узнает!» – говорил Сергек’.

Развязка. В диалоге отца с главным героем Сергекком раскрывается ключевая идейная линия эпоса – предназначение героя как предводителя рода и народа. Отец ставит перед сыном вопрос о том, где лучше живётся, и получает ответ, подчёркивающий ценность единства: «В мире лучше там, где все люди сплочены, тот народ, что живёт мирно из века в век, здравствует всегда» [12, с. 41].

Через этот обмен репликами автор акцентирует тему вечности народа, которая достигается через сплочённость и мирное сосуществование. Ответ Сергека носит программный характер: он формулирует идеал общественного устройства, где стабильность и процветание напрямую связаны с единством поколений и коллективной гармонией.

Выводы и направления исследований

На основании вышеизложенного мы приходим к следующему заключению.

Произведение, обозначенное автором как «сказка- миф», демонстрирует сложное взаимодействие жанровых традиций. Несмотря на заявленную жанровую маркировку, его структура выстраивается по канонам тувинских героических сказаний. В ткань повествования органично включены элементы малых и больших жанров тувинского фольклора: легенда о жеребёнке, из хвоста которого создан музыкальный инструмент, пословицы, восхваления, благопожелания, наказания и др.

Подобные вставки характерны для героических сказаний, однако в данном случае их интеграция порождает композиционную неоднородность. Структурообразующие элементы связаны не единой сюжетной линией, а различными тематическими пластами, что создаёт эффект резких смысловых переходов и затрудняет восприятие целостности произведения.

Тем не менее, текст обладает значительной культурной ценностью: он выступает одним из современных механизмов сохранения и развития эпических жанров тувинского фольклора, фиксируя живую традицию включения разножанровых элементов в эпическое повествование.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Неклюдов С.Ю. После фольклора / С. Ю. Неклюдов // Живая старина. 1995. № 1. С. 2-4.
2. Орус-оол С.М. Тувинские героические сказания (текстология, поэтика, стиль). Москва: МАКС Пресс, 2001. 422 с.
3. Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки; Русский героический эпос. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 1168 с.
4. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. Москва: Эксмо, 2024. 512 с.
5. Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. Москва: Наука, 1986. 318 с.
6. Неклюдов С.Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. Москва: Индрик, 2019. 592 с.
7. Силантьев И.В. Сюжетологические исследования. М.: Языки славянской культуры, 2009. 224с.
8. Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С., Сегал Д.М. Структура волшебной сказки. Москва: РГГУ, 2023. 237 с.
9. Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 1381 с.
10. Садалова Т.М., Паштакова Т.Н. Об общих сюжетных аспектах алтайских и монголо-ойратских эпических произведений // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2025 № 3 (Вып. 55). С. 43–50. DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-43-50
11. Кыргыс З.К. Предисловие // Хүр-Күжүгеттин оглу Хүрең-Кыскыл аъттыг Сергек. Сын Хур-Кужугета Сергек с Темно-Рыжим конем / Сост. З.К. Кыргыс. Кызыл, 2020. С. 5-6.
12. Хүр-Күжүгеттин оглу Хүрең-Кыскыл аъттыг Сергек. Сын Хур-Кужугета Сергек с Темно-Рыжим конем / Сост. З.К. Кыргыс. Кызыл, 2020. 111 с.
13. Кужугет Ш. Ю. История родственной группы кужугет из Барун-Хемчикского района Тувы // Новые исследования Тувы. 2021. № 4. С. 31-45. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.3> (дата обращения: 15.05.2026)
14. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Общие вопросы: русский, болгарский, киргизский, грузинский, армянский. Москва: Книга по требованию, 2013. 234 с.

15. Тувинские героические сказания / Сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. 584 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т.12).

REFERENCES

1. Neklyudov S.YU. Posle fol'klora [After folklore] / S. YU. Neklyudov // Zhivaya starina. 1995. № 1. S. 2-4.
2. Orus-ool S.M. Tuvinskiye geroicheskiye skazaniya (tekstologiya, poetika, stil') [Tuvan Heroic Tales (Textology, Poetics, and Style)]. Moskva: MAKS Press, 2001. 422 s.
3. Propp V.YA. Morfologiya volshebnoy skazki; Istoricheskiye korni volshebnoy skazki; Russkiy geroicheskiy epos [Morphology of a Fairy Tale; Historical Roots of a Fairy Tale; Russian Heroic Epic]. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2021. 1168 s.
4. Lotman YU.M. Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of a literary text]. Moskva: Eksmo, 2024. 512 s.
5. Meletinskiy E.M. Vvedeniye v istoricheskuyu poetiku eposa i romana [Introduction to the Historical Poetics of Epic and Novel]. Moskva: Nauka, 1986. 318 s.
6. Neklyudov S.YU. Fol'klornyy landshaft Mongolii. Epos knizhnyy i ustnyy [The folklore landscape of Mongolia. Book and oral epic]. Moskva: Indrik, 2019. 592 s.
7. Silant'yev I.V. Syuzhetologicheskiye issledovaniya [Plotological research]. M.: Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2009. 224s.
8. Meletinskiy E.M., Neklyudov S.YU., Novik E.S., Segal D.M. Struktura volshebnoy skazki [The structure of a fairy tale]. Moskva: RGGU, 2023. 237 s.
9. Kuz'mina E. N. Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri (altaytsev, buryat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov) [Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvans, Khakas, Shors, Yakuts)]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2005. 1381 s.
10. Sadalova T.M., Pashtakova T.N. Ob obshchikh syuzhetnykh aspektakh altayskikh i mongolo-oyratskikh epicheskikh proizvedeniy [About the general plot aspects of Altaic and Mongol-Oirat epic works] // Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri. 2025 № 3 (Vyp. 55). S. 43–50. DOI 10.25205/2312-6337-2025-3-43-50
11. Kyrgys Z.K. Predisloviye [The preface] // Khyr-Kyzhygettiñ oglu Khyreñ-Kyskyl a"ttyg Sergek. Syn Khur-Kuzhugeta Sergek s Temno-Ryzhim konem / Sost. Z.K. Kyrgys. Kyzyl, 2020. S. 5-6.
12. Khyr-Kyzhygettiñ oglu Khyreñ-Kyskyl a"ttyg Sergek. Syn Khur-Kuzhugeta Sergek s Temno-Ryzhim konem [Son of Khur-Kuzhuget Sergek with a Dark Red horse] / Sost. Z.K. Kyrgys. Kyzyl, 2020. 111 s.

13. Kuzhuget SH. YU. Istoriya rodstvennoy gruppy kuzhuget iz Barun-Khemchikskogo rayona Tuvy [The history of a related Kuzhuget group from the Barun-Khemchik district of Tuva] // Novyye issledovaniya Tuvy. 2021. № 4. S. 31-45. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2021.4.3> (data obrashcheniya: 15.05.2026)
14. Gachev G.D. Natsional'nyye obrazy mira: Obshchiye voprosy: russkiy, bolgarskiy, kirgizskiy, gruzinskiy, armyanskiy [National images of the world: General questions: Russian, Bulgarian, Kyrgyz, Georgian, Armenian]. Moskva: Kniga po trebovaniyu, 2013. 234 s.
15. Tuvinskiye geroicheskiye skazaniya [Tuvan heroic tales] / Sost. S. M. Orus-ool. Novosibirsk: Nauka, 1997. 584 s. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T.12).

Информация об авторе

М.В. Ондар – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

M.V. Ondar – Candidate of Philology, Senior Researcher.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.03.2026; принята к публикации 23.04.2026.

The article was submitted 26.03.2026; accepted for publication 23.04.2026.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Научная статья

УДК 82.0:398+159.964.2

DOI: 10.21510/3034-2694-2026-2-67-78

КУКЛА-ЗАМЕСТИТЕЛЬ И ГЕРОЙ-ДВОЙНИК: НАРРАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИСЦЕЛЕНИЯ ТРАВМЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И ОБЕРЕЖНЫХ ПРАКТИКАХ СРЕДНЕЙ РОССИИ И ПОВОЛЖЬЯ

Эльза Анисовна Радь

*Уфимский университет науки и технологий, Стерлитамакский
филиал г. Стерлитамак, Россия*

<https://orcid.org/0000-0001-5873-8954>

e.a.rad@struust.ru

Аннотация. В статье рассматривается параллель между обережной куклой в русской народной культуре Средней России и Поволжья и феноменом литературного двойничества в русской прозе XIX века. На материале зольных кукол, пеленашек, заместительных обрядов, сказки о Василисе Прекрасной, а также повестей Н.В. Гоголя («Невский проспект») и Ф.М. Достоевского («Двойник») анализируются способы создания «рукотворного подобия» человека в обрядовой практике и в словесном творчестве. В обоих случаях кукла/двойник функционирует как механизм психологической защиты, стремящийся отвести удар от подлинного «Я». Успешная обережная стратегия, зафиксированная в фольклоре, становится в литературе XIX века знаком неудачи: двойник оборачивается травмирующим преследователем, а кукла-заместитель – манекеном, лишенным живой души.

Ключевые слова: кукла-заместитель, герой-двойник, обережная практика, травма, нарративная стратегия, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Средняя Россия, Поволжье

Для цитирования: Радь Э.А. Кукла-заместитель и герой-двойник: нарративные стратегии исцеления травмы в русской литературе и обережных практиках Средней России и Поволжья // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Серия: Филологические науки. 2026. №2. С. 67-78.

LITERARY STUDIES AND FOLKLORE STUDIES

Original article

THE SUBSTITUTE DOLL AND THE DOPPELGANGER HERO: NARRATIVE STRATEGIES FOR HEALING TRAUMA IN RUSSIAN LITERATURE AND COASTAL PRACTICES IN CENTRAL RUSSIA AND THE VOLGA REGION

Elza Anisovna Rad

*Ufa University of Science and Technology, Sterlitamak Branch,
Sterlitamak, Russia
e.a.rad@struust.ru*

Abstract. The paper examines the parallel between the protective doll in the folk culture of Central Russia and the Volga Region and the phenomenon of literary doubling in 19th-century Russian prose. Drawing on ash dolls, swaddling dolls, substitution rituals, the fairy tale of Vasilisa the Beautiful, as well as the stories of N.V. Gogol ("Nevsky Prospect") and F.M. Dostoevsky ("The Double"), the study analyzes the ways of creating a "handmade likeness" of a person in ritual practice and in verbal creativity. In both cases, the doll/double functions as a mechanism of psychological defense, seeking to deflect the blow from the authentic Self. The successful protective strategy recorded in folklore becomes in 19th-century literature a sign of failure – the double turns into a traumatic persecutor, and the substitute doll into a mannequin devoid of a living soul.

Keywords: substitute doll, double hero, protective practice, trauma, narrative strategy, N.V. Gogol, F. M. Dostoevsky, Central Russia, Volga Region

For citing: Rad E.A. The substitute doll and the doppelganger hero: narrative strategies for healing trauma in Russian literature and coastal practices in Central Russia and the Volga // Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmulla. Series: Philological Sciences. 2026. № 2. pp. 67-78.

Введение

Феномен куклы в русской традиционной культуре давно привлекает внимание исследователей – этнографов, искусствоведов, культурологов. Однако до настоящего времени кукла редко рассматривалась как психологический феномен, сопоставимый с механизмами создания литературного персонажа. Между тем сама логика обережных практик – создание рукотворного подобия человека, способного принять на себя удар, отвести беду, заместить подлинное

«Я» в опасной ситуации – обнаруживает удивительное родство с тем, что происходит в художественном тексте, когда писатель «лепит» героя, наделяет его плотью, словом и судьбой, а затем подвергает испытаниям, которых сам творец, возможно, страшится пережить.

Сопоставим две модели создания «человека-подобия»: с одной стороны – народную куклу-заместителя в бережных практиках Средней России и Поволжья, с другой – литературного двойника в русской прозе XIX века. Нас будет интересовать не символика как таковая, а действие: тот момент, когда материя (лоскут, нить, солома, береста – или слово, жест, деталь, сюжетный ход) превращается в «другого», и этот другой вступает с человеком в сложные – защитные, травмирующие, исцеляющие – отношения. В фокусе нашего внимания – те особые конфигурации, когда создание подобия становится ответом на психологическую травму: утрату, страх, одиночество, угрозу уничтожения «Я».

Для анализа нами привлекаются материалы этнографических описаний русских бережных кукол, имеющих множество культурных аналогий с куклами других народов России и бытовавших на территории Средней России и Поволжья (преимущественно Тульской, Калужской, Рязанской губерний, а также Ульяновской области и регионов проживания чувашского, мордовского, татарского и башкирского населения), тексты народной сказки («Василиса Прекрасная»), а также повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» и Ф.М. Достоевского «Двойник». Особый интерес в контексте изучения русских тряпичных кукол и кукол разных регионов, в которых явлена мифологическая формула мироустройства, представляет книга Г. Дайн «Тряпичная кукла. Лоскутные мячики» [4]. Выбор литературного материала обусловлен тем, что именно в этих произведениях феномен кукольности и двойничества приобретает наиболее отчетливые формы, а механизм замещения оказывается в центре повествования – и одновременно обнаруживает свою несостоятельность как стратегия исцеления.

Результаты исследования

Следуя архаической логике замещения, отметим, что в традиционной культуре кукла возникла не как игрушка, а как заместитель человека в обрядах жертвоприношения. По меткому замечанию исследовательницы народной куклы Н. Маломыжевой, «кукла как древнейший атрибут изначально возникла не как игрушка, а как... заместитель человека в обрядах жертвоприношения» [10]. Легендарная Коллодия – первая обрядовая кукла, березовое поленце, наряженное в сарафан и платок, – была создана в момент, когда требовалось спасти жизнь невинной девушки, предназначенной в жертву. С этого момента за куклой закрепляется фундаментальная

апотропейная функция: она берет на себя удар, предназначенный живому человеку.

И.А. Морозов в монографии «Феномен куклы в традиционной и современной культуре» [11, с. 55-67] выделяет функцию замещения как наиболее распространенную: куклы заменяют человека в обрядах, оканчивающихся умерщвлением обрядового персонажа, его ритуальной казнью или изгнанием. Кукла в таких действиях выступает в роли двойника, и это дублирование мотивируется самыми разными причинами – от апотропейных практик защиты от сглаза и колдовства до необходимости публичного диалога с потусторонними силами. Как пишет Морозов, кукла позволяет человеку не только «увидеть» и «ощутить» недоступные прежде свойства собственной личности, но и, перенеся их на окружающий мир, попытаться управлять этим миром [11, с. 60].

На территории Средней России и Поволжья бытовали многочисленные разновидности кукол-заместителей [10]. Среди них – так называемая «кукла-полено», характерная для Калужской, Тульской, Московской, Смоленской губерний, представлявшая собой оберег для семьи. Парные куклы «День и Ночь», известные в южных губерниях, воплощали идею циклического обновления и защиты от хаоса. Кукла-столбушка (скрутка), в основе которой – скрученная в столбик ткань или березовый столбик, считалась самой главной и первой куклой-оберегом в русской традиции.

Кукла «Куватка» изготавливалась для колыбели младенца и служила оберегом, принимающим на себя все напасти, угрожающие незащищенному крестом чаду. «Пеленашка» также использовалась как заместительная кукла – ее подкладывали младенцу, чтобы она «отводила» болезни и сглаз. Здесь важно подчеркнуть, что лицо такой кукле, как правило, не делали: «лицо же наделяет поделку душой, делает её двойником конкретного человека, что может причинить ему вред при несправедном использовании куклы» [10]. Безликость – условие безопасности: кукла остается инструментом, а не полноценным двойником, способным к самостоятельным и потому опасным действиям [4, с. 21]

Для народов Поволжья также характерны свои традиции обережной куклы. У чувашей бытовала кукла «Берегиня», которая оберегала дом, хозяйство от темных сил, призывала добрых духов. В чувашской традиции, как и у русских, обереговые куклы делались без лица. В татарских деревнях изготавливали «куклу на щепе». В Мордовии были распространены куклы-столбушки, а также фарфоровые куклы в национальных костюмах, которые использовались как обереги для праздников и обычаев [10; 11]. Эти параллели свидетельствуют о повсеместности архаической логики замещения, которая не знает этнических границ.

Особого внимания заслуживает категория заместительных кукол, которые изготавливались «для оберега дома от бед на время долгого отсутствия хозяина» [11, с. 72]. Здесь кукла выступает не просто как оберег, но как *continuum* – продолжение присутствия человека в пространстве дома, его материализованная тень, призванная «держат» целостность семьи в момент ее временной фрагментации. Этот феномен – когда отсутствующий сохраняет свое присутствие через рукотворное подобие – представляет for нас особый интерес: именно здесь начинается сближение бережной практики с литературным творчеством, где слово также способно «удерживать» присутствие того, кого нет.

В повести Н.В. Гоголя «Невский проспект» (1835) кукольный мотив пронизывает все повествование насквозь, но функционирует он иначе, чем в архаической обрядовой культуре. Как отмечает А.В. Скрипник, Гоголь актуализирует такие аспекты семантики образа куклы, как «мертвенность, пустота внутреннего содержания, автоматизм и отсутствие человечности при внешнем дублировании человеческого облика» [12, с. 28]. Кукла здесь – не охранитель, а знак катастрофы: мир Невского проспекта населён манекенами, в которых невозможно распознать живую душу.

Показательно описание гуляющих по проспекту: «сколько башмаков и сапогов не изнашивается на Невском проспекте! ... Тут вы встретите бакенбарды единственные, пропущенные с необыкновенным и изумительным искусством под галстук, бакенбарды бархатные, атласные, чёрные, как соболю, или уголю, но... увь! ни одной живой души» [2, с.12]. Люди здесь – «мужья, какие встречаются на Невском проспекте, – в сюртуках и фраках, ... на лицах которых даже выражается то же» [2, с.14]. Мир Невского проспекта – это «выставка кукольных персонажей», живущих «видимостью жизни». Как пишет Скрипник, здесь создается ощущение «отсутствия идентичности, живого чувства и человечности из-за усиления кукольного элемента» [11, с. 30]. Внешняя мишура полностью заменяет внутреннее содержание, и мир оказывается иллюзорным, почти миражом.

Особенно значимо, что, помимо образов манекенов, Гоголь прибегает к традициям народного кукольного театра – райка и театра Петрушки. Повествование о судьбе двух друзей – художника Пискарева и поручика Пирогова – строится по образцу кукольного спектакля, где персонажи действуют как марионетки, лишённые свободы воли. Но здесь народный кукольный театр, который в традиционной культуре был местом смеховой разрядки и карнавального осмеяния зла, у Гоголя превращается в знак безысходной механистичности бытия.

Главная героиня, в которую влюбляется художник Пискарев, оказывается «пустой куклой» (как выражается один из персонажей, «она не кухарка, чтоб руками работать» [2, с. 26]). Пискарев ищет в ней идеал, душу, подлинную красоту – но находит лишь маску, кукольное лицо без внутреннего содержания. Его мечта разбивается о действительность, и он гибнет, не выдержав этого столкновения.

С точки зрения травмы, гоголевская стратегия – неудачная бережная практика. Пискарев пытается создать в своем воображении идеальный образ женщины, наделить его душой, сделать его своим двойником-утешителем. Но этот рукотворный образ не остается в безопасной зоне воображения – он вступает в реальность, сталкивается с подлинным (кукольным) лицом проститутки и разрушает самого творца. Кукла-заместитель здесь не отводит удар, а наносит его; не защищает творца, а уничтожает его. Гоголь показывает, что в мире «Невского проспекта» [8, с. 26], мире тотальной подмены, где подлинное неотлично от поддельного – сама идея исцеления через создание двойника оборачивается своей противоположностью.

Особенно важно подчеркнуть: если в народной традиции кукла не имеет лица, чтобы не стать опасным двойником, то Гоголь намеренно наделяет своих кукольных персонажей чертами, но эти черты оказываются мертвыми, лишенными души, это «лица без души» (характерная гоголевская формула). Тем самым писатель показывает, что механизм замещения, работающий в архаической культуре, в современном ему мире больше не действует: подобие не отводит беду, а становится ее носителем.

Контрастом к гоголевскому «провалу» замещения служит народная сказка «Василиса Прекрасная» в афанасьевской версии [1, с. 112-123]. Здесь мы находим образцовый пример удавшейся бережной стратегии – и интересно, что эта стратегия закреплена именно в повествовательном фольклоре, то есть в словесной форме.

Умиравшая мать оставляет восьмилетней Василисе куклу со своим благословением. «Эта кукла не простая: если дать ей поесть, то можно получить от неё помощь при неприятностях» [1, с. 114]. Здесь перед нами классический феномен куклы-заместителя: умершая мать не может более защищать дочь, но она передает ей материализованный инструмент этой защиты – куклу, которая будет делать то, что делала бы живая мать: советовать, утешать, помогать в трудную минуту.

Заметим: кукла работает именно как двойник матери, но при этом – и это важно – остается куклой, то есть управляемым инструментом. Она не обретает собственной воли, не становится опасным alter ego. Василиса с ней разговаривает, кормит, советуется – но кукла всегда действует в интересах девочки, никогда не выходя за рамки предписанной ей роли.

З.И. Зимина в работе «Текстильные обрядовые куклы» прямо указывает на связь этого сказочного сюжета с бережными практиками: «Кукла ведет борьбу с двойником и охраняет от него юрту. Славянской параллелью этому обряду в повествовательном фольклоре может служить сказочный сюжет „Василиса Прекрасная“» [6, с. 13]. Иными словами, кукла в сказке выполняет ту же функцию, что и бережная кукла в реальном обряде: она замещает утраченную защиту и отводит угрозу.

Сравним с Гоголем: у Василисы есть внешняя угроза (злая мачеха и ее дочери, Баба-Яга), но она не пытается сама создать куклу-защитницу – куклу ей дает мать по наследству. Это «правильная» бережная кукла: она сделана по канону, с благословением, внутри неё заложена не воля творца, а сила традиции. У Пискарева же нет наследства; он творит свой идеал сам, из собственного воображения – и это самотворчество оказывается губительным, ибо в нем нет опоры на коллективный, обрядовый опыт. Культурный разрыв между архаической обрядностью и новой, индивидуалистической моделью творчества становится источником травмы, а не ее исцелением.

Итак, повесть Ф.М. Достоевского «Двойник» (1846) представляет собой, пожалуй, самый радикальный вариант интересующего нас сюжета. Здесь кукольный мотив также неразрывно связан с двойничеством, но Достоевский идет дальше Гоголя: он показывает не просто мир, где люди уподоблены куклам, а ситуацию, где у человека возникает живой двойник – alter ego, обладающий собственной волей, действиями, речью и при этом преследующий, уничтожающий своего прототипа.

Связь повести Ф.М. Достоевского с традицией народного кукольного театра очевидна, что неоднократно отмечалось в современном литературоведении. Н.В. Константинова пишет: «Элементы фабулы народного театра Петрушки использованы в сюжете повести Достоевского „Двойник“» [8, с. 46]. Немецкий мир в повести (Крестьян Иванович и Каролина Ивановна) представляет кукольный театр, «который и формирует традицию изображения „литературных немцев“ в последующих произведениях писателя» [8, с. 48].

Сам Голядкин (маленький чиновник, которого преследует его двойник) может быть прочитан как «кукла», вышедшая из-под контроля кукловода. Если в народном театре Петрушка – активный, остроумный, побеждающий всех персонаж, то у Достоевского двойник Голядкина оказывается его темной стороной, которая не просто замещает его, но активно его уничтожает. Интересно, что сам Достоевский, по свидетельствам исследователей, высоко ценил эту повесть с идейной стороны, хотя публика ее не приняла.

Прямая отсылка к кукольной теме содержится и в тексте повести в рассуждении о том, «может ли быть кукла так искусно составлена, чтоб была похожа на живую? Ах, любезный Антоний! до чего не умудрится ум человеческий!» [5, с. 157].

В отличие от гоголевского Пискарева, Голядкин не создает свой идеал – его двойник возникает спонтанно, как болезненный симптом распадающейся психики. Это уже не стратегия исцеления, а проявление травмы: двойник здесь не отводит удар, а сам является ударом. Достоевский доводит до предела логику замещения, показывая ее оборотную сторону: когда alter ego обретает самостоятельность, он перестает быть защитником и становится палачом.

В перспективе психоаналитической традиции Голядкина можно рассматривать как фигуру, утратившую способность к символическому замещению – его кукла (двойник) не служит, а господствует. Если в народной культуре контроль над куклой жестко задан обрядом (кто, когда, как, из чего, с какими словами делает куклу), то в «петербургской поэме» Достоевского такой контроль отсутствует: двойник возникает вне воли героя и помимо его желания. Это – травма, лишенная защитной оболочки; рана, у которой нет заместителя, потому что сам заместитель и есть рана.

Обсуждение

Сопоставление рассмотренных материалов позволяет сделать несколько общих выводов.

Во-первых, и в бережной практике, и в литературном тексте создание куклы/двойника служит ответом на травматическую ситуацию: утрату близкого (Василиса), столкновение с пустотой и бессмысленностью мира (Гоголь), угрозу распада собственного «Я» (Достоевский). Кукла – всегда «подпорка» для целостности личности, материализованная попытка удержать то, что ускользает.

Во-вторых, успех или неудача стратегии замещения и помощи зависит от того, удастся ли сохранить контроль над рукотворным подобием. В архаической культуре и в сказке (как ее фольклорной репрезентации) контроль обеспечивается обрядом: кукла делается по строгим правилам, ей не придают лица, ее используют в строго определенных ситуациях и затем уничтожают или хранят как семейную реликвию [6; 10; 11]. В литературе XIX века этот контроль утрачен. Гоголь показывает мир, где куклы уже есть – они населяют Невский проспект, и человек не может их контролировать, потому что он и сам отчасти кукла. Достоевский идет дальше: у его героя двойник возникает внутри – как расщепление сознания, которое невозможно изгнать, как куклу-жеству.

В-третьих, в фольклорной традиции Средней России и Поволжья (а также Русского Севера и других регионов) кукла-заместитель всегда функционирует в контексте коллективного опыта:

ее делает мать для дочери, бабушка для внука, опытная мастерица для молодой невестки. Это знание передается по наследству и не принадлежит отдельному творцу. В литературе XIX века – и особенно в произведениях, тяготеющих к «натуральной школе» и раннему Достоевскому – творец оказывается одиноким. Пискарев и Голядкин не могут опереться на традицию; они изобретают (или, точнее, бессознательно воспроизводят) кукольные механизмы в одиночку и потому становятся их жертвами.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что между архаической куклой-заместителем и литературным двойником существует не внешняя, а глубокая структурная связь. В обоих случаях мы имеем дело с рукотворным подобием человека, создаваемым для того, чтобы вступить в отношения с травмирующей реальностью вместо самого человека. Различие же заключается в том, какую роль это подобие играет в психологической экономике личности.

В народной культуре кукла-заместитель – инструмент исцеления. Выполнив свою функцию (отведя сглаз, забрав болезнь, заменив жертву), она либо уничтожается, либо переходит в разряд семейных святынь. Ее существование строго ограничено обрядом; она не претендует на самостоятельность.

В литературе XIX века, напротив, кукла/двойник обретает самостоятельность и становится источником новой травмы. Гоголевский Невский проспект – это мир, где куклы уже есть, мир, который невозможно исцелить, потому что он сам есть продукт сбоя в работе защитных механизмов. Достоевский же показывает процесс распада самого механизма замещения: двойник Голядкина не замещает его, а вытесняет; не отводит удар, а наносит его.

Таким образом, если народную куклу можно назвать удачной обережной практикой, а гоголевского Пискарева – жертвой неудачной, то Голядкин у Достоевского оказывается фигурой, где сама возможность оберега исчезает. Двойник уже не слуга, а хозяин; не подобие, а подмена; не исцеление, а болезнь, принявшая облик врача.

В этом смысле Достоевский завершает логику, начатую Гоголем, и одновременно ставит диагноз модерну: в мире, где утрачена обрядовая традиция, где человек остается наедине со своей травмой, попытка создать «другого себя» для защиты оборачивается созданием монстра. Кукла больше не лечит – она мучает. Или, быть может, она продолжает лечить, но так, что исцеление оказывается неотличимо от безумия.

Заключение

Представленный нами вывод, разумеется, не окончательный. Дальнейшее исследование может быть обращено к фольклорным и литературным материалам, где стратегия замещения оказывается

удачной – например, к более поздним литературным текстам (некоторые произведения А.П. Чехова, символистов, а также современная неофольклорная проза), где обережная кукла возвращается в новом, уже осознанно-терапевтическом качестве. Но для XIX века диагноз, поставленный литературой, остается тревожным: рукотворное подобие человека – не столько защита, сколько зеркало, в котором отражается уже не целостное «Я», а его больное, расщепленное, ищущее и не находящее опоры сознание.

В завершение обозначим перспективы для дальнейших изысканий. Как справедливо отмечают исследователи двойничества Т.В. Грудкина и Т.Д. Комова, феномен двойничества в литературе XIX века далеко не исчерпан. В их работах предложена типология персонажей-двойников и прослежена эволюция этого мотива от романтизма к реализму [3; 7]. Однако применительно к кукольной образности такая типология только начинает разрабатываться. Важным направлением является обращение к феномену куклы в широком литературном контексте XIX-XXI веков. Ю.М. Лотман заложил теоретическую основу для анализа куклы как семиотического феномена: «Возможность сопоставления с живым существом увеличивает мертвенность куклы. Это придает новый смысл древнему противопоставлению живого и мертвого» [9, эл. ресурс]. Однако эта граница, по Лотману, не статична: в разные эпохи и в разных культурных контекстах она маркируется по-разному. Лотман связывает куклу с механизмами идентификации и отчуждения – теми же механизмами, которые лежат в основе обережной практики и литературного двойничества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: В 3 т. Москва: Наука, 1984–1985. Т. 1. С. 112-123 («Василиса Прекрасная»).
2. Гоголь Н.В. Невский проспект // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: В 14 т. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1938–1952. Т. 3. С. 9-53.
3. Грудкина Т.В. Феномен двойничества в русской литературе XIX века (В.Ф. Одоевский, А.П. Чехов): дис. ... канд. филол. наук. Шуя, 2004. 194 с.
4. Дайн Г. Тряпичные куклы. Лоскутные мячики. Хотьково, 2016. 248 с.
5. Достоевский Ф.М. Двойник // Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Ленинград: Наука, 1972–1990. Т. 1. С. 105-237.
6. Зими́на З.И. Текстильные обрядовые куклы // Живая старина. – 2004. – № 2. – С. 10-15.

7. Комова Т.Д. Двойники в системе персонажей художественного произведения (на материале западноевропейской и русской литературы XIX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2013. 27 с.

8. Константинова Н.В. Немцы и немецкое в ранних произведениях Ф.М. Достоевского (на материале повести «Двойник») // Сибирский филологический журнал. – 2019. – № 4. – С. 44–51.

9. Лотман Ю. М. Куклы в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С.377-380. Режим доступа: <https://philologos.narod.ru/lotman/lotman-pupp.htm> (дата обращения: 25.05.2026)

10. Маломыжева Н.А. Традиционная обрядовая кукла народов России: Каталог-справочник. Тюмень: Тюменский музей ИЗО, 2013. 98 с.

11. Морозов И.А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре: Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма. Москва: Индрик, 2011. 352 с. (С. 55-67).

12. Скрипник А.В. Феномен куклы и кукольного театра в повести «Невский проспект» Н. В. Гоголя // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 3 (81). – С. 28-32.

REFERENCES

1. Afanas'ev A.N. Narodnye russkie skazki: V 3 t. Moskva: Nauka, 1984–1985. T. 1. S. 112-123 («Vasilisa Prekrasnaya»).

2. Gogol' N.V. Nevskij prospekt // Gogol' N. V. Polnoe sobranie sochinenij: V 14 t. – Moskva; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1938–1952. T.3. S. 9-53.

3. Grudkina T.V. Fenomen dvojnichestva v russkoj literature XIX veka (V.F. Odоеvskij, A.P. Chekhov): dis. ... kand. filol. nauk. SHuya, 2004. 194 s.

4. Dajn G. Tryapichnye kukly. Loskutnye myachiki. Hot'kovo, 2016. 248 s.

5. Dostoevskij F.M. Dvojn timer // Dostoevskij F.M. Polnoe sobranie sochinenij: V 30 t. Leningrad: Nauka, 1972–1990. T. 1. S. 105-237.

6. Zimina Z.I. Tekstil'nye obryadovye kukly // ZHivaya starina. – 2004. – № 2. – S. 10-15.

7. Komova T.D. Dvojn timer v sisteme personazhej hudozhestvennogo proizvedeniya (na materiale zapadnoevropejskoj i russkoj literatury XIX v.): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva: MGU im. M. V. Lomonosova, 2013. 27 s.

8. Konstantinova N.V. Nemcy i nemeckoe v rannih proizvedeniyah F.M. Dostoevskogo (na materiale povesti «Dvojniki») // Sibirskij filologicheskij zhurnal. – 2019. – № 4. – S. 44–51.
9. Lotman YU. M. Kukly v sisteme kul'tury // Lotman YU. M. Ob iskusstve. SPb.: Iskustvo – SPB, 2000. S. 645-649.
10. Malomyzheva N.A. Tradicionnaya obryadovaya kukla narodov Rossii: Katalog-spravochnik. Tyumen': Tyumenskij muzej IZO, 2013. 98 s.
11. Morozov I.A. Fenomen kukly v tradicionnoj i sovremennoj kul'ture: Krosskul'turnoe issledovanie ideologii antropomorfizma. Moskva: Indrik, 2011. 352 s. (S. 55-67).
12. Skripnik A.V. Fenomen kukly i kukol'nogo teatra v povesti «Nevskij prospekt» N. V. Gogolya // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2018. – № 3 (81). – S. 28-32.

Информация об авторе

Э.А. Радъ – доктор филологических наук, доцент.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

E.A. Rad – Doctor of Science (Philology), Associate Professor.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.05.2026; принята к публикации 10.06.2026.

The article was submitted 26.05.2026; accepted for publication 10.06.2026.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Научная статья

УДК 821.512.1.09-13

DOI: 10.21510/3034-2694-2026-2-79-87

ТЮРКОЯЗЫЧНЫЕ РУКОПИСНЫЕ ДАСТАНЫ ЛЮБОВНОГО СОДЕРЖАНИЯ: СХОДСТВА И ОСОБЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКОГО, БАШКИРСКОГО, НОГАЙСКОГО, АЗЕРБАЙДЖАНСКОГО И КАЗАХСКОГО МАТЕРИАЛА)

Гульнира Разифовна Хусайнова

*Национальная библиотека Республики Татарстан, Казань,
Россия,
Gulnira2010@yandex.ru.*

Аннотация. В статье на материале татарской, башкирской, ногайской, азербайджанской и казахской литератур анализируются общетюркские рукописные дастаны любовного содержания («Тахир и Зухра», «Лейля и Маджнун», «Бозйигит» и др.). Несмотря на то, что изучение общетюркского любовного эпоса имеет длительную историю в фольклористике, интерес исследователей к народным версиям дастанов сохраняется. Это обусловлено регулярным обнаружением новых рукописных списков, требующих систематизации и введения в научный оборот.

Целью работы является выявление сходств и национальных особенностей жанровых обозначений, системы образов, типов финалов, а также определение соотношения книжной и фольклорной традиций. Основным методом исследования выступает сравнительно-типологический анализ рукописных и фольклорных версий. Результаты исследования подтверждают, что при единстве сюжетной основы национальные варианты демонстрируют различия в жанровой терминологии, трактовке финалов, степени влияния суфизма и опоры на историческую реальность. Выявленные внутринациональные вариации женских образов отражают социально-исторические изменения. Сравнительный анализ показывает механизмы трансформации единого фонда тюркских сюжетов под воздействием локальных традиций, религиозно-философских течений и социальных факторов.

Ключевые слова: фольклор, дастан, эпос, мотив, система образов, традиция

Для цитирования: Хусайнова Г.Р. Тюркоязычные рукописные дастаны любовного содержания: сходства и особенности (на примере татарского, башкирского, ногайского, азербайджанского и казахского материала) // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Серия: Филологические науки. 2026. №2. С. 79-87.

LITERARY STUDIES AND FOLKLORE STUDIES

Original article

TURKIC-SPEAKING HANDWRITTEN DAGESTAN WITH A LOVE CONTENT: SIMILARITIES AND FEATURES (USING TATAR, BASHKIR, NOGAI, AZERBAIJANI AND KAZAKH MATERIAL)

Gulnira Razifovna Khusainova

*National Library of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia,
Gulnira2010@yandex.ru.*

Abstract. The article analyzes common Turkic manuscript love dastans (“Tahir and Zuhra,” “Layla and Majnun,” “Bozyigit,” etc.) based on Tatar, Bashkir, Nogai, Azerbaijani, and Kazakh literatures. Although the study of the common Turkic love epic has a long-standing history in folklore studies, researchers maintain a sustained interest in the folk versions of these dastans. This is due to the regular discovery of new manuscript copies that require systematization and inclusion in scholarly discourse. The study aims to identify similarities and national peculiarities in genre designations, character systems, and types of endings, as well as to determine the correlation between bookish and folk traditions. The primary research method is a comparative-typological analysis of manuscript and folklore versions. The findings confirm that, despite a unified plot foundation, national variants exhibit differences in genre terminology, interpretation of endings, the degree of Sufi influence, and reliance on historical reality. The identified intra-national variations of female characters reflect socio-historical changes. The comparative analysis reveals the mechanisms by which a shared fund of Turkic plots is transformed under the influence of local traditions, religious and philosophical movements, and social factors.

Keywords: folklore, dastan, epic, motif, character system, tradition

For citing: Khusainova G.R. Turkic-speaking handwritten dastans with a love content: similarities and features (using Tatar, Bashkir, Nogai, Azerbaijani and Kazakh material) // Bulletin of Bashkir State Pedagogical

University named after M. Akmulla. Series: Philological Sciences. 2026.
No. 2. pp.79-87.

Введение

Тюркские народы, населяющие пространства Китая и Центральной Азии, обладают не только общностью исторических судеб, но и единым комплексом устойчивых духовно-культурных ценностей. Этноязыковая близость и конфессиональное единство способствовали формированию общего фонда литературных сюжетов. На протяжении веков героические сказания и лирические предания о трагической любви передавались в устной традиции от поколения к поколению. В тюркских государствах с ранним становлением письменной культуры данные памятники получили распространение путём переписывания и сохранились в виде многочисленных списков.

Особое место в этом наследии занимают произведения с развитой любовной линией, такие как «Тахир и Зухра», «Лейля и Маджнун», «Кысса-и Йусуф», «Бозйигит», «Сайфульмулюк». В современной гуманитарной науке для обозначения данных творческих образцов утвердился термин «романический дастан». Эта дефиниция была обоснована в трудах таких видных исследователей, как В.М. Жирмунский [7, 1974], Е.М. Мелетинский [10, 1986], П.А. Гринцер [6, 1980], С.Ю. Неклюдов [12, 1984] и Ф.И. Урманчеев [13, 2015] и на сегодняшний день является общепринятой в фольклористике.

Генезис романических дастанов неразрывно связан с классической восточной поэзией эпохи Средневековья, в частности, с именами таких выдающихся мыслителей, как Н. Ганджеви, Джами, А. Навои и Маджлиси. Процесс их формирования представляет собой сложный синтез индивидуально-авторского письменного творчества и устной народной традиции. На фоне таких жанров фольклора, как миф, сказка, баит, мунаджат, предание, а также афористических и обрядовых форм, жанр дастана характеризуется специфическими чертами именно в этом аспекте.

Данная категория памятников не ставит своей целью осмысление над социально-политическими или историческими событиями. Доминантой здесь выступает репрезентация эмоционального мира героя, его эстетического совершенства, а также конфликт личности с несправедливыми социальными установками.

Результаты исследования

В данной статье проводится краткое исследование жанрового определения, содержания и базовых компонентов общетюркских любовных дастанов. Прежде всего обратим внимание на татарский любовный эпос.

Как известно, многие эпос-дастаны татарского народа сохранились под другими жанровыми названиями. Например, термины «намэ», «рисалэ», «китаб», «хикэят», «дастан», «кисса» могли употребляться по отношению к произведениям, которые можно рассматривать как единый жанр.

В случае наиболее популярных в народе произведений нередко опускалось указание на жанр: текст издавался и распространялся исключительно под собственным названием. Так, например, обозначены тексты дастанов «Тахир и Зухра», «Буз егет», «Сайфульмулюк», «Туляк» [9, 1894; 11, 1902].

Многочисленные образцы татарского романического эпоса в современной научной традиции объединены под общим жанровым наименованием «дастан». В настоящее время указанные термины относятся к архаической лексике татарского языка: они больше не функционируют как самостоятельные жанровые обозначения и не встречаются в качестве самоназваний народных произведений.

Аналогичная терминологическая база легла в основу и башкирского любовного эпоса, однако здесь жанровые обозначения сохранили более тесную связь с живой сказительской традицией [3, 102:2004]. В башкирской фольклористике для обозначения любовных сюжетов наряду с «дастаном» продолжают активно использоваться термины «хикаят» и «иртяк». Если в татарской традиции эти названия перешли в разряд архаизмов, то в башкирской они по-прежнему служат для разграничения лиро-эпических сказаний и героических кубаиров. Это подчеркивает особую поэтическую природу башкирских историй о любви, таких как «Заятуляк и Хыухылу» или «Кузыйкурпяс и Маянхылу», где фольклорная основа превалирует над книжной формой.

В контексте изучаемого вопроса необходимо обратить внимание на жанровое обозначение ногайских памятников. Значительное место в фольклорном наследии ногайцев занимает эпос, представленный героическими сказаниями (баьтир йырлары) и лиро-эпическими дастанами. Именно в этом жанре творческий потенциал народа и его поэтическое мастерство раскрылись наиболее полно.

Среди народных лиро-эпических поэм наиболее популярными являются дастаны «Бозйигит», «Козы-Корпеш и Баянслу», «Тёлеген и Кыз-Йибек», «Ариз и Ханбер», «ШахИсмаил», «Лейля и Межнун», «Кунтуган и Колбике», «Тахир и Зухра» и многие другие [8, 2007:6].

Ногайские дастаны имеют романическое содержание. В них рассказывается о трагической судьбе влюбленных, разлученных по воле родителей или в силу других обстоятельств. Композиционная структура ногайских дастанов базируется на синтезе описательно-повествовательных фрагментов и поэтических монологов или

диалогов. Прозаические части сказываются, а стихотворные поются в сопровождении домбры или кобыза.

Исполнителями ногойских дастанов были прославленные ногойские певцы Сыбра йырау, Асан Кайглы, Жиренше Шешен, Шал-Кийиз Тиленши улы, Абдул-Халык и другие.

Если в ногойской традиции жанр дастана сохраняет классическую романическую структуру, то в фольклорной традиции Азербайджана он приобретает более глубокое философское и сакральное звучание. Особое место в эпическом наследии Азербайджана занимают любовные дастаны, такие как «Гурбани», «Аббас и Гюльгыз», «Тахир и Зохра», «Ашуг Гариб» и «Асли и Керем». Эти произведения получили признание далеко за пределами страны, став частью культурного кода всего тюркского мира. Их специфика заключается в гармоничном синтезе народных традиций и суфийского мировоззрения [15, 2023; 16, 2022]. Иными словами, азербайджанские любовные дастаны выступали не просто как фольклор, а как инструмент адаптации исламских и суфийских догм к национальному самосознанию. Через эти сказания универсальные восточные идеи трансформировались в форму «народного суфизма», что позволяет рассматривать их как важный этап национализации религиозно-философской мысли.

В свою очередь, казахские любовные дастаны демонстрируют иную модель развития жанра, характеризующуюся строгой тематической классификацией и опорой на различные историко-фольклорные пласты.

Казахские любовные дастаны делятся на три группы:

- эпос, основанный на восточных сюжетах («Сейфульмулюк», «Лейля и Маджнун», «Тахир и Зухра», «Бахрам», «Юсуф и Зулейха» и др.);

- эпос, основанный на сюжетах регионального фольклора («Бозжигит», «Кисса Бозаман», «Жаскелен», «Назымбек Кулыше» и др.);

- эпос, основанный на реальных событиях и действительности («Макпал-Сегиз», «Калкаман-Мамыр», «Энлик-Кебек», «Акбопе-Саутбек», «Сырым-Шинар», «Талайлы мен Айым кыз» и др. Иногда их также относят к социально-бытовым любовным историям) [5, 2005: 7].

Эти виды любовного эпоса отличаются друг от друга не только происхождением, но и типами главных героев, а также различными подходами к раскрытию основной темы. Здесь необходимо отметить, что, в отличие от упомянутых ранее татарского, башкирского, ногойского и азербайджанского любовных эпосов, казахский эпос значительно отличается как по классификации, так и по количеству. Соответствие общетюркским любовным дастанам составляют лишь

первую и вторую группы казахских дастанов. Например, если дастаны, основанные на сюжетах «Сейфульмулюк», «Лейля и Маджнун», «Тахир и Зухра», «Юсуф и Зулейха», «Бозжигит», присутствуют в наследии всех тюркских народов, то дастаны, построенные на реальных событиях, в них (у других народов), как правило, не наблюдаются.

В национальных вариантах, рассмотренных нами дастанов практически нет больших различий между общетюркскими мотивами. Различия наблюдаются лишь между трагическим финалом и мотивом воссоединения после смерти. Например, в азербайджанской народной версии сюжета «Тахир и Зухра» дастан завершается победой главных героев. Тахир побеждает в битве Хатам-султана (отца Зухры) и мстит за своего отца – визиря Ахмеда. Позже он женится на Зухре, и его назначают падишахом этой местности.

...Из обеих войск раздался крик «Аферин!» (Браво!). В обеих войсках забили литавры радости. Паша приказал, и город украсили иллюминацией. Сорок дней и сорок ночей пировали, и Зохру отдали за Таир Мирзу. Оба томившихся влюбленных соединились.

Там его сделали падишахом, и после того как он пробыл гостем сорок дней, они попрощались и вернулись в свою область [1, 1979: 5].

Система образов в общетюркских любовных дастанах кажется практически идентичной. Особенно это заметно на примере главных героев. Тем не менее, было бы неверно утверждать, что в национальных версиях система образов полностью совпадает. В качестве примера можно рассмотреть татарскую версию Лейли и Маджнуна и литературную версию - произведение Низами [4, 1950]. В татарской интерпретации образ Лейли обретает черты решительности и внутренней свободы. В отличие от героини Низами, она не сразу открывает свои чувства, сближаясь с возлюбленным осторожно, но при этом ее привязанность глубока и самоотверженна. Лейля обладает редким даром понимать Маджнуна без лишних слов, разделяя его скитания по пустыне в надежде на встречу. Особое восхищение вызывает ее непоколебимая преданность: даже когда разум Маджнуна меркнет, ее любовь остается неизменной. Кажется, что она готова разделить с ним его безумие и гибель. Драматизм ситуации достигает пика, когда судьба вынуждает Лейлю выйти замуж за благоразумного и уважаемого Ибн Салама. Однако, став чужой женой, она хранит духовную и физическую верность Маджнуну, не подпуская к себе супруга. Данный мотив – сохранение любви и верности любимому человеку, будучи женой другого – еще более усиливает трагизм произведения [14, 2026:71].

Различия наблюдаются даже в многочисленных вариантах, бытующих внутри одного и того же народа. Традиционно Зухра описывается как благонравная и преданная дочь, хранящая верность

Тахиру, – эти черты объединяют её образ во всех версиях дастана. Однако в отдельных фольклорных списках героиня наделена уникальными качествами. В частности, исследователь М. Ахметзянов указывает на своеобразие Зухры в списках XVIII века: здесь она предстает более решительной и волевой личностью, проявляя черты, характерные для героического эпоса, что выделяет эти варианты на фоне остальных [2, 1989: 67-72].

По воле правителя Тахир принимает мученическую смерть после жестоких пыток. Финал дастана описывает глубокое отчаяние Зухры: в знак скорби и протеста она предстает перед народом в траурном облике и собственноручно карает палача Карамуча, после чего совершает самоубийство. Подобная сцена свидетельствует о том, что в списках (или версиях) произведения начинают отчетливо проявляться социально-политические мотивы. В эту пору татарское общество, расставшись с прежними феодальными отношениями, начинает активно шагать по ступенькам капитализма.

Заключение

Общетюркские любовные дастаны – это бесценное наследие тюркских народов, передающееся из поколения в поколение. Несмотря на то что в их основе лежат одни и те же сюжеты, между этими памятниками существуют значительные различия, обусловленные национальными особенностями народов, временем распространения письменности и территориальным расположением. Важно отметить, что любовные дастаны не исчезли из народной памяти даже в самые суровые времена. Напротив, передаваясь из уст в уста и переписываясь от руки, они обретали звучание, созвучное своей эпохе. Сегодня любовные дастаны не теряют своей популярности. Напротив, эти творческие образцы служат духовным наследием, объединяющим культуру, литературу и духовный мир народов тюркского мира.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азәрбайжан мәһаббәт дастанлары / Сост. Т. Фәрзәлијев. Баку: «Елм» нәшријјаты, 1979. 503 с.
2. Әхмәтжанов М. «Таһир белән Зөһрә»нең тагын бер билгесез кулъязмасы // Эзләнүләр, уйланулар, табышлар. Казан: Татар. кит. нәшр., 1989. Б. 67-72.
3. Галин С.А. Башкирский народный эпос. Уфа, 2004. 320 с.
4. Ганжәви Н. Ләйлә белән Мәжнүн / Мәхмүд Максуд тәржемәсе. Казан: Татгосиздат, 1950. 150 б.
5. Гашыктык дастандар. Т. 22 / Сост. Б. Эзібаева. Астана: Фолиант, 2005. 302 с.

6. Гринцер П.А. Две эпохи романа (вводная статья) // Генезис романа в литературах Азии и Африки. Национальные истоки жанра. М.: Наука, 1980. С. 3–44.
7. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 643 с.
8. Кусегенова Ф.А. Ногайские дастаны: национальная специфика, межэтнические и фольклорно-литературные взаимосвязи. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2007. 244 с.
9. Кыйссаи Сәйфелмөлек. Казан: Шәмсетдин Хөсәен уҗлынын вәрәсәләре нәшере, 1894. 72 б.
10. Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М.: Наука, 1986. 320 с.
11. Мәшһүр җашыйк-мәҗһүк Ләйлә вә Мәҗнүн хикәясе. Казан: Ун-т табыгханәсе, 1902. 48 б.
12. Неклюдов С.Ю. От эпоса к роману // Героический эпос монгольских народов. М.: Наука, 1984. С. 251-267.
13. Урманчеев Ф.И. Тюркский героический эпос. Казань: ИЯЛИ, 2015. 448 с.
14. Хусайнова Г.Р. Взаимовлияние фольклора и литературы в татарских романических дастанах. Казань, 2026. 144 с.
15. Azərbaycan dastanları. T. 3 / Red. M. Qasım. Bakı, 2023. 376 səh.
16. Azərbaycan dastanları. T. 4 / Red. M. Qasım. Bakı, 2022. 336 səh.

REFERENCES

1. Azerbaijan mehabbet dastanları [Azerbaijani love dastans] / Comp. T. Farzaliyev. Baku: Elm, 1979. 503 p. (In Azerb.)
2. Akhmetzyanov M. «Tahir belen Zohre»nen tagyn ber bilgezez kulyazmasy [Another unknown manuscript of «Tahir and Zuhra»] // Ezlenuler, uylanular, tabyshlar. Kazan: Tatar. kit. neshr., 1989. P. 67-72. (In Tatar)
3. Galin S.A. Bashkirskiy narodnyy epos [Bashkir folk epic]. Ufa, 2004. 320 p. (In Russ.)
4. Ganzhavi N. Leyla belen Mezhnun [Layla and Majnun] / Transl. M. Maksud. Kazan: Tatgosizdat, 1950. 150 p. (In Tatar)
5. Gashykyk dastarndar [Love dastans]. Vol. 22 / Comp. B. Azibayeva. Astana: Foliant, 2005. 302 p. (In Kazakh)
6. Grintser P.A. Dve epokhi romana (vvodnaya statya) [Two epochs of the novel (introductory article)] // Genezis romana v literaturakh Azii i Afriki. Natsionalnye istoki zhanra. Moscow: Nauka, 1980. P. 3–44. (In Russ.)
7. Zhirmunskiy V.M. Tyurkskiy geroicheskiy epos [Turkic heroic epic]. Leningrad: Nauka, 1974. 643 p. (In Russ.)

8. Kusegenova F.A. Nogayskie dastany: natsionalnaya spetsifika, mezhetnicheskie i folklorno-literaturnye vzaimosvyazi [Nogai dastans: national specificity, interethnic and folklore-literary relations]. Makhachkala: IPTs DGU, 2007. 244 p. (In Russ.)

9. Kyissai Seyfelmolek [The Tale of Sayfulmuluk]. Kazan: Shemsetdin Khoseyn uglynyn verese-lerc neshere, 1894. 72 p. (In Tatar)

10. Meletinskiy E.M. Vvedenie v istoricheskuyu poetiku eposa i romana [Introduction to the historical poetics of epic and novel]. Moscow: Nauka, 1986. 320 p. (In Russ.)

11. Meshkhar gashyyk-megshuk Leyle ve Mezhnun khikeyesi [The famous story of lovers Layla and Majnun]. Kazan: Un-t tabyghanese, 1902. 48 p. (In Tatar)

12. Neklyudov S.Yu. Ot eposa k romanu [From epic to novel] // Geroicheskiy epos mongolskikh narodov. Moscow: Nauka, 1984. P. 251-267. (In Russ.)

13. Urmancheev F.I. Tyurkskiy geroicheskiy epos [Turkic heroic epic]. Kazan: IYALI, 2015. 448 p. (In Russ.)

14. Khusainova G.R. Vzaimovliyanie folklora i literatury v tatarskikh romanicheskikh dastanakh [Mutual influence of folklore and literature in Tatar romantic dastaans]. Kazan, 2026. 44 p. (In Russ.)

15. Azərbaycan dastanları. Vol. 3 / Ed. M. Qasım. Bakı, 2023. 376 p. (In Azerb.)

16. Azərbaycan dastanları. Vol. 4 / Ed. M. Qasım. Bakı, 2022. 336 p. (In Azerb.)

Информация об авторе

Г.Р. Хусайнова – кандидат филологических наук, научный сотрудник Национальной библиотеки Республики Татарстан. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

G.R. Khusainova – Candidate of Science (Philology), Research Fellow at the National Library of the Republic of Tatarstan. The author declares that there is no conflict of interest.

*Статья поступила в редакцию 26.05.2026; принята к публикации 09.06.2026.
The article was submitted 26.05.2026; accepted for publication 09.06.2026.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Научная статья

УДК 008; 793

DOI: 10.21510/3034-2694-2026-2-88-100

БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ПОЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ЖАНР В ТЮРКСКОМ МИРЕ (НА ПРИМЕРЕ КЫРГЫЗСКОГО И БАШКИРСКОГО ФОЛЬКЛОРА)

Лилия Ильшатовна Шарафитдинова

*Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, Уфа, Россия*

¹shafrafitdinova97@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному изучению алгыша/ благопожеланий тюрков (на примере кыргызского и башкирского фольклора). Много общего между башкирским и кыргызскими языками, что свидетельствует о башкирско-кыргызских этногенетических связях, которые отразились в топонимии, легендах, преданиях, родословных-шэжэрэ, в целом мировоззрении народов. Так, районный центр Миякинского района Республики Башкортостан называется Кыргыз-Миэкэ (Киргиз-Мияки), в Краснокамском районе есть деревня Кыргыз (Киргиз); в Аургазинском районе – река с таким же названием; в Кармаскалинском и Учалинском районах известны горы Кыргыз (Киргиз). Древнее кровнородственное родство двух народов запечатлено в эпосе «Манас»: повествуется, что мать героя Сыйыр является дочерью Булгарского Иштяк-хана. Казахи, узбеки, киргизы в древности башкир называли иштяками (истяк), что упоминается и в башкирских эпосах. Много типологичного, функционального сходств, тематико-смысловых параллелей в содержании обнаруживают башкирские и кыргызские благопожелания. В данной статье дается общая характеристика истокам жанра, классификация, сравнительный анализ обрядовых, жизненно-бытовых в целом особенностей жанра.

Ключевые слова: благопожелание, алгыш, магия слова, кыргызский язык, башкирский язык, бата, фольклор, добро, благополучие, жанр

Для цитирования: Шарафитдинова Л.И. Алгыш/благопожелания в жизни тюрков (на примере кыргызского и башкирского фольклора) // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы. Серия: Филологические науки. 2026. № 2. С. 88-100.

LITERARY STUDIES AND FOLKLORE STUDIES

Original article

WISHES AS A SOCIO-CULTURAL AND POETIC- PHILOSOPHICAL GENRE IN THE TURKIC WORLD (ON THE EXAMPLE OF KYRGYZ AND BASHKIR FOLKLORE)

Liliya Ilshatovna Sharafitdinova

*Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla, Ufa, Russia
shafrafitdinova97@mail.ru*

Abstract. The article is devoted to the comparative study of the algysh/good wishes of the turks (on the example of kyrgyz and bashkir folklore). There are many similarities between the bashkir and kyrgyz languages, which indicates the Bashkir-Kyrgyz ethnogenetic ties, which are reflected in toponymy, legends, traditions, genealogies-shezhere, and the overall worldview of the peoples. For example, the district center of the Miyakinsky district of the Republic of Bashkortostan is called Kirgiz-Miyaki, and there is a village called Kirgiz in the Krasnokamsky District. In the Aurgazinsky district, there is a river with the same name, and in the Karmaskalinsky and Uchalinsky districts, there are mountains called Kirgiz. The ancient blood relationship between the two peoples is depicted in the epic Manas, which tells that the mother of the hero Syyr is the daughter of the Bulgar Ishtyak Khan. In ancient times, the kazakhs, uzbeks, and kyrgyz referred to the bashkirs as ishtyaks (istyak), which is also mentioned in the bashkir epics. Bashkir and kyrgyz blessings reveal many typological, functional, and thematic-semantic parallels in their content. This article provides a general description of the origins of the genre, its classification, and a comparative analysis of its ritual and everyday features.

Keywords: wish, blessing, magic words, kyrgyz language, bashkir language, bata, folklore, good, well-being, genre

For citing: Sharafitdinova L.I. Wishes in the life of the Turks (based on kyrgyz and bashkir folklore) // Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmully. Series: Philological Sciences. 2026. №2. pp. 88-100.

Введение

Алгышы/благопожелания в жизни тюрков давно интересуют исследователей, и этому жанру фольклора в научной литературе уделяется серьезное внимание.

В культуре тюркских народов благословения играли и продолжают выполнять важнейшую роль, оставаясь инструментом бытовой и сакральной коммуникации. По определению Ж.М. Локьяевой: «благопожелания представляют собой различные по объему изречения, в которых адресант желает адресату добра, счастья, благополучия и т.д. Они тесно связаны с обрядами того или иного этноса, магией слова, с бытом и природой и занимают пограничное положение между формами речевого этикета и заклинательно-магическими текстами, являясь при этом важным оберегом, сопровождающим человека с самого рождения до его смерти» [7, с. 2].

Н.А. Маничкин выделяет и этические, и религиозные начала: «Благопожелания и благословения в фольклористике обычно определяются как этические или религиозные речевые формулы, составляющие самостоятельный жанр разговорного или обрядового фольклора». Они были сориентированы на умиловивление как добрых, так и темных сил. Издревле наши предки считали, что мысль материальна. Считалось, что «слова обладают таинственной магической силой, способной оказывать влияние на судьбу человека» [8, с. 19].

Результаты исследования

Благопожелания тюрков используются в самые значимые, поворотные моменты жизни, поэтому популярны и важны их значение, роль в жизнедеятельности. Алгыши имеют обрядовый и необрядовый (бытовой, повседневный) характер, являются на сегодняшний день одним из наиболее широко бытующих видов древнего короткого жанра фольклора, развиваются и используются в зависимости от мировоззрения, образа жизни, мечтаний народа.

«Алгыш» – в башкирском, балкарском, тувинском языках; «алкыш» – в алтайском и кыргызском языках; в карачаево-балкарском языке – «алгышлау»; «алгыс» – в якутском и хакасском и т.д. Лексема «алгыш» (благопожелание) в тюркских языках переводится как «доброе намерение», «просительная молитва», направленная к Богу о том, чтобы он дал мир, согласие, здоровье, долгую жизнь, достаток, счастье, младенца и других, не менее важных для человека жизненных благ.

По определению А.М. Сулейманова: «Алгыш – фольклорный жанр, в башкирском обрядовом фольклоре благопожелание, выраженное в лаконичной форме. Исполняется речитативом. Восходит к домусульманским воззрениям, связанным с верой в магическую силу

слова. Произносятся в решающие моменты жизни человека (рождение, свадьба, похороны, поездки, начало или конец важного дела). Алгыш подразделяются на универсальные («Аҡ көнөң алдыңа килһен!» – «Пусть придёт твой светлый день!») и специальные (адресованные тем, кто занимается рыболовством, скотоводством, охотой, земледелием, пчеловодством и др., например, «Солоғоң котло булһын, күс артынан күс кунһын!» – «Пусть мёду много будет, да рой за роем прилетит!»)) [4, с. 5].

Р.А. Султангареева указывает на следующие функции благопожеланий: «Благопожелания – основной жанр переходных обрядов. Их определяющая идейная направленность – благословение, нравоучение. Эмоционально-экспрессивный строй и форма благопожеланий граничат с заговорами, заклинаниями, т.к. в их истоках также лежат верования в магию слова. Слово здесь как жертвоприношение, заклинание, кодирование желаемого» [10, с. 128].

В кыргызском языке слова «алкыш», «алкоо» имеют значения «жакшы ниетте болуу» (якшы ниэтте булуу – иметь хорошие намерения) «даңазалоо» (данлау – прославление) и созвучны с башкирским «алгыш», «якшы ниэтле»

«Алкыш 1. благословение; 2. приветствие; 3. похвала, благодарность; алкыш ал-получать благодарность, похвалу; алкыш жарыяла – объявить благодарность [6, с. 51].

В казахской, кыргызской и башкирской культурах известен термин «бата» – благословение. «Бата» (слово) – арабского происхождения, обычно рассматривается как часть жанра алкыш, либо в тесной связи с ним. «Бата ар. – 1. Название первой суры аль-Кур'ан; 2. этн. молитвенное напутствие, благословение (совершалось после угощения, при окончании или начале сговора, какого-либо дела; выражало удовлетворение результатами или пожелание успеха... 3. благословение при помолвке» [6, с. 116].

Специфику молитвенности в жанре фиксирует Г.З. Джумаева: «Во многих случаях слово «тилек» (доброе намерение, просительная молитва) и слово «бата» (благословение, благопожелание) употребляются в качестве синонимов, обозначающих одно и то же понятие» [5].

В башкирском языке различаются таковые значения «Бата»: 1. «Фатиха. (Благословение). 2. Молитва-напутствие, благословение родителей просватанной девушки. 3. Доға (Молитва). 4. Рөхсәт (Разрешение). 5. Никах – Мусульманский обряд бракосочетания» [2, 157].

Произнесение бата поручают авторитетным, уважаемым людям: это пожилые люди, муллы, родители и т.д. Благословения, иногда представляющие собой ритмизированный или рифмованный текст,

следующий за коранической сурой, обычно произносят значимые персоны, обладающие искусством красивого, мудрого слова и поэтических выражений.

Благопожелания тюркских народов едины в пафосе оптимизма и жизнелюбия, а в идейно-эмоциональной основе лежит глубокая вера в ролевую функцию слова в неизбежной победе добра над злом. Отличаясь тематическим разнообразием, алгыши сопровождают значимые обряды и события в жизни, произносятся до сих пор после или до совершения значимых актов, явлений. Считали, что они благоприятно влияют на человека, вызывают положительные эмоции как у адресанта, так и у адресата, употребляются чаще, чем другие жанры фольклора. Благопожелания, имея сходства с напутствиями, назиданиями, произносятся как при встречах и проводах-прощаниях, по рождении ребенка, на праздниках, свадьбах, при посещении больного и даже на похоронах.

Исследователи выделяют наиболее распространенные тематические группы благопожеланий:

- 1). Благопожелания, связанные с рождением ребенка в семье и началом новой жизни;
- 2). Благопожелания, сопровождающие свадебные торжества;
- 3). Благопожелания, касающиеся быта, повседневной жизни, хозяйственной деятельности;
4. Пожелания, произносимые во время обрядовых праздников, гуляний: Нардуган, Науруз, Ураза байрам, Курбан байрам и т.д.
5. Благопожелания, произносимые в разных житейских ситуациях.

Основное содержание благопожеланий – это желание мирной жизни народу без конфликтов и войн, блага родного края, счастливая достойная материальная и духовная жизнь. Основной тематикой благопожеланий было и остается пожелание здоровья и благополучия, долгой жизни.

Сравним благопожелания народов. На башкирском языке: Хозай озон ғүмер бирһен! (Пусть Бог дает долгой жизни!).

На кыргызском языке: Кудай өмүрүңүздү узун кылсын! (Хозай ғүмеренде озон кылһын! – Пусть Бог продлит ваш век).

Благопожелания – ключевой жанр свадебного фольклора тюркских народов. Каждый этап праздника сопровождается функционально привязанными и содержательными пожеланиями гостям, застолью, миру, жениху и невестке, сватым и т.д.

Например, в башкирской свадьбе свекровь снохе произносит, обычно, такие пожелание-напутствие:

Юлың тәңкәлә булһын,	Пусть твоя дорога будет усыпана
Көтөүең тәкәлә булһын,	монетами,
Казың бәпкәлә булһын,	Пусть твое стадо будет с вожакom,

Һүзең үткеле булһын,	Пусть гуси твои будут с гусятами,
Йылкың йылғыр булһын,	Пусть слово твое будет
Һыйырың һөтлә булһын,	доходчивым,
Алдың тулы бала	Пусть кони твои будут быстрыми
булһын,	Пусть корова твоя будет молочной!
Артың тулы мал булһын.	Пусть подол твой будет полон
Минең балам – һиңә ир,	детьми
Ирзе балаңдай кара,	Пусть за тобой будет скот,
Һәр дайым иргә яра!	Мой сын – тебе муж,
	Ухаживай за мужем, как за
	ребенком,
	Каждый день угождай мужу!

[4, с. 419 с.].

В кыргызской свадьбе благопожелания свекрови молодой невестке (келин) обнаруживают смысловые сходства и словесные созвучия с башкирскими:

«Ак жоолугуң башыңдан түшпөсүн, ак жолтой келин бол!» («Не позволяй белому платку упасть с твоей головы, будь невесткой в белом»). *«Көшөгөң көгөрсүн»* («Пусть выцветет твой занавес» (в значении: пусть долго служит). *«Есигиң малды, дастарканың майлы болсын, көп жаса»* («Пусть скотина будет жирной, а дастархан щедрым, живи долго!»). **«ӨРГӨӨҢӨР БАШКА, КАЗАНЫҢАР АШКА ТОЛСУН! ТӨРҮҢӨР КЕНЕН БОЛСУН, ООКАТЫҢАР БЕЛЕН БОЛСУН, ҮЙҮҢӨР КУТТУУ БОЛСУН!»** («Пусть праздников у тебя много будет, а казаны полны еды! Пусть роды будут легкими, семья будет счастливой, пусть дом будет благополучным!»).

У башкир: *«Казаның тулы аш булһын, көлдөксәң тулы көл булһын!»* («Котел пусть будет полным едой, а очаг – золой! (в значении: пусть пища всегда готовится)»).

Многие пожелания касаются этикета, стойкости духа, поведенческих норм, качеств характера: *«Акыл эстүү бол!»* («Будь мудрой!»). *«Жарыңа жароокер, сыйкор бол!»* («Будь добра к своей второй половинке!»). *«Кыйынчылыкка моюң сунба!»* («Не поддавайся трудностям!», дословно: «шею не согни»). *«Караңгыда жол тапкан, капилеттен сөз тапкан, айлакер бүлө бол!»* (Будь хитрой, находящей путь в темноте, а слова быстро!). *«Ак жолтой, ак жүздүү келин бол!»* («Будь с белой дорогой, белолицой невестой!»).

Родильный обряд особенно богат благопожеланиями. Рождение малыша было радостным событием, его сопровождали ритуалами, обрядами, носящими сакральный характер. Они начинались задолго до рождения ребенка, у Бога просили здорового, крепкого ребенка. Пример у башкирского народа:

Эй, Хозайым, бала бир,	О Боже, дай ребенка,
Ул бир – уңған булайым,	Дай сына – чтобы быть мне
Кыз бир – ишле булайым,	удачной !
	Дай дочку – быть мне (с подругой)
	парной,

Пример кыргызского народа:

Өрүшүң толгон малдуу бол,	Двор полон животных,
Кампаң толгон дандуу бол.	Мешки полны зерна.
Короо толо малдуу бол,	Двор полон животных будет ,
Үйүң толо балалуу бол.	Пусть полный дом будет детей!
Жайытың толгон мал болсун,	Пусть пастбище будет полным скота,
Үйүң толгон уул, кыз болсун,	Пусть ваш дом будет полон сыновьями и дочерьми!

[3, 5].

Кыргызские благопожелания укладывания ребенка колыбель:

Өмүрүң узун болсун,	Желаю долгой жизни,
Ден-соолугуң чың болсун!	Крепкого здоровья телу твоему!

[4, с. 322].

В знаменитом киргизском эпосе «Манас» Старец Кошой после победы над китайским великаном Жолоем в поединке, благодарит Каныкей за удобство сшитых ею брюк, за искусное мастерство и желает смелого, крепкого мальчика-воина:

Тилекти берсе бир Алла,	С благословения единого бога
Туулса мындан бир бала	Аллах,
Ургаачы болбой,	Если у нее будет ребенок
Эр болсун!	Пусть не будет девочкой,
Аюу болбой, шер болсун!	Пусть будет мальчиком!
Атышканын алсын деп,	Пусть будет не медведем, а
Күрөшкөнүн чалсын деп!..	тигром!
Катылышкан душманын	Пусть он будет метким стрелком,
Өгөөлөсүн темирдей!	Пусть станет он удачливым
Акыры туулса эркек уул	воином!..
Аты болсун Семетей!	Если придет враг на нашу землю
	Пусть будет стойким как
	железо!
	Если она родит мальчика,
	Пусть имя его будет Семетей!

(Манас. Сагымбай Орозбаковдун варианты боюнча. 3 том. 214 с.).

Традиционны и универсальны высказываемые родителям благопожелания, в которых мотивируются благочестие и благовоспитанность их детей «Бала-сағаларығыздың игелеген күрегеz» (башк. «Поучайте добродетель от своих детей!«).

Каждодневно в быту не обходится без благословляющих комментариев практически на любой случай из жизни. События бытохозяйства, эпизоды и значимые явления башкир или кыргызов сопровождаются множеством коротких пожеланий, в содержании которых метафорично передаются идеалы успеха и побед, удачи. Надевшему новую одежду говорят: «Йылы тәнендә тузһын» (башкирский), «Өзүндөн мурун эскирсин!» (кыргызский) («Пусть изнашивается раньше тебя самого!»).

Благопожелания граничат с приметами. Во многих случаях увиденное примечают тотчас к добру, радостям и т.д. Потому действуют посвящения добрых слов, пожеланий миру и животным, природе, погоде и т.д. Например: *Смотри, какой чистый дождь! Год будет урожайный! Цоб-цобе, дождь, лей, поливай щедрей, цоб-цобе* (Ч. Айтматов).

Во время грозы и сверкании молнии желали исцеления от болезней, очищения от зла, благодатных дождей и обильного урожая. Древние люди верили, что гром и молния отпугивают злые силы.

Афәттәр менән килмәһен,	Пусть не приносит беду
Рәхмәттәр менән килһен	Пусть приходит с благодатью!
Йәшенләһә – ут була	Если молния – огонь будет,
Ен-шайтандар юк була.	Джинны-шайтаны исчезнут.
Ямғыр яуһа – мал була,	Будет дождь – уродится скот
Емеш-еләк мул була.	Плоды-ягоды обильны будут.
Яу, яу, ямғырым!	Дождик мой! Лей, лей!
Нурлан, нурлан, йәйғорон	Радуга свети, свети!

[БХИ, 1995, 129 б.].

Тюрков объединяют календарные, семейные и др праздники, обнаруживая смысловые, функционально-обрядовые параллели. Календарно-обрядовый праздник «Науруз» отмечается, когда наступает Новый год в день весеннего равноденствия (21 марта). «Науруз» в переводе с языка фарси означает «Новый день».

Люди свято верили, что в дни Науруза добрые ангелы приносят достаток и изобилие тем, у кого чистые помыслы, у кого душа светлая и у кого чистота в доме. Поэтому накануне убирались дома, вычищали свой дом и двор, верили, что чистота пространства вокруг человека тоже отражает ясность его внутреннего состояния. Башкиры на празднестве, угощаясь вместе специально приготовленной едой, произносили благопожелания во имя будущего урожая и изобилия:

Йылдың башы уң булһын!

Ризығы мул булһын!
Игендәр шашып уңһын!
Бир көндәрзең һилең –
Илдәр булһын имен! [4, с. 191].

Кроме этого у башкирской праздничной культуре известны «Карға буткаһы» («Грачиная каша»), «Кәкүк сәйе» («Кукушкин чай») «Нардуган» («Нардуган»). Ни один из этих праздников не обходится без благопожеланий, в которых мотивы добра, счастья, здоровья, мира, хорошего урожая и приплода занимают главное место. Например:

Нар, нар, нарына,	Нар, нар, нарына,
Бәхет бирһен барына,	Пусть счастье даст каждому,
Мал-тыуарың түл йәйһен,	Пусть у скота твоего будет
Бала-саған ит ейһен!	приплод,
Малың ашһын куранан,	Пусть едят мясо дети твои!
Ашың ташһын куранан	Пусть скот твой не помещается в
Илең-йотон һил булһын,	хлеву,
Күчелегез киң булһын!	Пусть хлеб на помещается в
	амбарах,
	Пусть дом и од твой будут
	спокойными,
	Пусть душа ваша будет широкой!
	[4, с.189].

Тюркские народы верили, что осуществление просительной молитвы зависит от того, кто с просьбой обращается к Богу и поэтому такую миссию, доверяли людям, пользующимся наибольшим уважением и почетом среди своего народа. К числу художественных образов таких старцев следует отнести образ Кошой из эпоса «Манас»:

Правитель рода Катаган,
Могучий старец Кошой-хан.
Дружину щедро одарил,
И в добрый путь благословил.

Порядок сообщения радостной вести регулируется ритуализованным обычаем «Һөйөнсө», традиционным в тюркской среде. Принесшему хорошую весть человеку благодарили словами: «Оозуна май!» (на кыргызском дословно: «Пусть во рту у тебя будет масло!») или «Оозуңа май, сүйүнчүңө тай!» (на башкирском «Ауызыңа май, һөйөнсөгә тай!» – «Масло в рот, за хорошие вести – жеребенок!»). За сообщение радостной вести полагался подарок. «Ауызыңа бал да май» (на башкирском дословно: «Пусть во рту у тебя будут мед да масло»). Эта фраза метафорическая, ею благодарят человека за принесенные хорошие новости.

Благодаря за доброе дело или оказанную услугу, ныне употребляют благопожелания. Например: зур рәхмәт, рәхмәт яугыры, рәхмәт төшкөрө (большое спасибо); Алланың рәхмәтендә булғыры

(пусть Бог будет милосердным к тебе); мен рэхмәттәр һезгә, мен рэхмәт яуһын (тысяча раз спасибо вам) и др. Такие благопожелания коррелируют национальный этикет, поведенческие нормы.

Добрые слова и пожелания, напутствия сближают людей, создают позитивную атмосферу, взаимное расположение и симпатию. Они побуждают нас проявлять заботу, быть внимательными к близким и знакомым, а также быть чуткими к потребностям и стремлениям окружающих. Эти пожелания являются отражением культурных норм общения народа и служат для выражения личного отношения к событиям и людям. Используя как устоявшиеся выражения, так и импровизации на их основе, люди выражают свои взгляды на жизнь, верования, духовные ценности и надежды.

По сути, благопожелания – это не простые слова, а глубоко гуманистическое отображение мировоззрения о Добродетели и жизненных устремлений.

Благопожелания (алгыши) в сравниваемых культурах могут быть небольшими по объему, но встречаются также благопожелания из двадцати или более стихотворных строк.

В основном благопожелания (алгыши) заканчиваются глаголом повелительного наклонения, чаще всего словами «*болсун!*» (кыргызский) – «*булһын*» (башкирский); «*Пусть будет так!*» или «толсун» – «*Пусть сбудется!*» или же просто глаголами второго лица единственного или множественного числа повелительного наклонения.

Благопожелания различаются в зависимости от ситуации, но структура текстов одинакова. Приходя в процессе работы к другому человеку, то к привычному приветствию добавляется: «Ишин ийгиликтүү болсун!» (кыргызский язык: Эшең игелекле булһын – Удачи в работе). «Эшегез еңел булһын» (башкирский язык: Пусть работа будет не в тягость). Таким образом, любое дело, любой промысел начинался с благословения и одобрения.

В романе Чингиза Айтматова «Когда падают горы» описывается начало пахоты:

«Он (аксакал) развернул ладони, сидя на коне, и, поглаживая бороду, прошептал:

– Пусть покровитель хлеборобов Дыйка-баба побудет здесь, пусть урожай будет, как половодье... ». [1, 272].

Фольклор дает богатый материал для развития литературы. Чингиз Айтматов тоже удачно использовал его в своих произведениях. Например:

Летит Жаабарс в прыжке на гору,
Хватает Жаабарс добычу свою.
Добычей доволен всегда Жаабарс,
Природа дала ему силы заас.

Такую же мощь пожелаю для вас,
Пусть будет средь ваших людей –
Свой Жаабарс, батыр Жаабарс [1, с. 183].

Благодаря людей за добрые дела, за хорошие поступки, хозяевам желали долгой и счастливой жизни, здоровья и т.д.

Обычно благопожелания выступают в виде монолога, адресованного не только к конкретной личности, но и группе лиц (например, молодоженам, семье, детям, воинам, родственникам, соотечественникам и т.д.). Таким благопожеланиям характерна возвышенная манера речи, жизнерадостность и даже патетичность.

Главный герой Урал-батыр из башкирского народного эпоса «Урал-батыр» своим соотечественникам завещал быть добрыми, делать только добрые дела:

Якшылык булһын атығыз,	Пусть добро станет вашим
Кеше булһын затығыз;	именем,
Яманға юл куймағыз,	Человек – пусть имя буде вам.
Якшынан баш тартамағыз!	Не уступайте дорогу злу,
	Не сторонитесь добра!

[12, с. 114].

Моральный феномен уважения к старшим и почтительного отношения к ним отражены в следующих строчках:

Олоно оло тейегез,	Почитайте старшего ,
Кәңәш алып йөрөгөз...	Советы получайте... [12, с. 114].

Эти слова отражают гуманистические скрепы башкир, их воззрения о Добродетели и состоянии общественного сознания народа.

Глубоко продуманные благопожелания и научно обоснованные ритуалы наших предков в воспитательном процессе имеют большой эффект, чем абстрактные нравоучения, служат средством воспитания с помощью общения.

Заключение

Как видим, в традициях тюркского народа благопожелания представлены широко, в них много общего и мы видим схождение элементов культур. Они отражают не только картину мира всего тюркского народа, но и идеалы о Якшылык-Добродетели, о могучем пафосе жизни, поддерживаемой всегда и во все времена добрым словом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Айтматов Ч. Когда падают горы. – Санкт-Петербург. Азбука. 2017. – 448 с.
2. Академический словарь башкирского языка. В 10 томах. Том I. Уфа, 2011. – 568 с.
3. Акматалиев А.А. Балдарга арналган салт жана ырым-жырым. – Бишкек, 2000. – 234 б.
4. Башкорт халык ижады. – Өфө: Китап, 1995. – 570 б.

5. Джумаева Г.З Бюллетень науки и практики. 2022 Т.8. – №5. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/78>.

6. Киргизско-русский словарь (кыргызча-орусча сезлук). В двух книгах / Составил проф. К.К. Юдахин. – М.: Советская энциклопедия. 1965. – 503 с.

7. Локьяева Ж.М. Особенности и функциональная роль благопожеланий (алгыш) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН № 6 (98) 2020. – С. 302-402.

8. Маничкин И.А. Тюркские благословения: трансформация жанра и неошаманские практики современных киргизов // Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: РАН – С. 151-155.

9. Мухамедьянова Г.Н. Пожелания добра и зла в традиционной культуре древних тюркских и славянских народов (на материале башкирского и русского языков). Электронный журнал: www.gramota.net/materials/9/2018/6/12.html. 2018. – №6. – С. 50-56.

10. Султангареева Р.А. Жизнь человека в обряде: фольклорно-этнографическое исследование башкирских семейных обрядов. – Уфа: Гилем, 2005. – 344 с.

11. Султангареева Р.А. Йола – система и нормы жизневедения башкир. – Уфа: Китап, 2015. – 216 с.

12. Урал батыр. Башкорт халык эпосы. – Өфө: Китап, 2017. – 260 б.

REFERENCES

1. Ajtmatov Ch. Kogda padayut gory/ [When mountains fall.] – Sankt-Peterburg. Azbuka. 2017. – 448 s.

2. Akademicheskij slovar' bashkirskogo yazyka. V 10 tomakh. Tom I. [Academic dictionary of the Bashkir language] Ufa, 2011. – 568 s.

3. Akmatuliev A.A. Baldarga arnalgan salt zhana yrym-zhyrym. [Baldarga arnalgan salt zhana yrym-zhyrym.]– Bishkek, 2000. – 234 b.

4. Bashkort khalyk izhady. [Bashort halyk izhady] – Ufa: Kitap, 1995. – 570 b.

5. Dzhumaeva G.Z Byulleten' nauki i praktiki. 2022 T.8. [Bulletin of science and practice] – №5. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/78>.

6. Kirgizsko-russkij slovar' (kyrgyzcha-oruscha sezluk). V dvukh knigakh / Sostavil prof. K.K. Yudakhin. [Kyrgyz-Russian Dictionary (Kyrgyz-Orus dictionary). In two books] – M.: Sovetskaya entsiklopediya. 1965. – 503 s.

7. Lok'yaeva Zh.M. Osobennosti i funktsional'naya rol' blagopozhelanij (alg'ysh) // Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN № 6 (98) [Features and functional role of good wishes (algysh)] 2020. – S. 302-402.

8. Manichkin I.A. Tyurkskie blagosloveniia: transformatsiya zhanra i neoshamanskii praktiki sovremennykh kirgizov // Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya. RAN, [Turkic blessings: genre transformation and neoshamanic practices of modern Kyrgyz]. – M.: – S. 151-155.

9. Mukhamed'yanova G.N. Pozhelaniya dobra i zla v traditsionnoi kul'ture drevnikh tyurkskikh i slavyanskikh narodov (na materiale bashkirskogo i russkogo yazykov). Elektronnyi zhurnal: www.gramota.net/materials/9/2018/6/12.html. [Wishes for good and evil in the traditional culture of ancient Turkic and Slavic peoples (based on the material of the Bashkir and Russian)] 2018. – №6. – S. 50-56.

10. Sultangareeva R.A. Zhizn' cheloveka v obryade: fol'klorno-etnograficheskoe issledovanie bashkirskikh semeinykh obryadov. [Human life in ritual: folklore and ethnographic study of Bashkir family rituals]. – Ufa: Gilem, 2005. – 344 s.

11. Sultangareeva R.A. Jola – sistema i normy zhiznevedeniya bashkir. [Yola is the system and norms of life science of the Bashkirs] – Ufa: Kitap, 2015. – 216 s.

12. Ural batyr. Bashkort khalyk eposy. [Ural batyr. Bashart halyk epics]. – Ufa: Kitap, 2017. – 260 b.

Информация об авторе

Л.И. Шарафитдинова – младший научный сотрудник НИ Центра Башкирского фольклора «Урал-батыр» ФГБОУ ВО «БГПУ им.М.Акумуллы».

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

L.I. Sharafitdinova – junior research fellow at the Research center for Bashkir Folklore "Ural-Batyr" at the M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University.

The author declares that there is no conflict of interest.

*Статья поступила в редакцию 10.05.2026; принята к публикации 10.06.2026.
The article was submitted 10.05.2026; accepted for publication 10.06.2026.*

МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья

УДК 378.015.31:172.156:008+398

DOI: 10.21510/3034-2694-2026-2-101-117

ПРИБОЩЕНИЕ БУДУЩЕГО ПЕДАГОГА К ОТЕЧЕСТВЕННОМУ КУЛЬТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ И ФОЛЬКЛОРУ КАК ФАКТОР ГРАЖДАНСКО- ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Глеб Борисович Назаров

*Луганский государственный педагогический университет,
Луганск, Россия, nazarovgleb1974@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0007-8405-221X>*

Аннотация. В статье обоснована актуальная задача формирования патриотических чувств и гражданской идентичности будущих педагогов; проанализированы проблемы преемственности культурных традиций и обычаев, приобщения будущих педагогов к многовековому опыту и достоянию предыдущих поколений; выявлены принципы гражданско-патриотического воспитания будущих педагогов средствами приобщения к историко-культурным традициям и фольклору. Выявлено, что творческое использование накопленного духовно-исторического опыта народа, гуманистических традиций народной жизни, приобщение к отечественному культурному наследию и фольклору способствует формированию гармоничной, патриотически развитой личности, органически адаптированной к миру многообразных связей, противоречивых изменений, разнообразных культур, традиций, ценностей. В этом аспекте, семейные традиции, обычаи, обряды, ритуалы обобщают социальный опыт предыдущих поколений, их ценности, нормы поведения, привычки, поддерживаемые общественным мнением. В народном фольклоре содержится духовное и культурное богатство народа, передающееся из поколения в поколение. Современное образование, решая проблемы воспитания гражданственности и патриотизма будущего педагога, сосредотачивается на таких направлениях, как формирование гражданской идентичности, изучение локальной истории и культуры родного края, формирование традиционных

духовно-нравственных ценностей, которые составляют основу духовности и общества, и каждой личности. Реализация этих направлений способствует повышению качества образования, обновлению его содержания и форм организации учебно-воспитательного процесса в условиях цифрового и глобализированного мира. Среди принципов гражданско-патриотического воспитания будущих педагогов средствами приобщения к историко-культурным традициям и фольклору выделены: принцип гражданской направленности, ориентированный на становление гражданского самосознания личности; принцип активности и саморегуляции, направленный на выработку у студентов качеств активного субъекта деятельности; принцип поликультурности, предполагающий воспитание у будущих педагогов эстетических и этических идеалов; принцип социального соответствия, обуславливающий приведение педагогического инструментария в сфере патриотического воспитания в полное соответствие с актуальными общественными вызовами; принцип исторической и социальной памяти, нацеленный на сохранение духовных, этических и хронологических ценностей прошлого; принцип межпоколенческой преемственности, который сохраняет для потомков образцы культуры, этнокультуры народов России.

Ключевые слова: гражданственность, патриотизм, гражданская идентичность, культурное наследие, фольклор, будущие педагоги, традиционные ценности

Благодарности: статья выполнена в рамках государственного задания на 2026 г. по теме «Формирование гражданско-патриотических качеств будущих педагогов дополнительного образования средствами художественного краеведения» (VGEA-2026-0017).

Для цитирования: Назаров Г.Б. Приобщение будущего педагога к отечественному культурному наследию и фольклору как фактор гражданско-патриотического воспитания личности // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2026. № 2. С. 101-117.

METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL EDUCATION

Original article

INTRODUCING FUTURE TEACHERS TO THE NATIONAL CULTURAL HERITAGE AND FOLKLORE AS A FACTOR IN CIVIL AND PATRIOTIC EDUCATION

Gleb B. Nazarov

Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia,
nazarovgleb1974@yandex.ru,
<https://orcid.org/0009-0007-8405-221X>

Abstract. The article substantiates the urgent task of forming the patriotic feelings and civic identity of future teachers; it analyzes the problems of continuity of cultural traditions and customs, and the involvement of future teachers in the centuries-old experience and heritage of previous generations; and it identifies the principles of civic and patriotic education of future teachers through exposure to historical and cultural traditions and folklore. It has been revealed that the creative use of the accumulated spiritual and historical experience of the people, the humanistic traditions of folk life, and the introduction to the national cultural heritage and folklore contribute to the formation of a harmonious, patriotically developed personality that is organically adapted to a world of diverse connections, contradictory changes, and various cultures, traditions, and values. In this aspect, family traditions, customs, rites, and rituals summarize the social experience of previous generations, their values, norms of behavior, and habits that are supported by public opinion. Folk folklore contains the spiritual and cultural wealth of the people, which is passed down from generation to generation. Modern education, while addressing the challenges of fostering civic engagement and patriotism in future educators, focuses on areas such as the development of civic identity, the study of local history and culture, and the formation of traditional spiritual and moral values that form the foundation of both society and individual spirituality. The implementation of these areas contributes to improving the quality of education, updating its content, and organizing the educational process in a digital and globalized world. Among the principles of civic and patriotic education of future teachers by means of familiarization with historical and cultural traditions and folklore, the following are highlighted: the principle of civic orientation, focused on the formation of civic self-awareness; the principle of activity and self-regulation, aimed at developing students' qualities of an active subject; the principle of multiculturalism, involving the education of future teachers aesthetic and ethical ideals; the principle of social the principle of historical and social memory, aimed at preserving the spiritual, ethical and chronological values of the past; the principle of intergenerational continuity, which preserves for posterity the cultural patterns and ethnocultures of the peoples of Russia.

Keywords: citizenship, patriotism, civic identity, cultural heritage, folklore, future teachers, and traditional values

Acknowledgements: The article was written as part of the state assignment for 2026 on the topic «Formation of Civil and Patriotic Qualities of Future Teachers of Additional Education through Artistic Local History» (VGEA-2026-0017).

For citing: Nazarov G.B. Introducing future teachers to the national cultural heritage and folklore as a factor in civic and patriotic education // Bulletin of the Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. Series: Social Sciences and Humanities. 2026. №2. pp. 101-117.

Введение

На современном этапе возрождения базовых духовно-нравственных ценностей российского социума вопрос формирования гражданской позиции и патриотизма у молодежи приобретает статус стратегически важного. Острота данной проблемы обусловлена комплексом факторов: от глобальных политических и ментальных трансформаций до глубокой деформации социальных связей, коренной перестройки общественной, культурной, экономической жизни россиян, переоценки ценностей в общественном сознании. Интенсивное развитие информационного общества, процессы отчуждения и пассивного приспособленчества молодых людей диктуют необходимость поиска новых подходов к воспитанию как многомерному процессу инкультурации и формирования системы ценностей современного человека, опирающихся на культурно-исторический код личности и традиционный фольклор.

Стоит отметить, что в связи с переходом в 2000-х годах XX столетия традиционной системы образования к Болонской системе, процесс профессиональной подготовки в вузах приобрел направленность на развитие познавательной активности и самостоятельности студентов, формирование компетенций и интеллектуальных способностей. Кардинальные изменения затронули и систему воспитания, сместив его цели с идеологических и нравственных на развитие социальных компетенций и индивидуализацию траекторий личности. Патриотизм, развитию которого в советское время прикладывали усилия педагоги-практики и государственные институты, постепенно превратился из необходимого элемента воспитания последующих поколений в инструмент второстепенный, не получивший нового теоретического наполнения, единой концептуальной формы и поддержки со стороны государства [1, с.756]. К развитию патриотизма молодежи, особенно в 2000-2014 годы, относились еще более формально, высказывая сомнение относительно целесообразности развития этого личностного качества, что привело к необратимым последствиям, включая распространение неофашистской идеологии.

Современное развитие России стимулирует процесс возрождения и становления гражданского общества, и, соответственно, потребность в активном гражданско-патриотическом воспитании молодежи. В условиях стремительного развития знаний и технологий, гражданско-патриотическое воспитание требует осмысления историко-культурного наследия, на котором должна быть основана воспитательная система. Успешное возрождение государства и его полноценное развитие немыслимы без качественного роста самосознания граждан и реализации патриотического потенциала общества. В осуществлении патриотического воспитания нужны новые концептуальные подходы, прежде всего, основанные на осознании того, что формирование патриотизма не может занимать второстепенное место или быть предметом спекуляции.

Сегодня перед системой образования встала глобальная задача: возродить гражданско-патриотическое воспитание и одновременно поднять его на современный научный и социокультурный уровень. Приоритетная роль в воспитании гражданственности и патриотизма как составляющих мировоззрения человека, его отношения к родной стране, отечественному культурному достоянию, сохранению духовных ценностей всегда отводилась педагогу – носителю культурной идентичности, формирующему личность путем активного включения в изучение народного творчества, наполненного живыми смыслами и образами.

Утверждение о том, что личность будущего педагога является основным ценностным ориентиром в деятельности профессорско-преподавательского состава вуза, звучит во многих нормативных документах, но в реальной практике иногда теряет свое значение. Необходимо понимать всю многомерность и сложность структуры личности, различать палитру чувств, эмоций, мотивов, поступков. Пробуждение будущего педагога к познанию самого себя, своих сил и возможностей, желание строить свою личную и профессиональную жизнь на уровне самых высоких внутренних требований, соответствующих традиционным ценностям – эта задача должна стать приоритетной в высшей школе.

В исследованиях последних лет отмечается, что подавляющее большинство современных студентов проявляют заинтересованность в развитии культурно-исторической памяти и гражданского поведения, ответственности и включенности в активную деятельность по преобразованию окружающего мира [6; 8; 11; 12]. Таким образом, восстановление преемственности культурных традиций и обычаев, возвращение подрастающему поколению многовекового опыта и достояния предков, а также формирование патриотических чувств и

гражданской идентичности выступают сегодня приоритетными целями современной образовательной системы.

Целью статьи является анализ роли отечественного культурного наследия и фольклора как факторов гражданско-патриотического воспитания личности.

Эта цель конкретизируется в следующих задачах:

- рассмотреть сущность патриотизма как многоаспектного культурно-исторического феномена;
- раскрыть роль творческого использования гуманистических традиций народной жизни в формировании гармоничной, целостной личности;
- выявить принципы гражданско-патриотического воспитания будущих педагогов средствами приобщения к историко-культурным традициям и фольклору.

Методы

Теоретический фундамент исследования составили следующие основания: идеи системно-деятельностного подхода (В.Г. Афанасьев [2], Л.В. Байбородова [3] и др.), обеспечившие системный взгляд на развитие изучаемых характеристик как на осмысленную, специально выстроенную и активную работу будущих педагогов по приобщению к отечественному культурному наследию и фольклору; постулаты личностно ориентированного подхода (Е.В. Бондаревская [4], В.В. Сериков [15] и др.), утверждающие роль индивидуального опыта будущих педагогов в приобщении к отечественному культурному наследию и фольклору как инструменту воспитания гражданско-патриотических качеств личности.

В процессе работы применялся комплекс научных методов: теоретический анализ научных источников и структурно-функциональный подход – с их помощью выявлялись базовые теоретические установки, доказывалась актуальность проблемы гражданско-патриотического воспитания будущих педагогов.

С целью изучения значимости проблемы приобщения будущих педагогов к отечественному культурному наследию и фольклору была разработана специальная анкета. Исследованием охвачено 50 студентов второго и третьего курсов направления подготовки «Педагогическое образование. Дополнительное образование детей и взрослых» ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет». Возраст респондентов находился в интервале от 20 до 22 лет.

Мы выдвинули гипотезу о том, что исследование функций отечественного культурного наследия и фольклора в студенческой среде позволит проследить трансформацию их мировоззренческих установок под влиянием экономической и социально-политической нестабильности.

Полученные данные демонстрируют, что ведущим источником сведений об отечественном культурном наследии для современных студентов выступают социальные медиа и сетевые ресурсы – такой ответ дали 52,9 % опрошенных. На второй позиции располагаются литературные и научные издания (17,6 %). Значительно реже молодые люди обращаются к отечественному кинематографу и вузовским лекциям: оба варианта набрали равное количество голосов (по 11,8 %).

Такие результаты отражают воздействие цифровой эпохи на формирование личности молодого поколения, когда ключевое значение приобретают быстрота и информационная насыщенность. Вместе с тем, университетская среда, по мнению студентов, не обладает достаточным авторитетом в данной сфере.

Результаты исследования

С точки зрения социально-философского анализа, патриотизм выступает как исторически обусловленная категория, детерминированная политическими, этническими и экономическими особенностями конкретной эпохи. Исследователи сходятся во мнении, что именно в периоды системных кризисов ценностная значимость культурно-исторического опыта личности возрастает. Патриотизм в данном контексте воспринимается как созидательная сила и ключевой фактор стабилизации и прогрессивного обновления современного общества [14, с. 101].

Данная концепция базируется на интерпретации патриотизма в качестве многогранного социокультурного феномена, охватывающего все ключевые аспекты бытия как социума в целом, так и каждого человека, в частности. Необходимость такого прочтения обусловлена актуальными трансформациями социальной реальности, что диктует потребность в фундаментальной модификации теоретической базы данного понятия. Лишь при условии глубокого переосмысления, патриотические чувства могут трансформироваться в мощный инструмент общественной консолидации и прогресса, способствуя искоренению деструктивных тенденций современности. Выступая в роли уникальной духовной доминанты, патриотизм гарантирует внутреннее единство и стабильность российского общества, оберегая его культурную идентичность и историческую самобытность.

Центральным элементом патриотического сознания является привязанность к «малой» и «большой» Родине. Это социально-психологическое качество, характерное для индивида или этноса, находит свое выражение в искренней вере в Отечество, готовности к созидательному труду во благо страны и решимости защищать национальные интересы, невзирая на риски. В системе гражданского воспитания ориентирами служат морально-этические и эстетические

идеалы, а также личностные характеристики, реализуемые в многообразных формах социальной активности.

В современных условиях критически важно, опираясь на исторический опыт и достижения предков, разработать и внедрить инновационную модель гражданско-патриотического воспитания. Такая модель должна рассматривать процесс становления личности через глубокое погружение и освоение отечественного культурно-исторического наследия [13, с. 263].

Мы считаем, что творческое использование накопленного духовно-исторического опыта нашего народа, гуманистических традиций народной жизни, приобщение к отечественному культурному наследию и фольклору способствует формированию гармоничной, патриотически развитой личности, органически адаптированной к миру многообразных связей, противоречивых изменений, разнообразных культур, традиций, ценностей [9, с. 121]. В этом аспекте, семейные традиции, обычаи, обряды, ритуалы обобщают социальный опыт предыдущих поколений, их ценности, нормы поведения, привычки, поддерживаемые общественным мнением. В народном фольклоре содержится духовное и культурное богатство народа, передающееся из поколения в поколение. Современное образование, решая проблемы воспитания гражданственности и патриотизма будущего педагога, сосредотачивается на таких направлениях, как формирование гражданской идентичности, изучение локальной истории и культуры родного края, формирование традиционных духовно-нравственных ценностей, которые составляют основу духовности и общества, и каждой личности. Реализация этих направлений способствует повышению качества образования, обновлению его содержания и форм организации учебно-воспитательного процесса в условиях цифрового и глобализированного мира.

В этой связи, актуализируется потребность в воспитании будущих педагогов как активных субъектов гражданского общества. Осознание и присвоение духовно-нравственных ценностей облагораживает будущего педагога, возвышает мысль, сосредотачивает внимание на творчестве. Поскольку посредником между подрастающей личностью и сферами науки и искусства является педагог, то он, как носитель высочайших идеалов и ценностей, должен быть высокообразованным гражданином и патриотом, развивая в себе порядочность, ответственность, достоинство, профессионализм, индивидуальность. Отечественные ученые и педагоги прошлого: В.А. Сухомлинский, К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой, Н.И. Пирогов считали, что гуманизированное, очеловеченное, жизнотворческое образование является самым главным путем формирования общей и профессиональной культуры будущих

специалистов, основы их духовного развития [10, с. 24]. А для профессии педагога эта идея имеет первостепенное значение (рис. 1).

Рис. 1. Современный педагог как транслятор смыслов и гуманистических ценностей

Система гражданско-патриотического воспитания в современных условиях предусматривает формирование и развитие социально значимых ценностей гражданственности и патриотизма; целенаправленную патриотическую деятельность, которая организуется и осуществляется государственными структурами, общественными движениями и организациями; деятельность средств массовой информации, научных и других организаций, направленную на анализ и освещение проблем патриотического воспитания, на формирование и развитие личности гражданина и патриота Отечества.

Обсуждение

Сегодня современному педагогу отводится роль транслятора гуманистических ценностей и эталона гражданственности, чья деятельность направлена на созидание основ демократического общества. На наш взгляд, ведущую роль в формировании такой личности будущего педагога играет процесс погружения в глубины народной жизни и культуры, разнообразное и богатое художественно-образовательное пространство, постоянное самообразование, творческая, общественная и культурно-просветительская деятельность.

В настоящее время вопросы гражданского и патриотического воспитания подрастающего поколения занимают центральное место в социально-гуманитарном научном дискурсе, а их актуальность вызывает фундаментальные трансформации в системе подготовки педагогических кадров.

Гражданско-патриотическое воспитание понимается как систематическая и целенаправленная деятельность субъектов профессионального образования, государственных учреждений и

общественных организаций по формированию у обучающихся патриотического сознания на основе понимания верности Отечеству и готовности к исполнению гражданского долга, конституционных обязанностей по защите его интересов. Под гражданско-патриотическим воспитанием принято подразумевать планомерную работу образовательных структур, органов власти и институтов гражданского общества, нацеленную на развитие у студентов патриотических убеждений, осознанной преданности Родине и готовности к реализации конституционных прав и обязанностей по защите государственных интересов. Данный процесс представляет собой осознанное воздействие на индивида, способствующее закреплению внутренних механизмов саморегуляции патриотических чувств и действий. Работа в этом направлении обусловлена социальными факторами, имеет четкую практическую направленность и позволяет сформировать личность с гуманистическим мировоззрением.

Ключевыми компонентами такого воспитания выступают гражданское самосознание, устойчивые политические и моральные убеждения, ответственность при выполнении профессионального долга и активная жизненная позиция. Не менее важными аспектами признаются глубокое знание отечественного культурно-исторического наследия и искренняя приверженность интересам своего государства [5].

Ключевыми факторами успеха воспитательной деятельности в этой сфере являются наличие единого идеологического вектора и общенациональных ценностей, учет этносоциальной специфики молодежной среды, стимулирование патриотических инициатив, а также адаптация образовательных подходов к современным информационным технологиям и актуальным вызовам исторической эпохи.

Выявим принципы гражданско-патриотического воспитания будущих педагогов средствами приобщения к историко-культурным традициям и фольклору.

1. Принцип гражданской направленности, ориентированный на становление гражданского самосознания личности, возвращение патриотических чувств и привязанности к родным истокам. Он подразумевает глубокое почтение к культурному коду как своего народа, так и всех этнических общностей России. Принцип акцентирует внимание на осознании индивидом своей гражданской принадлежности, гордости за Отечество и готовности содействовать его процветанию и безопасности.

2. Принцип активности и саморегуляции направлен на выработку у студентов педагогических специальностей качеств активного субъекта деятельности. Этот подход стимулирует

креативность, умение находить нетривиальные пути решения профессиональных задач, а также способствует кристаллизации твердой гражданской позиции и высокой ответственности за принимаемые решения и совершаемые действия.

3. Принцип поликультурности, предполагает воспитание у будущих педагогов эстетических и этических идеалов многонационального населения страны. В рамках этого принципа педагоги учатся проводить сравнительный анализ различных культур, выделяя в них как уникальные черты, так и универсальные объединяющие начала.

4. Принцип социального соответствия, обуславливающий приведение образовательного контента и педагогического инструментария в сфере патриотического воспитания в полное соответствие с актуальными общественными вызовами и текущей социально-политической ситуацией.

5. Принцип исторической и социальной памяти, нацелен на сохранение духовных, этических и хронологических ценностей прошлого с последующей их трансляцией через актуализированные формы гражданской работы. Принцип выступает связующим звеном между эпохами, выполняя роль фильтра и хранилища общественного опыта. Он позволяет адаптировать культурное наследие под запросы современности, внедряя его в обновленные методики воспитания.

6. Принцип межпоколенческой преемственности, который сохраняет для потомков образцы культуры, этнокультуры народов России. Данный принцип предусматривает использование в воспитании укорененной в глубинах народной жизни системы базовых ценностей, которые формировали разные поколения, создавая облик народа и общества, обуславливая абсолютно определенный тип личности; отражает единство и многообразие социального и народного компонентов в патриотическом воспитании; ориентирует на сохранение многовековой культуры воспитания, этнокультурных, духовных и творческих традиций.

Интеграция методов народной педагогики в современную систему образования является не только оправданным, но и закономерным процессом. Специфические игровые и художественно-образные приемы коммуникации, заложенные в малых фольклорных формах, максимально созвучны мироощущению личности будущего педагога. Эти средства естественным образом коррелируют с психологическими особенностями и когнитивными возможностями юношеского возраста. Своеобразие древних пластов народной культуры представляет собой не просто формальный перечень художественных приемов, а отражение особого типа человеческого сознания на конкретной стадии исторического развития. Пройдя

многовековую селекцию и передаваясь от предков к потомкам, фольклор развил в себе формы, идеально подходящие для восприятия. Фактически, устное народное творчество служит фундаментом для постижения возрастной психологии, представляя собой комплексную образовательную методику, направленную на гармоничное развитие личности.

Традиционный опыт воспитания подчеркивает роль эстетико-художественной среды в процессе становления ценностей будущего педагога. В рамках народной педагогики, освоение профессиональных ценностей осуществляется через эмоциональное сопереживание, игровое моделирование ситуаций и идентификацию с персонажами. Взаимодействуя с художественными образами, будущий педагог усваивает этический код общества: гуманность, экологическое сознание, патриотизм, почтение к старшим, взаимовыручку и честность. Все эти моральные ориентиры составляют ядро фольклорных произведений. При этом, игровое воздействие создает комфортную атмосферу, характерную для преемственности народных традиций.

В процессе возрождения отечественных традиций в системе воспитания будущего педагога критически важно осознать, что фольклорное наследие не является застывшим музейным артефактом, недопустимым для изменений. Народное творчество – это живой, прикладной инструмент, возникший из практических жизненных целей. Постигание основ народной педагогики заключается не в механическом копировании, а в глубоком освоении ее фундаментальных идей и их профессиональной адаптации к реалиям современности.

Результаты гражданско-патриотического воспитания, в основу которых должны быть положены принципы гуманизма и преемственности поколений, зависят от творческого подхода профессорско-преподавательского состава, от наиболее эффективных методов и форм преподавания, от творчества и инициативы в использовании инновационных технологий в педагогической деятельности. Уроки прошлого формируют гражданина, которому присущи высокие морально-духовные ценности, уважение к историческим обычаям и традициям народа, любовь к Родине и ответственность за настоящее и будущее.

К ведущим средствам формирования гражданско-патриотических качеств личности будущего педагога следует отнести потенциал социогуманитарных наук, среди которых ведущее место занимает отечественная история и литература, искусство, природа, художественное краеведение. В современных условиях все больший вес приобретает культурологический аспект подготовки педагогов с опорой на искусство, призванное возрождать и передавать

последующим поколениям духовные ценности народа, воплощенные в произведениях искусства, влиять на процесс воспитания средствами искусства. Таким образом, искусство имеет большое значение для включения личности в культурный контекст, для формирования мировоззренческих позиций, творческих сил и способностей, для познания и самодетерминации личности. Искусство способствует актуализации и развитию духовных ресурсов личности и ее включению в ценностный фундамент отечественной духовной культуры [7, с. 321].

Заключение

Инновационные процессы сегодня проникают во все сферы образовательного пространства. Аналогичным образом обстоит ситуация с гражданско-патриотическим воспитанием студентов, эффективность которого преимущественно определяется использованием деятельностного подхода. Реализуя систематическую деятельность в области формирования гражданской позиции и патриотизма у будущих учителей, надо изучить разноуровневые подходы к этой проблеме. Преподавателю необходимо не только осознать, но и включить собственную гражданско-патриотическую деятельность в жизненную практику, направить ее на процесс формирования студенческой молодежи как достойных граждан, представителей этноса, народа, государства. Систематическое влияние на духовную, эмоциональную и волевую сферы подрастающего поколения, формирование гражданской идентичности и ответственности, способствуют сохранению неразрывной связи между эпохами и трансляции культурного кода.

Дальнейшие исследования в этом направлении констатируют необходимость включения в процесс гражданско-патриотического воспитания будущего педагога продуктивных видов деятельности; нового конструирования содержания образования, которое должно способствовать развитию гражданско-патриотических качеств личности, самосознания, самооценки, рефлексии, самореализации, основываться на отечественных духовных ценностях. Таким образом, формирование гражданственности и патриотизма будущего педагога средствами историко-культурного наследия и фольклорных традиций должно стать наивысшей ценностью, целью и результатом профессиональной деятельности, критерием поиска наиболее целесообразных воспитательных средств и воздействий на личность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абдурахманов Н.С. Трансформация «национальной идеи» патриотизма: сравнение Советской и Российской идеи

патриотического воспитания // Молодой ученый. 2016. № 13 (117). С. 755-760.

2. Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. Москва: Политиздат, 1981. 432 с.

3. Байбородова Л.В., Чернявская А.П. Методология и методы научного исследования. Ярославль: РИОЯГПУ, 2014. 283 с.

4. Бондаревская Е.В. Теория и практика личностно-ориентированного образования. Ростов-на-Дону: Булат, 2000. 351 с.

5. Бужинев Д.Ф., Путинцева Е.Н. Гражданско-патриотическое воспитание современного российского молодого поколения: проблемы, перспективы и потенциал использования интернет-технологий [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2022. № 11. URL: <https://human.snauka.ru/2022/11/55050> (дата обращения: 19.05.2026).

6. Гражданско-патриотическая модель воспитания молодежи в современной России [Электронный ресурс] / Э.А. Арустамов, М.В. Шабанова, В.В. Леонов, И.В. Хомутова // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2022. № 4. Т. 13. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/10SCSK422.pdf> (дата обращения 19.05.2026).

7. Кондратенко А.П. Современные воспитательные практики в формировании образа будущего: интеграция искусства во внеучебную деятельность студентов / Искусство и художественное образование: традиционные ценности в современной культуре; сборник статей и материалов / сост. С.С. Наседкина; общ. ред. Е.А. Куштым. Челябинск: ГБОУ ВО «ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского», 2025. С. 320-323.

8. Межинская А.К., Втюрина О.С. Патриотизм в современной студенческой среде: исторический контекст и результаты эмпирического исследования // Международный научный журнал «ВЕСТНИК НАУКИ». 2026. № 5 (98). Т. 3. С. 993-1000.

9. Назаров Г.Б. Интеграция традиционных и инновационных форм и методов художественного краеведения в формировании гражданско-патриотических качеств будущих педагогов дополнительного образования / Художественное произведение в современной культуре: творчество – исполнительство – гуманитарное знание: сборник статей и материалов / сост. С.С. Наседкина; общ. ред. Е.А. Куштым. Челябинск: ГБОУ ВО «ЮУрГИИ им. П.И. Чайковского». 2026. С. 120-124.

10. Невзорова М.С., Першина М.А. Зарождение идей гуманистической педагогики в отечественном образовании // Наука и образование. 2022. № 1. Т. 5. С. 23-31.

11. Николина В.В., Ложилова А.А. Механизм формирования гражданской идентичности молодежи на территориях новых субъектов Российской Федерации // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. 2023. Вып. 70. С. 53-65.

12. Оганян К.М., Ога К. К. Уровень сформированности культурно-исторической памяти среди студенческой молодежи // Социология и право. 2025. Т. 17. № 2. С. 162-168.

13. Самохина Н.Н. Структурно-функциональная модель формирования гражданско-патриотических качеств личности будущих педагогов дополнительного образования средствами художественного краеведения // Человек. Наука. Социум: научно-методический журнал. 2026. № 2 (26). С. 261-283.

14. Селеверстов Р.Е., Ткач Е.Н. Методологические и социально-психологические аспекты исследования проблемы патриотизма // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. № 9А. Т. 12. С. 99-107.

15. Сериков В.В. Личностно-ориентированный подход в образовании: концепции технологии: монография / Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград: Перемена, 1994. 152 с.

REFERENCES

1. Abdurahmanov N.S. Transformaciya «nacionalnoj idei» patriotizma: sravnenie Sovetskoj i Rossijskoj idei patrioticheskogo vospitaniya [The Transformation of the «National Idea» of Patriotism: Comparing the Soviet and Russian Ideas of Patriotic Education] // Molodoj uchenyj. 2016. № 13 (117). S. 755-760.

2. Afanasev V.G. Obshchestvo: sistemnost, poznanie i upravlenie [Society: Systemicity, Cognition, and Management] / Moskva: Politizdat, 1981. 432 s.

3. Bajborodova L.V., Chernyavskaya A.P. Metodologiya i metody nauchnogo issledovaniya [Methodology and Methods of Scientific Research]. Yaroslavl: RIOYaGPU, 2014. 283 s.

4. Bondarevskaya E.V. Teoriya i praktika lichnostno-orientirovannogo obrazovaniya [Theory and Practice of Person-Centered Education]. Rostov-na-Donu: Bulat, 2000. 351 s.

5. Buzhinov D.F., Putinceva E.N. Grazhdansko-patrioticheskoe vospitanie sovremennogo rossijskogo mladogo pokoleniya: problemy, perspektivy i potencial ispolzovaniya internet-tehnologij [Ehlektronnyj resurs] [Civil and Patriotic Education of the Modern Russian Young Generation: Problems, Prospects, and Potential of Using Internet Technologies] // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. 2022. № 11. URL: <https://human.snauka.ru/2022/11/55050> (data obrashcheniya: 19.05.2026).

6. Grazhdansko-patrioticheskaya model vospitaniya molodezhi v sovremennoj Rossii [Ehlektronnyj resurs] [The Civil-Patriotic Model of Youth Education in Modern Russia] / Eh.A. Arustamov, M.V. Shabanova, V.V. Leonov, I.V. Homutova // Mir nauki. Sociologiya, filologiya,

kulturologiya. 2022. № 4. T. 13. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/10SCSK422.pdf> (data obrashcheniya 19.05.2026).

7. Kondratenko A.P. Sovremennye vospitatelnye praktiki v formirovanii obraza budushchego: integraciya iskusstva vo vneuchebnuyu deyatel'nost' studentov [Modern educational practices in shaping the image of the future: integrating art into students' extracurricular activities] / Iskuststvo i hudozhestvennoe obrazovanie: traditsionnye cennosti v sovremennoj kulture; sbornik statej i materialov / sost. S.S. Nasedkina; obshch. red. E.A. Kushtym. Chelyabinsk: GBOU VO «YuUrGII im. P.I. Chajkovskogo», 2025. S. 320-323.

8. Mezhtinskaya A.K., Vtyurina O.S. Patriotizm v sovremennoj studencheskoj srede: istoricheskij kontekst i rezul'taty ehmpiricheskogo issledovaniya [Patriotism in the Modern Student Environment: Historical Context and Empirical Research Results] // Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «VESTNIK NAUKI». 2026. № 5 (98). T. 3. S. 993-1000.

9. Nazarov G.B. Integraciya traditsionnyh i innovacionnyh form i metodov hudozhestvennogo kraevedeniya v formirovanii grazhdansko-patrioticheskikh kachestv budushchih pedagogov dopolnitelnogo obrazovaniya [Integration of traditional and innovative forms and methods of artistic local history in the formation of civic and patriotic qualities of future teachers of additional education] / Hudozhestvennoe proizvedenie v sovremennoj kulture: tvorchestvo – ispolnitel'stvo – gumanitarnoe znanie: sbornik statej i materialov / sost. S.S. Nasedkina; obshch. red. E.A. Kushtym. Chelyabinsk: GBOU VO «YuUrGII im. P.I. Chajkovskogo». 2026. S. 120-124.

10. Nevzorova M.S., Pershina M.A. Zarozhdenie idej gumanisticheskoy pedagogiki v otechestvennom obrazovanii [The Emergence of Humanistic Pedagogy in Russian Education] // Nauka i obrazovanie. 2022. № 1. T. 5. S. 23-31.

11. Nikolina V.V., Loshchilova A.A. Mehanizm formirovaniya grazhdanskoj identichnosti molodezhi na territoriyah novyh sub"ektov Rossijskoj Federacii [The mechanism for forming youth civic identity in the territories of the new constituent entities of the Russian Federation] // Vestnik PSTGU. Seriya IV: Pedagogika. Psihologiya. 2023. Vyp. 70. S. 53-65.

12. Oganyan K.M., Oga K. K. Uroven sformirovannosti kulturno-istoricheskoy pamyati sredi studencheskoj molodezhi [The level of cultural and historical memory among students] // Sociologiya i pravo. 2025. T. 17. № 2. S. 162-168.

13. Samohina N.N. Strukturno-funkcionalnaya model formirovaniya grazhdansko-patrioticheskikh kachestv lichnosti budushchih pedagogov dopolnitelnogo obrazovaniya sredstvami hudozhestvennogo kraevedeniya [Structural and functional model of forming the civic and patriotic qualities of future teachers of additional education through artistic local history] //

Chelovek. Nauka. Socium: nauchno-metodicheskij zhurnal. 2026. № 2 (26). S. 261-283.

14. Seleverstov R.E., Tkach E.N. Metodologicheskie i socialno-psihologicheskie aspekty issledovaniya problemy patriotizma [Methodological and socio-psychological aspects of studying the problem of patriotism] // Psihologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya. 2023. № 9A. T. 12. S. 99-107.

15. Serikov V.V. Lichnostno-orientirovannyj podhod v obrazovanii: koncepcii tehnologii: monografiya [Person-Centered Approach in Education: Concepts and Technologies: monograph] / Volgogr. gos. ped. un-t. Volgograd: Peremena, 1994. 152 s.

Информация об авторах

Г.Б. Назаров — кандидат педагогических наук, старший преподаватель.

Information about the authors

G.B. Nazarov – candidate of Pedagogical Sciences, Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 26.05.2026; принята к публикации 10.06.2026.

The article was submitted 26.05.2026; accepted for publication 10.06.2026.

ДОСТИЖЕНИЯ НАУКИ. ИЗВЕСТНЫЕ УЧЁНЫЕ. ХРОНИКА

Научная статья

УДК 001.32, 398

DOI: 10.21510/3034-2694-2026-2-118-134

РАШИТ ШАКУРОВ: ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

*Гульдар Рашитовна Камалова¹, Шаура Рашитовна
Шакурова²*

¹ГБНУ «Академия наук Республики Башкортостан», г. Уфа,
Российская Федерация,

²БГПУ им. М. Акумлы, г. Уфа, Российская Федерация

¹guldar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7731-0352>,

Researcher ID: H-6201-2014

²sh-shaura@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0450-3487>,

Researcher ID: HRA-3421-2023

Аннотация. В статье рассматривается научный вклад и наследие профессора Рашита Шакурова. Выдающийся представитель башкирской научной школы середины XX - начала XXI вв. внес неоценимый вклад в исследование башкирского фольклора. Его работы, основанные на собранных фольклорных материалах, позволяют выявить уникальные особенности башкирского культурного наследия. С 1961 года Рашит Шакуров принимает участие в научных экспедициях и командировках, руководит фольклорной, топонимической, диалектологической и археографической экспедициями, организованные Башкирским государственным университетом; Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (ныне – ИИЯЛ УФИЦ РАН); Министерством культуры БАССР и др. Ареал исследования – Республика Башкортостан, Курганская, Челябинская, Оренбургская, Самарская и другие области России. Р.З. Шакуров занимался сбором уникальных текстов не только во время экспедиций и научных командировок, но и вне этих специально организованных мероприятий, по сути Рашит Закирович занимался сбором материала постоянно: где бы он не услышал интересный, самобытный текст, сразу записывал его, датировал, указывал информанта; он жил, собирая башкирский фольклор, потому никогда не расставался с

⁸ Печатается с согласия авторов.

блокнотом и карандашом. Таким образом, им был собран богатейший материал по фольклору, топонимике, диалектам и говорам башкир. Р.З. Шакуров посвятил всю свою жизнь развитию науки, стал одним из основоположников башкирской энциклопедистики, диалектологической научной школы, топонимической научной школы, акмулловедения и др. Рашит Шакуров заложил основы энциклопедистики в Башкортостане в постсоветский период, был главным редактором первой краткой энциклопедии «Башкортостан» на русском и башкирском языках, разработал концепцию ее многотомного издания, по сути, сформировал башкирскую энциклопедистику в постсоветский период. Впервые в автономной республике СССР было осуществлено издание энциклопедии, уже вслед за Башкортостаном национальные энциклопедии стали появляться и в других бывших автономиях России. Работы Рашита Шакурова получили признание как в научном сообществе, так и среди широкой общественности. Его исследования способствовали сохранению и популяризации башкирского народного творчества.

Ключевые слова: фольклор, культура башкир, Рашит Шакуров (Рашит Шакур), научное наследие, ученый-энциклопедист, топонимика, устное народное творчество, диалектология

Для цитирования: Камалова Г.Р., Шакурова Ш.Р. Наследие Рашита Шакурова и его роль в развитии отечественной фольклористики// Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. Серия: Филологические науки. 2026. №2. С. 118-134.

Благодарность: работа выполнена в рамках Государственного задания ГБНУ «Академия наук Республики Башкортостан», тема НИР: «Вклад выдающегося башкирского ученого профессора Рашита Шакурова в башкирскую гуманитарную науку», НИОКТР №125021302091-4.

Original article

SCIENTIFIC ACHIEVEMENTS. NOTABLE SCIENTISTS. CHRONICLE

RASHIT SHAKUROV: CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF FOLKLORE STUDIES

Guldar R. Kamalova¹, Shaura R. Shakurova²

¹*Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, Ufa, Russia*

²*Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa, Russia*

¹*guldar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7731-0352>,
Researcher ID: H-6201-2014*

²*sh-shaura@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0450-3487>,
Researcher ID: HRA-3421-2023*

Abstract. The article examines the scientific contribution and legacy of Professor Rashit Shakurov. As an outstanding representative of the Bashkir scientific school in the mid-20th and early 21st centuries, Shakurov made an invaluable contribution to the study of Bashkir folklore. His works, based on the collected folklore materials, reveal the unique features of the Bashkir cultural heritage. Since 1961, Rashit Shakurov has been participating in scientific expeditions and business trips, leading folklore, toponymic, dialectological, and archaeographic expeditions organized by the Bashkir State University, the Institute of History, Language, and Literature of the Bashkir Branch of the USSR Academy of Sciences (now the Institute of History, Language, and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences), the Ministry of Culture of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, and others. The research area includes the Republic of Bashkortostan, the Kurgan, Chelyabinsk, Orenburg, Samara, and other regions of Russia. Rashit Zakirovich Shakurov collected unique texts not only during expeditions and scientific trips, but also outside of these organized events. In fact, Rashit Zakirovich was constantly collecting material: wherever he heard an interesting or unique text, he immediately recorded it, dated it, and identified the informant. He lived and breathed collecting Bashkir folklore, and he never parted with a notebook and pencil. Thus, he collected a wealth of material on folklore, toponymy, dialects, and accents of the Bashkirs. R.Z. Shakurov dedicated his entire life to the development of science and became one of the founders of the Bashkir encyclopedic school, the dialectological, the toponymic, the Akmullovedic schools, and others. Rashit Shakurov laid the foundations of encyclopedia in Bashkortostan in the post-Soviet period, was the editor-in-chief of the first short encyclopedia "Bashkortostan" in Russian and Bashkir, developed the concept of its multi-volume edition, and essentially formed the Bashkir encyclopedia in the post-Soviet period. For the first time in an autonomous republic of the USSR, an encyclopedia was published, and national encyclopedias began to appear in other former autonomous regions of Russia. Rashit Shakurov's works have gained recognition both in the scientific community and among the general public. His research contributed to the preservation and popularization of Bashkir folk art.

Keywords: folklore, Bashkir culture, Rashit Shakurov (Rashit Shakur), scientific heritage, scientist-encyclopaedist, toponymy, oral folk art, dialectology

For citing: Kamalova G.R., Shakurova Sh.R. Rashit Shakurov: contribution to the development of folklore studies // Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. Series: Philological Sciences. 2026. No.2. pp. 119-135.

Acknowledgments: the work was prepared as part of the State Assignment of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan, the topic of research work is "Contribution of the outstanding Bashkir scientist Professor Rashit Shakurov to Bashkir humanitarian science", R&D № 125021302091-4.

Введение

Академик международной тюркской академии, основатель Башкирской энциклопедии Р.З. Шакуров успешно работал в различных отраслях гуманитарных наук: языкознании, литературоведении, фольклористике, культурологии и т.д., собрав за полувековой период (первые полевые записи датируются 1959 годом) фольклорную коллекцию, отдельные образцы которой были опубликованы автором в разных томах академического сборника «Башкирское народное творчество» («Башкорт халык ижады»), а также в собственных научных сборниках [Шәкүр, 1996; Шәкүр, 2002, Шакур, 2009] и в книге «Сокровища башкирского народного творчества. Автор-составитель Рашит Шакур» [Башкорт халык ижады хазиналары, 2024].

В своей научной работе Рашит Закирович использовал комплексный метод исследования, поскольку междисциплинарный подход позволял изучать объект (в данном случае различные образцы жанров башкирского народного творчества) как с точки зрения фольклора, так и с точки зрения языкознания (в том числе диалектологии⁹ и топонимики). Этот подход применялся и в преподавательской деятельности профессора в период работы в Башкирском государственном педагогическом университете им.М.Акмуллы в период с 1998-2012 гг.

Методы исследования

В данной статье применяются общенаучные методы исследования, включая анализ, синтез и сравнительный метод, а также интегративный подход, который позволяет провести всесторонний

⁹ Р.З. Шакуров внёс значительный вклад в развитие башкирской диалектологии. Рашит Закирович разработал новую классификацию диалектной системы башкирского языка, ставшей важным этапом в развитии науки, работа **выполнена на грант РФФИ** (Российского фонда фундаментальных исследований, 2010-2011 гг.), итогом стала монография «**Башкирская диалектология**», изданная в 2011 г., была переиздана в 2020 г.

анализ научного вклада Рашита Шакурова в отечественную фольклористику.

Результаты и обсуждение

Р. З. Шакуров беззаветно и преданно служил науке, народу, родной республике. Современники вспоминают его как человека невероятной эрудиции, для многих Рашит Шакуров был, прежде всего, ученым – основателем башкирской энциклопедистики в постсоветский период, одним из основателей башкирской топонимической школы, филологом, тюркологом, лингвистом, фольклористом, диалектологом, его труды стали фундаментальными для башкирской гуманитарной науки в целом [Аралбаев, 2017: 170; 2024; Бикбаев, 1987: 54-55, 1997: 410-412; 2011: 257-260; Галяутдинов, 1997; 2005:3; 2008: 340-341; Камалова, Шакурова, 2025: 81-89; 2026: 92-98; Кунафин, 2024: 5; Киньябулатов, 2012: 8, Мусин, 2012: 116-117; Надршина, 2005; 2012; Нургалин, 2005; Сулейманов, 2017: 172; ; Султангареева, 2005; Филиппов, 2012: 105; Хусаинов, 2012: 91; Шакурова, 2024: 19-21; 2024: 169-172 и другие.

Именно Рашит Закирович возглавил группу ученых Башкирской советской энциклопедии в 1991 году, с успехом подготовил и издал первую среди бывших автономных республик краткую энциклопедию «Башкортостан» на русском (1996) и башкирском языках (1997), будучи директором Научного издательства «Башкирская энциклопедия» с 1995 по 1998 годы и главным редактором издания, разработал концепцию многотомной универсальной «Башкирской энциклопедии» (утвержденная Научно-редакционным советом Башкирской энциклопедии 17 января 1996 года), подготовил словник, который лег в основу семитомной энциклопедии [Камалова, Шакурова, 2025: 82-83; Кунафин, 2024: 5]. Титанический труд Рашита Закировича был высоко оценен в республике: «...Именно Рашиту Закировичу принадлежит идея создания энциклопедии «Башкортостан», он обосновал концепцию многотомной универсальной «Башкирской энциклопедии» и успешно реализовал этот проект, под его редакцией издали краткую энциклопедию на русском и башкирском языках» [Хабилов, 2022]. К слову, этому периоду посвящены воспоминания ученого, где он детально описывает как начиналась работа над энциклопедией, как у него появилась идея начать сначала с краткой энциклопедии, а потом подготовить и выпустить многотомную энциклопедию «Башкортостан», как ездил за опытом в Большую Советскую энциклопедию в Москву, к коллегам в Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан, Испанию и другие страны [Шәкүр, 2018: 326-360; Шәкүр, 2020: 345-347].

Коллеги по перу отмечали его талант, авторитетность, глубину знаний языка, культуры, фольклора башкир [Филиппов, 2012: 105]. Рашит Шакур «является без преувеличения первооткрывателем и новатором

во многих областях башкирской филологии. Его перу принадлежит одна из первых в башкирском литературоведении монографических работ о великом поэте-просветителе Мифтахетдине Акмулле» [Асадуллин, 2012: 91], «Рашит Шакур первым внес имя Акмуллы в историю башкирской литературы и науки» [Аралбаев, 2024]. «Р.З. Шакуров первым в республике создал книгу научно-биографических очерков о жизни и деятельности выдающихся деятелей республики от Кул Гали, Салавата Юлаева до наших современников Магафура Хисматуллина и Зекерии Акназарова [Асадуллин, 2012: 91]. Как отмечал академик АН РБ Гайса Хусаинов, «Рашит Шакур особенно чуток к традициям устного поэтического творчества и образцам литературного наследия башкирского народа» [Хусаинов, 2012: 91].

Вклад Рашита Шакурова в башкирскую фольклористику неоценим. Его работы продолжают оставаться актуальными и востребованными как среди специалистов, так и среди широкой аудитории, интересующейся башкирской культурой и историей, собранные им фольклорные тексты еще ждут своих исследователей. Можно сказать, что Рашит Закирович тонко чувствовал время: он начал собирать фольклорные материалы еще до поступления в университет – в 1959 году, именно в тот период начинают организовываться фольклорные экспедиции для сбора башкирского фольклора учеными Института истории, языка и литературы Башкирского филиала Академии наук СССР [Хусаинова, 2024: 91; Камалова, Шакурова, 2026: 94]. Профессору Р.З. Шакурову удалось зафиксировать и опубликовать варианты башкирских народных эпосов, таких как «Кунгыр-буга» (Куңыр буға), «Заятуляк и Хыухылу» (Заятүләк менән Һыуһылыу) и «Кузыйкурпэс менән Маянхылыу» (Кузыйкүрпэс менән Маянһылыу) [Камалова, Шакурова, 2026: 94]. Эти произведения являются неотъемлемой частью культурного наследия башкирского народа и представляют собой ценный источник для изучения фольклора, культуры, истории и мировоззрения башкир. Как известно, первый вариант эпоса «Кунгыр-буга» был записан и опубликован в 1865 году Р.Г. Игнатьевым в «Оренбургских губернских ведомостях» [Игнатьев, 1865: 218-219]. Впоследствии этот эпос был записан и исследован такими учеными, как М.А. Бурангулов, К. Мэргэн и Г. Саям. В декабре 1969 года Р.З. Шакур записал еще один вариант этого эпоса от сэсна-сказителя М.Ш. Мирхайдарова из села Аскарново Абзелиловского района Республики Башкортостан. Этот вариант был опубликован в 1972 году в I томе «Башкирского народного творчества» (Башкорт халык ижады) и в 1977 году в двуязычном однотомнике «Башкирский народный эпос», выпущенном издательством «Наука». В 1998 году этот вариант был вновь опубликован в III томе «Башкирского народного творчества». О нем

также упоминается в Краткой энциклопедии «Башкортостан» [Камалова, Шакурова, 2026: 94]. На сегодняшний день зафиксировано более десяти вариантов этого эпоса, записанных в Башкортостане, Самарской и Оренбургской областях. Все эти записи хранятся в Научном архиве Уфимского научного центра Российской академии наук [Башкорт халык ижады, 1998: 402-403].

Рашит Шакуров принял активное участие в собирательской деятельности, сбор материала осуществлял не только в ходе различных научных экспедиций, научных командировок, а также в ходе различных встреч с людьми. Он собрал богатейший материал по фольклору, топонимике, диалектам и говорам башкир. Как писал ученый: «Где бы я ни работал, чем бы ни занимался, моя любовь к народному творчеству никогда не угасала, <...> я радуюсь, что посчастливилось жить в эту благодатную эпоху и сохранить хотя бы часть наших духовных ценностей» [Башкорт халык ижады хазиналары, 2024: 10; Камалова, Шакурова, 2026: 96].

Фото 1,2,3. На фото № 1 – Рашит Шакуров берет интервью в период работы в газете «Совет Башкортостаны», 1965 год; на фото № 2 – статья Р. Шакурова в газете «Совет Башкортостаны», написанная по результатам собранного полевого материала в ходе экспедиции в Аргаяшский район Челябинской области в июле 1967 г., написанная в авторской рубрике «Йырзарыбыз, көйзәребез»; на фото № 3 – логотип знаменитой рубрики «Йырзарыбыз, көйзәребез», материалы и фото из личного архива Р.З. Шакурова.

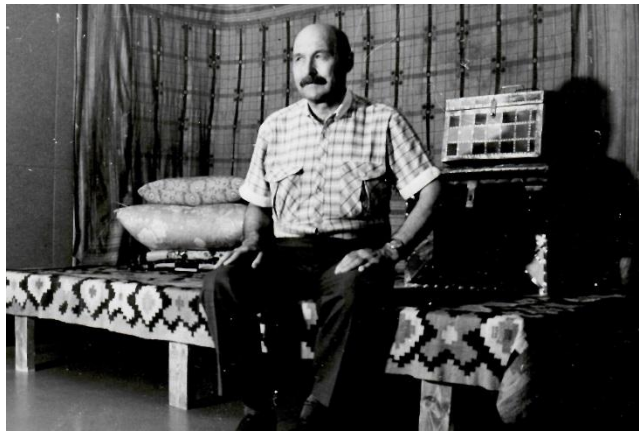
В ходе полевых исследований возникла у Рашита Шакурова идея создания в республиканских газетах и журналах авторских рубрик, посвященных сбору и изучению башкирского фольклора. После окончания филологического факультета БГУ с 1965 по 1969 годы Рашит Шакур работает заведующим отделами культуры и быта, литературы и искусства в газете «Совет Башкортостаны» (ныне – «Башкортостан») (фото 1). Именно там, в марте 1967 года Рашит Шакур основал свою рубрику «Йырзарыбыз, көйзәребез» («Наши песни и мелодии»), которая была востребована не только научным сообществом, но и стала популярной и среди башкир, проживающих как в БАССР, так и за ее пределами. В этой рубрике Рашит Шакуров

писал статьи по материалам полевых исследований, например, его статья «Курай моңо йәшәй күнелдә» («Мелодия курая живет в душе»), написанная по материалам, собранным у табынских башкир в ходе фольклорной экспедиции в Аргаяшский район Челябинской области в июле 1967 г. (фото 2). У рубрики был свой логотип – на горе стоит башкирский джигит и играет на курае, на горе высечено название рубрики на башкирском языке (фото 3). Данная рубрика привлекла внимание многих почитателей башкирского фольклора, которые присылали письма с записанными вариантами башкирских песен, их истории и связанные с ними легенды. Так, интересные факты о песне «Сибай» прислал пенсионер Г. Биишев, а неизвестную до этого времени легенду песни «Томан», ее полную и краткую версии текста прислал тогда еще студент М. Юлмухаметов и др. Фактически Рашит Закирович организовал сбор образцов башкирского народного творчества посредством главного партийного рупора – газеты «Совет Башкортостаны» (фото 1). Конечно, сыграло свою роль состояние общества («оттепель») и настроение, царившее в стране, без сомнения, способствовали смелому начинанию. Однако, по воспоминаниям Рашита Шакурова, не все тексты удавалось опубликовать в рамках газетного материала, поэтому собирал весь свой полевой материал в личный архив и публиковал его материалы в книгах.

Так, в личном архиве ученого хранится обширная переписка с Каримом Дияровым (1910-1986), уникальным кураистом-самородком, сельским учителем физики и математики из деревни Нигматово Баймакского района. Карим Мухамадеевич высылал Рашиту Закировичу для рубрики «Йырзәрыбыз, көйзәребез» («Наши песни и мелодии») тексты песен из своего репертуара и их истории. Эта была переписка двух выдающихся личностей на протяжении многих лет, их объединяла любовь к народному творчеству, взаимное уважение и дружба. Рашит Закирович вел последовательную работу по реализации идеи публикации песен узун-күй вместе с их историей и нотными записями. Данью памяти старшему другу стало издание уникального сборника песен из репертуара Карима Диярова «Сал Уралдың мондары» («Мелодии седого Урала») [Дияров, 1988], которое Рашит Шакуров осуществил в качестве составителя, ответственного редактора и автора вступительного слова совместно со своим другом – известным музыковедом, фольклористом Фаритом Камаевым (1944-1993), который нотировал мелодии. Книга увидела свет в 1988 году. Работа над сборником была осуществлена при жизни кураиста, однако книга была издана лишь спустя два года после его ухода. В этой книге Рашит Закирович пишет, что толстая тетрадь со 140 песнями и историями песен хранятся в его личном архиве, поскольку таково было желание самого Карима Диярова. Мы пока эту тетрадь не обнаружили

в архиве отца. О работе над книгой «Мелодии седого Урала» и о самом Кариме Диярове Рашит Шакур написал в статье «Курайсы аманаты» («Завешание кураиста») своей книги «Сынрау торналар иле» («Страна поющих журавлей») [Шәкүр, 1996]. Статьи о выдающихся башкирах – было еще одним направлением деятельности талантливого ученого, которое помогло ему в работе по созданию Башкирской энциклопедии [Шәкүр, 1993; Шәкүр 1998; Шәкүр, 2002; Шәкүр, 2005; Шакуров, 2005; Шакуров, 2009; Шәкүр, 2020].

Рашит Шакуров ввел также авторские рубрики в других газетах и журналах, посвященные, в том числе топонимике: «Топонимика серзэре» («Загадки топонимики»), «Исемдэр, атамалар» («Названия и имена»), «Хәтер хазинаһы» («Сокровища памяти»), которые дополнялись фольклорными материалами. Также на протяжении долгого периода Рашит Шакур вел авторскую передачу на телевидении, посвященную башкирской культуре, был постоянным гостем башкирского радио, где делился собранным материалом в ходе фольклорных экспедиций (фото 4).

*Фото 4. Рашит Шакуров во время экспедиции.
1980-е годы, фото из личного архива Р.З. Шакурова*

Заключение

Научное наследие Рашита Шакурова получило признание как в академических кругах, так и среди широкой общественности. Как отмечают его современники, «жизненный путь Рашита Шакурова – это яркий пример беззаветного служения науке и своему народу. А профессионализм и преданность делу ещё долгие годы будут вызывать восхищение современников и потомков, которым он оставил богатое наследие» [Мирокиянец, 2024]. Его труды сыграли важную роль в сохранении и популяризации башкирского фольклора, что является значительным вкладом в изучение и сохранение культурного наследия башкирского народа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шәкүр Р. Сыңрау торналар иле. Мәкәлләр һәм очерктар (Страна поющих журавлей. Статьи, очерки). Уфа: Китап, 1996. -416 с. (на башкирском языке).
2. Шәкүр Р. Быуаттар аманаты (Заповедь веков: Исследования, статьи, очерки). Уфа: Китап. 2002. -480 с. (на башкирском языке).
3. Шакуров Р. Истоки духовности: Исследования. Публицистика. Уфа; Гилем. 2009. -520 с.
4. Башкорт халык ижады хазиналары (Сокровища башкирского народного творчества). Автор-составитель: Р.З. Шакуров. Отв. ред. Ш.Р. Шакурова, ред. Г.Р. Камалова. Уфа: Принт+, 2024. 520 с. (на башкирском языке).
5. Аралбай К. Һиндә Акмулланың сәсэнлегә (Рәшит Шәкүргә)// Рәшит Шәкүр (Шәкүров Рәшит Закир улы): биобиблиогр. күрһ. / төз. З. Т. Әғзәмова, Г. С. Әхмәдиева, Ә. Й. Батыршина һ. б. Өфө: Башкортостан Республикаһының Әхмәтзәки Вәлиди исемдәге Милли китапханаһы, 2017. 170-се б. (на башкирском языке).
6. Аралбаев К. Рашит Шакур первым внес имя Акмуллы в историю башкирской литературы и науки (в ст. Аралбаевой Л. В Уфе проводили в последний путь выдающегося ученого и писателя Рашита Шакура) // ИА «Башинформ». 24.06.2024. <https://www.bashinform.ru/news/culture/2024-06-24/v-ufe-provodili-v-posledniy-put-vydayuschegosya-uchenogo-i-pisatelya-rashita-shakura-3820081>
7. Бикбаев Р. Тормош катламдарын актарып // Ағизел. 1987. № 1. 54-55-се бб. (на башкирском языке).
8. Бикбаев Р. Тормош катламдарын актарып : [Р. Шәкүрҙең ижад юлы] // в кн.: Бикбаев Р. Шағир һүзе – шағир намысы: ижади портреттар, рецензиялар, сығыштар, интервью, мәкәлләр. Өфө, 1997. 410–412-се бб. (на башкирском языке).
9. Бикбаев Р. Тормош катламдарын актарып: [Р. Шәкүр хақында]// в кн.: Бикбаев Р. Һайланма әсәрҙәр. Өфө, 2011. Т. IV: Мәкәлләр. 257–260-сы бб. (на башкирском языке).
10. Галяутдинов И. Г. Поэт, ученый, энциклопедист: [к 60-летию Р. З. Шакурова (Рашита Шакура)] // Советская Башкирия. 1997. 11 янв.
11. Галяутдинов И. Г. Наследие веков и духовный потенциал республики: [о выдвижении на соискание Гос. премии РБ в области науки и техники 2005 года Рашита Закировича Шакурова, известного ученого и писателя] // Истоки. 2005. 24 авг. № 34. С. 3.
12. Галяутдинов И. Г. Поэт, ученый-энциклопедист, общественный деятель: Рашит Закирович Шакуров // Гәләүәтдинов И.

Г. Башкорт әзәби теле һәм шәркиәт ғилеме мәсьәләләре = Башкирский литературный язык и проблемы востоковедения: [сб. ст.]. Өфө, 2008. С. 340–341.

13. Камалова Г.Р., Шакурова Ш.Р. Вклад выдающегося ученого Рашита Шакурова в башкирскую энциклопедистику // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2025. № 2 (118). С. 81-89. DOI 10.24412/1728-5283-2025-2-81-89.

14. Камалова Г.Р., Шакурова Ш.Р. Научное наследие и вклад выдающегося ученого Рашита Шакурова в изучение башкирского фольклора// Проблемы востоковедения. 2026. № 1 (111). С. 92-98. DOI 10.24412/2223-0564-2026-1-92-98.

15. Киньябулатов И. Поэт из рода Акмуллы //Республика Башкортостан. 24.08.2012. № 163 (27648). С. 8. URL: <https://resbash.ru/articles/kultura/2012-08-24/poet-iz-roda-akmully-510900>.

16. Кунафин Г. Юлдарында – аклык, уйзарында хаклык булды. Күренекле ғалим-әзип Рәшит Шәкүрзең ижадына байкау// Башкортостан. 23.07.2024. №56 (28158). 5-се б. (на башкирском языке).

17. Солтангәрәева Р. Боронғоно һәм бөгөнгөнә аскан оло ғилем: [Р. Шәкүр дәүләт премияһына тәкдим ителде] // Башкортостан. 01.09.2005 (на башкирском языке).

18. Сөләймәнов Ә. Күсәрәндә Ерзе, о, хикмәт!..Рәшит Шәкүргә Рәшит Шәкүр (Шәкүров Рәшит Закир улы): Биобиблиогр. күрһ. / Төз. З. Т. Әғзәмова, Г. С. Әхмәдиева, Ә. Й. Батыршина һ. б. Өфө: Башкортостан Республикаһының Әхмәтзәки Вәлиди исемәндәге Милли китапханаһы, 2017. 175-се б. (на башкирском языке).

19. Мусин Н. Юғары баһаға лайыҡ//Профессор Шакуров Рашит Закирович (Рашит Шакур): Биобиблиография. Сост. Р.З.Шакуров, Г.Р.Камалова.Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. 116-117-се бб. (на башкирском языке).

20. Нәзершина Ф. Күңеләндә – ил тойғоһо : Шәһит Хозайбирзин исемәндәге премияға тәкдим ителде / А. Нәзершина // Башкортостан. 2004. 25 сент. (на башкирском языке).

21. Нәзершина Ф. Рухиәтебеззең сағыу бизәктәре: [шағир Р. Шәкүрзең ғилми китаптары дәүләт премияһына тәкдим ителде] // Башкортостан. 25.08.2005. (на башкирском языке).

22. Нәзершина Ф. Зиһенәндә – халыҡ хәтере, күңеләндә – ил тойғоһо: [төрлө өлкәләрҙә эшләүсе ғалим Р. Шәкүр хакында]// Башкортостан. 11.01.2012 (на башкирском языке).

23. Нургаллин З. Звезда Шакура. Уникальность республики – в её культурном наследии// Республика Башкортостан. 02.09.2005.

24. Филиппов А. Его слово весомо и авторитетно// Профессор Шакуров Рашит Закирович (Рашит Шакур): Биобиблиография. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С.105.

25. Хусаинов Г. Из поколения 60-х // Профессор Шакуров Рашит Закирович (Рашит Шакур): Биобиблиография. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С.91.

26. Шакурова Ш.Р. Основатель Акмулловедения Рашит Шакуров: наследие ученого и педагога (презентация сборника «Сокровища башкирского народного творчества»)/ Этнопедагогика как ресурс воспитания и становления личности через приобщение к традиционной родной культуре (XIX Акмуллинские чтения). Том I. Уфа, 2024. С. 19-21.

27. Шакурова Ш.Р. Этнопедагогический потенциал «Сокровищ башкирского народного творчества» Рашита Шакурова//Воспитательный потенциал этнопедагогике тюркских народов. Уфа, 2024. С. 169-172.

28. Асадуллин Р.М. Об ученом Рашите Шакурове// Профессор Шакуров Рашит Закирович (Рашит Шакур): Биобиблиография. Уфа: АН РБ, Гилем, 2012. С.91.

29. Хабилов Р.Ф. «Именно Рашиту Закировичу принадлежит идея создания энциклопедии «Башкортостан» // Радий Хабилов поздравил народного поэта Башкирии Рашита Шакура с 85-летием// ГТРК «Башкортостан». 11.01.2022. URL: <https://gtrkrb.ru/novosti/253088-radiy-habirov-pozdravil-narodnogo-poeta-bashkirii-rashita-shakura-85-letiem>

30. Шәкүр Р. Йөрәктәге язмалар: хәтирәләр. Өфө: Китап, 2018. 392 с. (на башкирском языке).

31. Хусаинова Г.Р. Башкирская фольклористика в системе современной гуманитарной науки (опыт собирания, издания, исследования)/Известия УФИЦ РАН. Серия: История. Филология. Культура. 2024. № 1. С. 89-96. DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.1.010>

32. Игнатьев Р.Г. Кунгыр-буга//Оренбургские губернские ведомости. 1865. № 32. С.218-219.

33. Башкорт халык ижады. III том. Эпос. Өфө, 1998. 448 с. (на башкирском языке).

34. Дияров К. Сал Уралдың мондары: курайсы Кәрим Дияров репертуарынан башкорт халык йырлары һәм йыр риуәйәттәре / Төзөүселәре: Рәшит Шәкүр, Фәрит Камаев, текстарзы басмаға әзерләүсе, баш мөхәррә авторы Р.З. Шәкүров. Өфө: Баш. китап. нәшр., 1988. 152 с. (на башкирском языке).

35. Шәкүр Р. Исемдәрҙә – ил тарихы. (Свидетельствуют имена. Исследования, статьи). Уфа: Китап, 1993. -256 с. (на башкирском языке).

36. Шәкүр Р. Арзаклы башкорттар. Ғилми-биографик очерктар (Знаменитые башкиры. Научно-биографические очерки). Уфа: Китап, 1998. (на башкирском языке).
37. Шакуров Р. XX век и башкиры: Статьи. Уфа, 2004. -79 с.: ил.
38. Шәкүр Р. Арзаклы башкорттар. Ғилми-биографик очерктар (Знаменитые башкиры: Научно-биографические очерки). Изд-е 2-е, Уфа: Китап, 2005. -376 с. (на башкирском языке).
39. Шакуров Р. Истоки духовности: Исследования. Публицистика. Уфа; Гилем. 2009. -520 с.
40. Шәкүр Р. Һайланма әсәрҙәр (Избранные произведения). 2 том: литературоведение, творческие портреты, интервью. Өфө: Китап, 2020. -368 с. (на башкирском языке).
41. Мирокиянец К. В Башкирии увековечат память народного поэта Рашита Шакура// ВГТРК. «Вести». 24.06.2024. URL: <https://rutube.ru/video/b62e239fe00252b969911d0a5a935052/?r=wd>

REFERENCES

1. Shəkyr R. Sy`nrau tornalar ile. Məkəllər həm ocherktar (Strana poyushhix zhuravlej. Stat`i, ocherki). Ufa: Kitap, 1996. -416 p. (na bashkirskom yazı`ke).
2. Shəkyr R. By`uattar amanaty` (Zapoved` vekov: Issledovaniya, stat`i, ocherki). Ufa: Kitap. 2002. – 480 p. (na bashkirskom yazı`ke).
3. Shakurov R. Istoki duxovnosti: Issledovaniya. Publicistika. Ufa; Gilem. 2009. -520 p.
4. Bashkort xaly`k izhady` xazinalary` (Sokrovishha bashkirskogo narodnogo tvorchestva). Avtor-sostavitel`: R.Z. Shakurov. Otv. red. Sh.R. Shakurova, red. G.R. Kamalova. Ufa: Print+, 2024. 520 p. (na bashkirskom yazı`ke).
5. Aralbay K. Hində Aknullany`ñ səsənlege (Rəshit Shəkyrgə)// Rəshit Shəkyr (Shəkyrov Rəshit Zakir uly`): biobibliogr. kыrh. / təz. Z. T. Əfzəmovə, G. S. Əxməzievə, Ə. J. Batyrshina h. b. Өфө: Bashkortostan Respublikahy`ny`ñ Əxmətzəki Vəlidı isemendəge Milli kitapxanahy`, 2017. 170 p. (na bashkirskom yazı`ke).
6. Aralbaev K. Rashit Shakur pervy`m vnes imya Aknullı` v istoriyu bashkirskoj literatury` i nauki (v st. Aralbaevoy L. V Ufe provodili v poslednij put` vy`dayushhegosya uchenogo i pisatelya Rashita Shakura) // IA «Bashinform». 24.06.2024. <https://www.bashinform.ru/news/culture/2024-06-24/v-ufe-provodili-v-posledniy-put-vydayushchegosya-uchenogo-i-pisatelya-rashita-shakura-3820081>
7. Bikbaev R. Tormosh katlamdary`n aktary`p // Afizel. 1987. № 1. 54-55 pp. (na bashkirskom yazı`ke).

8. Bikbaev R. Tormosh katlamdary`n aktary`p: [R. Shəkyrgeñ izhad yuly`] // v kn.: Bikbaev R. Şafir hıze – şafir namy`cy`: izhadi portrettar, recenzıyalar, sy`ry`shtar, interv`yu, məkələlər. Өfö, 1997. 410–412 pp. (na bashkirskom yazı`ke).

9. Bikbaev R. Tormosh katlamdary`n aktary`p: [R. Shəkyr xaky`nda]// v kn.: Bikbaev R. Hajlanma əçərçər. Өfö, 2011. T. IV: Məkələlər. 257–260 pp. (na bashkirskom yazı`ke).

10. Galyautdinov I. G. Poe`t, ucheny`j, e`nciklopedist: [k 60-letiyu R. Z. Shakurova (Rashita Shakura)] // Sovetskaya Bashkiriya. 1997. 11 yanv.

11. Galyautdinov I. G. Nasledie vekov i duxovny`j potencial respubliki: [o vy`dvizhenii na soiskanie Gos. premii RB v oblasti nauki i texniki 2005 goda Rashita Zakirovicha Shakurova, izvestnogo uchenogo i pisatelya] // Istoki. 2005. 24 avg. № 34. P. 3.

12. Galyautdinov I.G. Poe`t, ucheny`j-e`nciklopedist, obshhestvenny`j deyatel`: Rashit Zakirovich Shakurov // Fələyetdinov I. F. Bashkort əzəbi tele həm şərkiət fileme məs`ələlərə = Bashkirskij literaturny`j yazı`k i problemy` vostokovedeniya: [sb. st.]. Өfö, 2008. P. 340–341.

13. Kamalova G.R., Shakurova Sh.R. Vklad vy`dayushhegosya uchenogo Rashita Shakurova v bashkirskuyu e`nciklopedistiku // Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan. 2025. № 2 (118). P. 81-89. DOI 10.24412/1728-5283-2025-2-81-89.

14. Kamalova G.R., Shakurova Sh.R. Nauchnoe nasledie i vklad vy`dayushhegosya uchenogo Rashita Shakurova v izuchenie bashkirskogo fol`klora// Problemy` vostokovedeniya. 2026. № 1 (111). P. 92-98. DOI 10.24412/2223-0564-2026-1-92-98.

15. Kin`yabulatov I. Poe`t iz roda Akmully` //Respublika Bashkortostan. 24.08.2012. № 163 (27648). P. 8. URL: <https://resbash.ru/articles/kultura/2012-08-24/poet-iz-roda-akmully-510900>.

16. Kunafin G. Yuldary`nda – akly`k, ujzary`nda xakly`k buldy`. Kyrenekle řalim-əzip Rəshit Şəkyrgeñ izhady`na bajkau// Bashkortostan. 23.07.2024. №56 (28158). 5 p. (na bashkirskom yazı`ke).

17. Soltangərəeva R. Boronfono həm bəgəngəne askan olo filem: [R. Shəkyr dəylət premıyahı`na təkdim itelde] // Bashkortostan. 01.09.2005 (na bashkirskom yazı`ke).

18. Sələjmənov Ə. Kysərendə Erze, o, xikmət!Rəshit Şəkyrgə Rəshit Şəkyr (Şəkyrov Rəshit Zakir uly`): Biobibliogr. kyrh. / Təz. Z. T. Əfzəmovə, G. S. Əxməzievə, Ə. J. Baty`rshina h. b. Өfö: Bashkortostan Respublikahı`ny`ñ Əxmətzəki Vəlidı isemendəge Milli kitapxanahı`, 2017. 175 p. (na bashkirskom yazı`ke).

19. Musin N. Yufary` bahara lajy`k//Professor Shakurov Rashit Zakirovich (Rashit Shakur): Biobibliografiya. Sost. R.Z.Shakurov,

G.R.Kamalova.Ufa: AN RB, Gilem, 2012. 116-117 pp. (na bashkirskom yazı`ke).

20. Nəzershina F. Kүһelendə – il tojroho: Shəhit Xozajbirzin isemendəge premiyağa təkdim itelde / A. Nəzershina // Bashkortostan. 2004. 25 sent. (na bashkirskom yazı`ke).

21. Nəzershina F. Ruxiətebezzen sağı`u bizəktəre: [shağır R. Shəkyrzen filmi kitaptary` dəylət premiyahy`na təkdim itelde] // Bashkortostan. 25.08.2005. (na bashkirskom yazı`ke).

22. Nəzershina F. Zihenendə – xaly`k xətere, күһelendə – il tojroho: [tərlə ölkələrzə e`shləyse ғалим R. Shəkyr хақы`nda]// Bashkortostan. 11.01.2012 (na bashkirskom yazı`ke).

23. Nurgalin Z. Zvezda Shakura. Unikal`nost` respubliki – v eyo kul`turnom nasledii// Respublika Bashkortostan. 02.09.2005.

24. Filippov A. Ego slovo vesomo i avtoritetno// Professor Shakurov Rashit Zakirovich (Rashit Shakur): Biobibliografiya. Ufa: AN RB, Gilem, 2012. P.105.

25. Xusainov G. Iz pokoleniya 60-x // Professor Shakurov Rashit Zakirovich (Rashit Shakur): Biobibliografiya. Ufa: AN RB, Gilem, 2012. P.91.

26. Shakurova Sh.R. Osnovatel` Akmullovedeniya Rashit Shakurov: nasledie uchenogo i pedagoga (prezentaciya sbornika «Sokrovishha bashkirskogo narodnogo tvorchestva»)// E`tnopedagogika kak resurs vospitaniya i stanovleniya lichnosti cherez priobshhenie k tradicionnoj rodnoj kul`ture (XIX Aknullinskie chteniya). Tom I. Ufa, 2024. P. 19-21.

27. Shakurova Sh.R. E`tnopedagogicheskij potencial «Sokrovishh bashkirskogo narodnogo tvorchestva» Rashita Shakurova//Vospitatel`ny`j potencial e`tnopedagogiki tyurkskix narodov. Ufa, 2024. P. 169-172.

28. Asadullin R.M. Ob uchenom Rashite Shakurove// Professor Shakurov Rashit Zakirovich (Rashit Shakur): Biobibliografiya. Ufa: AN RB, Gilem, 2012. P.91.

29. Xabirov R.F. «Imenno Rashitu Zakirovichu prinadlezhit ideya sozdaniya e`nciklopedii «Bashkortostan» // Radij Xabirov pozdravil narodnogo poe`ta Bashkirii Rashita Shakura s 85-letiem// GTRK «Bashkortostan». 11.01.2022. URL: <https://gtrkrb.ru/novosti/253088-radiy-habirov-pozdravil-narodnogo-poeta-bashkirii-rashita-shakura-85-letiem>

30. Shəkyr R. Jərəktəge yazmalar: xətirələr. Əfə: Kitap, 2018. 392 p. (na bashkirskom yazı`ke).

31. Xusainova G.R. Bashkirskaya fol`kloristika v sisteme sovremennoj gumanitarnoj nauki (opy`t sobiraniya, izdaniya, issledovaniya)//Izvestiya UFICz RAN. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul`tura. 2024. № 1. P. 89-96. DOI: <https://doi.org/10.31833/sifk/2024.1.1.010>

32. Ignat`ev R.G. Kungy`r-buga//Orenburgskie gubernskie vedomosti. 1865. № 32. P.218-219.

33. Bashkort xaly`k izhady`III tom. E`pos.Өфө, 1998. 448 p. (na bashkirskom yazy`ke).

34. Diyarov K. Sal Uraldy`ң monday` : kurajsy` Kərim Diyarov repertuary`nan bashkort xaly`k jy`rżary` hām jy`r rişəjtəttəre / Təşəyseləre: Rəshit Şəkyr, Fərit Kamaev, tekstazıy` baçmağa əşerləyse, bash məkələ avtory` R.Z. Şəkyrov. Өфө: Bash. kitap. nəshr., 1988. 152 p. (na bashkirskom yazy`ke).

35. Şəkyr R. Isemdeşə – il tarixy`. (Svidetel`stvuyut imena. Issledovaniya, stat`i). Ufa: Kitap, 1993. – 256 p. (na bashkirskom yazy`ke).

36. Şəkyr R. Arzakly` bashkorttar. Filmi-biografik ocherktar (Znameniy`e bashkiry`. Nauchno-biograficheskie ocherki). Ufa: Kitap, 1998. (na bashkirskom yazy`ke).

37. Shakurov R. XX vek i bashkiry`: Stat`i. Ufa, 2004. – 79 p.: il.

38. Şəkyr R. Arzakly` bashkorttar. Filmi-biografik ocherktar (Znameniy`e bashkiry`: Nauchno-biograficheskie ocherki). Izd-e 2-e, Ufa: Kitap, 2005. – 376 p. (na bashkirskom yazy`ke).

39. Shakurov R. Istoki duxovnosti: Issledovaniya. Publicistika. Ufa; Gilem. 2009. – 520 p.

40. Şəkyr R. Hajlanma əşəşəş (Izbranny`e proizvedeniya). 2 tom: literaturovedenie, tvorcheskie portrety`, interv`yu. Өфө: Kitap, 2020. -368 p. (na bashkirskom yazy`ke).

41. Mirokiyancz K. V Bashkirii uvekovechat pamyat` narodnogo poe`ta Rashita Shakura// VGTRK. «Vesti». 24.06.2024. URL: <https://rutube.ru/video/b62e239fe00252b969911d0a5a935052/?r=wd>

Информация об авторах

Г.Р. Камалова – кандидат политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ГБНУ «Академия наук Республики Башкортостан»;

Ш.Р. Шакурова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Научный центр башкирского фольклора, БГПУ им.М.Акмуллы.

Information about the authors

G.R. Kamalova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan;

Sh.R. Shakurova – Candidate of Philology, Senior Researcher, Scientific Center of Bashkir Folklore, M. Aknulla Bashkir State Pedagogical University.

Вклад авторов

Г.Р. Камалова – концепция исследования; анализ материалов; подготовка и научное редактирование текста; формулировка методологических положений; итоговые выводы.

Ш.Р. Шакурова – сбор и систематизация материалов; обработка архивных данных; участие в анализе научного наследия Р.З. Шакурова; подготовка текста.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

G.R. Kamalova – researchh concept; analysis of materials; preparation and scientific editing of the text; formulation of methodological principles; final conclusions.

Sh.R. Shakurova – collection and systematization of materials; processing of archival data; participation in the analysis of the scientific heritage of R.Z. Shakurov; text preparation.

The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 26.05.2026; принята к публикации 03.06.2026.

The article was submitted 26.05.2026; accepted for publication 03.06.2026.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

**При подготовке статей в журнал
просим руководствоваться следующими правилами**

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Научный журнал «Вестник БГПУ им. М. Акмуллы» публикует статьи по следующим сериям:

- Естественные науки
- Филологические науки
- Социально-гуманитарные науки

Основным требованием к публикуемому материалу является соответствие его высоким научным критериям (актуальность, научная новизна и другое).

Авторский материал должен быть представлен в одном из следующих форматов:

- *Оригинальная (научно-исследовательская) статья (объем до 8 страниц)*

Представляет завершенные результаты *эмпирического* (экспериментального, аналитического, корпусного) или *теоретического исследования*, выполненного автором.

Структура: статья должна иметь четкую логическую структуру. Для *эмпирических* исследований рекомендуется схема IMRaD (Введение, методы, результаты и обсуждение, выводы). Для *теоретических* работ допустима более свободная, но аргументированная композиция (постановка проблемы, анализ концепций, аргументация, выводы).

- *Обзорная (аналитическая) статья (объем до 16 страниц)*

Содержит систематизированный анализ, синтез и критическое обобщение ранее опубликованных научных работ по конкретной, обычно узкой, теме.

Цель: выявление основных тенденций, школ, противоречий в развитии научного знания, оценка состояния проблемы и определение перспективных направлений для будущих исследований. Не является простым пересказом источников.

- *Краткое научное сообщение (объем до 3 страниц)*

Предназначено для оперативной публикации: предварительных (пилотных) результатов исследования; описания отдельного научного наблюдения, уникального случая (кейса) или находки; изложения нового метода или методики; краткой теоретической позиции или научной дискуссии.

Работы сопровождаются **аннотацией и ключевыми словами**. К статье молодых исследователей (студентов, магистрантов, аспирантов) следует приложить заключение научного руководителя о возможности опубликования её в открытой печати.

Все принятые к работе материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат». Допустимый уровень оригинальности текста научной статьи (за исключением правильно оформленных цитат, библиографических описаний и стандартных формулировок) составляет не менее 75%. Статьи, не соответствующие данному требованию, к рассмотрению не принимаются.

Всем авторам необходимо предоставить в редакцию отдельным файлом:

а) персональные данные по предложенной форме:

Фамилия Имя Отчество	
Место учебы / работы	
Должность	
Учёная степень	
Почтовый адрес (домашний)	
Факультет, курс, специальность	
Тел.: рабочий / мобил., дом.	
E-mail	
Тема работы	
Рубрика для публикации	

б) согласие на обработку персональных данных по форме (<https://bspu.ru/unit/251/docs> *Форма согласия субъекта ПДн на обработку ПДн БГПУ образец (1)*);

в) оформленная строго по требованиям научная статья;

г) заключение научного руководителя (студентам и аспирантам).

Название файла и письма должны соответствовать фамилии автора/ авторов, например, «**Иванов.doc**». Материалы отправляются по электронному адресу: vestnik.bspu@yandex.ru

РЕКОМЕНДУЕМАЯ СТРУКТУРА ПУБЛИКАЦИЙ

В начале статьи в левом верхнем углу на отдельной строке ставиться индекс УДК.

Далее данные идут в следующей последовательности:

1. Полное название статьи (прописными буквами по центру);
2. Фамилия, имя, отчество (полностью), наименование организации, где выполнена работа, город, страна, электронный адрес, ORCID;

3. Аннотация (содержит основные цели предмета исследования, главные результаты и выводы объёмом не менее 250 слов);

4. Ключевые слова (не более 15);

5. Данные для цитирования (фамилия, инициалы, название статьи, название журнала);

6. Пункты 1-5 на английском языке;

7. Текст публикации по структуре:

Введение:

- *актуальность темы;*

- *проблема, которую предстоит исследовать;*

- *степень разработанности (обзор литературы);*

- *цель и задачи;*

Методы:

- *теоретико-методологические основы и методы исследования (материалы, процедуры, участники; подробно описывается то, как проводилось исследование);*

Результаты исследования

(здесь максимально присутствуют таблицы, схемы, графики, математические выкладки.);

Обсуждение:

- *ответ на гипотезу;*

- *сопоставление с другими исследованиями;*

- *описание вклада в науку;*

Заключение:

- *выводы;*

- *возможные направления дальнейших исследований.*

8. Список источников (не менее 15), оформленная в соответствии с требованиями;

9. Транслитерация (Reference) с переводом названия источника;

10. Информация об авторе/ авторах на русском и английском языках.

11. Вклад авторов.

Отсутствие конфликта интересов.

Основные сведения об авторе содержат:

– имя, отчество, фамилию автора (полностью);

– наименование организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.);

– адрес организации (учреждения), её подразделения, где

работает или учится автор (город и страна);

– электронный адрес автора (e-mail);

– открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID – ORCID) (при наличии).

Адрес организации (учреждения), где работает или учится автор, может быть указан в полной форме.

Электронный адрес автора приводят без слова “e-mail”, после электронного адреса точку не ставят.

ORCID приводят в форме электронного адреса в сети «Интернет». В конце ORCID точку не ставят.

Наименование организации (учреждения), её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

Пример –

Сергей Юрьевич Глазьев

**Финансовый университет, Москва, Россия, serg1784@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>**

1. В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учёбы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений.

Пример –

Арник Ашотовна Асратян^{1, 2}

¹Национальный исследовательский центр эпидемиологии и микробиологии имени почетного академика Н.Ф. Гамалеи, Москва, Россия, zasratyan@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0003-1288-7561>

²Первый Московский государственный медицинский университет имени И.М. Сеченова (Сеченовский Университет), Москва, Россия

2. Если у статьи несколько авторов, то сведения о них приводят с учётом нижеследующих правил.

Имена авторов приводят в принятой ими последовательности.

Сведения о месте работы (учёбы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имён авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений¹⁾.

Пример –

**Пётр Анатольевич Коротков¹, Алексей Борисович Трубянов²,
Екатерина Андреевна Загайнова³**

¹Поволжский государственный технологический

*университет, Йошкар-Ола, Россия, korotp@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-0340-074X>*

*²Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия, true47@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2342-9355>*

*³Марийский государственный университет, Йошкар-Ола,
Россия, e.zagaynova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5432-7231>*

3. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводят один раз.

Пример –

Юлия Альбертовна Зубок¹, Владимир Ильич Чупров²

*^{1, 2}Институт социально-политических исследований,
Федеральный научно-исследовательский социологический
центр, Российская академия наук, Москва, Россия*

¹uzubok@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3108-261>

²chuprov443@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7881-9388>

После сведений обо всех авторах на отдельной строке в начале статьи.

Пример –

*Автор, ответственный за переписку: Иван Васильевич
Перов, ivp@mail.ru*

Corresponding author: Ivan V. Perov, ivp@mail.ru

4. Когда приводят электронный адрес только одного автора или данный автор указан отдельно как ответственный за переписку, электронные адреса других авторов приводят в дополнительных сведениях об авторах в конце статьи.

5. Сведения об авторе (авторах) повторяют на английском языке после заглавия статьи на английском языке. Имя и фамилию автора (авторов) приводят в транслитерированной форме на латинице полностью, отчество сокращают до одной буквы (в отдельных случаях, обусловленных особенностями транслитерации, – до двух букв).

Пример –

Sergey Yu. Glaz'ev

*Financial University, Moscow, Russia, serg1784@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>*

6. Дополнительные сведения об авторе (авторах) могут

содержать:

– полные имена, отчества и фамилии, электронные адреса и ORCID авторов, если они не указаны на первой полосе статьи (см. 4.9.2.2);

– учёные звания;

– учёные степени;

– другие, кроме ORCID, международные идентификационные номера авторов.

Дополнительные сведения об авторе (авторах) приводят с предшествующими словами «Информация об авторе (авторах)» (“Information about the author (authors)”) и указывают в конце статьи после «Списка источников».

Пример –

Информация об авторах

Ю.А. Зубок – доктор социологических наук, профессор;

В.И. Чупров – доктор социологических наук, профессор.

Information about the authors

Ju.A. Zubok – Doctor of Science (Sociology), Professor;

V.I. Chuprov – Doctor of Science (Sociology), Professor.

Пример –

Информация об авторе

С. Ю. Глазьев – д-р экон. наук, проф., акад. Рос. акад. наук.

Information about the author

S. Yu. Glaz'ev – Dr. Sci. (Econ.), Prof., Acad. of the Russ. Acad. of Sciences.

7. Аннотацию формируют по ГОСТ Р 7.0.99. Объем аннотации не превышает 250 слов. Перед аннотацией приводят слово «Аннотация» (“Abstract”).

Вместо аннотации может быть приведено резюме. Объем резюме обычно не превышает 250–300 слов.

8. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать её предметную, терминологическую область. Не используют обобщённые и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты.

Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 3 и больше 15 слов (словосочетаний). Их приводят, предваряя словами «Ключевые слова:» (“Keywords:”), и отделяют друг от друга запятыми. После ключевых слов точку не ставят.

Пример –
Книгоиздание России в 2019 г.
Галина Викторовна Перова¹, Константин Михайлович
Сухоруков²

^{1,2}Российская книжная палата, Москва, Россия

¹perova_g@tass.ru

²a-bibliograf@mail.ru

Аннотация. Авторы приводят основные статистические показатели отечественного книгоиздания за 2019 г., анализируя состояние выпуска печатных изданий и тенденции развития издательского дела в России.

Ключевые слова: издательское дело, статистика книгоиздания, Российская книжная палата, Россия

Publishing in Russia in 2019
Galina V. Perova¹, Konstantin M. Sukhorukov²
^{1,2}Russian Book Chamber, Moscow, Russia
¹perova_g@tass.ru
²a-bibliograf@mail.ru

Abstract. The authors provide the main statistics of the Russian book publishing in 2019, analyzing the output indicators of printed publications and trends in the publishing industry in Russia.

Keywords: publishing, publishing statistics, Russian Book Chamber, Russia.

9. После ключевых слов приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

Эти сведения приводят с предшествующим словом «Благодарности:». На английском языке слова благодарности приводят после ключевых слов на английском языке с предшествующим словом “Acknowledgments:”.

Пример –
Благодарности: работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 17-77-3019; авторы выражают благодарность Алексею Вадимовичу Зимину за предоставление данных о донной топографии в Белом море.

Acknowledgments: *the work was supported by the Russian Science Foundation, Project № 17-77-300; the authors are grateful to Aleksey V. Zimin for providing the bottom topography data of the White Sea.*

10. Знак охраны авторского права приводят по ГОСТ Р 7.0.1 внизу первой полосы статьи с указанием фамилии и инициалов автора (-ов) или других правообладателей и года публикации статьи.

Знак охраны авторского права приводят внизу первой полосы статьи с указанием фамилий и инициалов авторов и года публикации статьи.

© Олесова Е.И., 2022

или

© Левитская Н.Г., Бойкова О.Ф., Киян Л.Н., 2022.

11. Перечень затекстовых библиографических ссылок помещают после основного текста статьи с предшествующими словами **«СПИСОК ИСТОЧНИКОВ»**. Использование слов «Библиографический список», «Библиография» не рекомендуется.

12. В перечень затекстовых библиографических ссылок включают записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи.

Библиографическую запись для перечня затекстовых библиографических ссылок составляют по ГОСТ Р 7.0.5.

13. Отсылки на затекстовые библиографические ссылки оформляют по ГОСТ Р 7.0.5.

14. Библиографические записи в перечне затекстовых библиографических ссылок нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи. Список должен содержать не менее 15 названий источников.

15. Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице (**“REFERENCES”**) согласно выбранному стилю оформления перечня затекстовых библиографических ссылок, принятому в зарубежных изданиях: Harvard, Vancouver, Chicago, ACS (American Chemical Society), AMS (American Mathematical Society), APA (American Psychological Association) и др. (см. Приложение). Нумерация записей в дополнительном перечне затекстовых библиографических ссылок должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне затекстовых библиографических ссылок.

16. Пристатейный библиографический список помещают после перечня затекстовых ссылок с предшествующими словами «Библиографический список».

17. В пристатейный библиографический список включают записи на ресурсы по теме статьи, на которые не даны ссылки, а также записи на произведения лиц, которым посвящена статья.

Библиографическую запись для пристатейного библиографического списка составляют по ГОСТ 7.80, ГОСТ Р 7.0.100.

18. Библиографические записи в пристатейном библиографическом списке нумеруют и располагают в алфавитном или хронологическом порядке.

19. Приложение (приложения) к статье публикуют с собственным заглавием. В заглавии или подзаголовочных данных приложения приводят сведения о том, что данная публикация является приложением к основной статье.

При наличии двух и более приложений их нумеруют.

20. В статье могут быть внутритекстовые, подстрочные и затекстовые примечания.

21. Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках.

22. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи.

22. Затекстовые примечания помещают после основного текста статьи перед «Списком источников» с предшествующим словом «Примечания».

23. Затекстовые и подстрочные примечания связывают с текстом, к которому они относятся, знаками выноски или отсылки.

24. Внутритекстовые и подстрочные примечания, содержащие библиографические ссылки, составляют по ГОСТ Р 7.0.5.

25. При публикации статьи, переведённой с языка народов Российской Федерации или иностранного языка, а также при перепечатке статьи из другого источника в подстрочном примечании на первой полосе статьи приводят библиографическую запись на

оригинальную статью по ГОСТ 7.80, ГОСТ Р 7.0.100.

26. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» (“Contribution of the authors:”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

Пример –

Вклад авторов:

Артемяева С.С. – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

Митрохин В.В. – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Artemyeva S.S. – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

Mitrokhin V.V. – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

27. Сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов и детализацию такого конфликта в случае его наличия приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Если в статье приводят данные о вкладе каждого автора, то сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов указывают после них.

Пример –

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

ТРЕБОВАНИЯ К ТЕКСТОВОЙ ЧАСТИ СТАТЬИ

Текст статьи предоставляется в редакцию в виде файла с названием, соответствующим фамилии первого автора статьи в формате doc (текстовый редактор Microsoft Word 6.0 и выше), и должен отвечать нижеприведенным требованиям.

Компьютерную подготовку статей следует проводить посредством текстовых редакторов, использующих стандартный код ASCII (Multi-Edit, Norton-Edit, Lexicon), MS Word for Windows или (предпочтительно) любой из версий пакета TeX.

- Параметры страницы: формат – А4; ориентация – книжная; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2 см, правое – 2 см; размер страницы – 17 на 26.

- Шрифт Times New Roman; размер шрифта – 12 pt; межстрочный интервал – 1; отступ (абзац) – 1,25.

Следует различать дефис (-) и тире (–). Дефис не отделяется пробелами, а перед тире и после ставится пробел.

Перед знаком пунктуации пробел не ставится.

Кавычки типа « » используются в русском тексте, в иностранном – “ ”.

Кавычки и скобки не отделяются пробелами от заключенных в них слов, например: (при 300 К).

Все сокращения должны быть расшифрованы.

Подписи к таблицам и схемам должны предшествовать последним. Подписи к рисункам располагаются под ними и должны содержать четкие пояснения, обозначения, номера кривых и диаграмм. На таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте, при этом не допускается дублирование информации таблиц, рисунков и схем в тексте. Рисунки и фотографии должны быть предельно четкими (по возможности цветными, но без потери смыслового наполнения при переводе их в черно-белый режим) и представлены в формате *.jpg, *.eps, *.tif, *.psd, *.pcx. Желательно, чтобы рисунки и таблицы были как можно компактнее, но без потери качества. В таблице границы ячеек обозначаются только в «шапке». Каждому столбцу присваивается номер, который используется при переносе таблицы на следующую страницу. Перед началом следующей части в правом верхнем углу курсивом следует написать «*Продолжение табл. ...*» с указанием ее номера. Сложные схемы, рисунки, таблицы, формулы желательно привести на отдельном листе. Не допускается создание макросов Microsoft Word для создания графиков и диаграмм.

Расстояние между строками формул должно быть не менее 1 см.

Следует четко различать написание букв *n*, *h* и *u*; *g* и *q*; *a* и *d*; *U* и *V*; ξ и ζ ; *v*, ϑ и *v* и т.д. Прописные и строчные буквы, различающиеся только

своими размерами (*C* и *c*, *K* и *k*, *S* и *s*, *O* и *o*, *Z* и *z* и др.), подчеркиваются карандашом двумя чертами: прописные – снизу, строчные – сверху (P, p; S, s). Латинские буквы подчеркиваются волнистой чертой снизу, греческие – красным цветом, полужирные символы – синим.

Индексы и показатели степени следует писать четко, ниже или выше строки, и отчеркивать дужкой ($\underbrace{\quad}$ – для нижних индексов и $\overbrace{\quad}$ – для верхних) карандашом. Цифра 0 (нуль), а также сокращения слов в индексах подчеркиваются прямой скобкой – .

Употребление в формулах специальных, в частности, готических и русских букв, а также символов (например, *L*, *P*, *A*, *D*, *M*, *G*, *3*, *Z*, *P*, *R*, ∇ , $\oplus$, $\exists$ и др.) следует особо отмечать на полях рукописи.

Нумерация математических формул приводится справа от формулы курсивом в круглых скобках. Для удобства форматирования следует использовать таблицы из двух столбцов, но без границ. В левом столбце приводится формула, в правом – номер формулы.

Ссылки на математические формулы приводятся в круглых скобках курсивом и сопровождаются определяющим словом. Например: ... согласно уравнению (2) ...

Транскрипцию фамилий и имен, встречающихся в ссылке, необходимо по возможности представлять на оригинальном языке (преднамеренно не русифицируя), либо приводить в скобках иноязычный вариант транскрипции фамилии.

Список источников литературы оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5 в порядке цитирования. Литературный источник в списке литературы указывается один раз (ему присваивается уникальный номер, который используется по всему тексту публикации).

ОБРАЗЦЫ ОФОРМЛЕНИЯ ССЫЛОК НА ЛИТЕРАТУРУ

Общая схема библиографического описания:

КНИГА С ОДНИМ, ДВУМЯ или ТРЕМЯ АВТОРАМИ:
ЗАГОЛОВОК (фамилия, инициалы авторов) ОСНОВНОЕ
ЗАГЛАВИЕ
ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ (учеб. пособие)
СВЕДЕНИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ (И.О. Фамилия
редактора, составителя; университет)
СВЕДЕНИЯ ОБ ИЗДАНИИ (2-е изд., перераб. и доп.)
МЕСТО ИЗДАНИЯ (Москва, Новосибирск)
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГОД ИЗДАНИЯ.
КОЛИЧЕСТВО СТРАНИЦ.

Если нет какой-либо области описания – пропускаем.

Примеры:

Книга с одним автором:

Росляков А.В. ОКС №7: архитектура, протоколы, применение. Москва: ЭкоТрендз, 2010. 315 с.

Книга с двумя авторами:

Ручкин В.Н., Фулин В.А. Архитектура компьютерных сетей. Москва: ДИАЛОГ-МИФИ, 2010. 238 с.

Книга с тремя авторами:

Тарасевич Л.С., Гребенников П.И., Леусский А.И. Макроэкономика: учебник. Москва: Высш. образование, 2011. 658с.

Максименко В.Н., Афанасьев В.В., Волков Н.В. Защита информации в сетях сотовой подвижной связи / под ред. О.Б. Макаревича. Москва: Горячая линия-Телеком, 2009. 360 с.

Книга с четырьмя и более авторами: Описание начинается с ОСНОВНОГО ЗАГЛАВИЯ. В сведениях об ответственности указываются либо все авторы, либо первый автор с добавлением в квадратных скобках сокращения "и другие" [и др.]

1. История России в новейшее время: учебник / А.Б. Безбородов, Н.В. Елисеева, Т.Ю. Красовицкая, О.В. Павленко. Москва: Проспект, 2014. 440с.

или

1. История России в новейшее время: учебник / А.Б. Безбородов [и др.]. Москва: Проспект, 2014. 440 с.

Книга без автора:

Страхование: учебник / под ред. Т.А. Федоровой. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Магистр, 2011. 106 с.

Многотомное издание:

Экономическая история мира. Европа. Т. 3 / под общ. ред. М.В. Конотопова. Москва: Издат.-торг. корпорация «Дашков и К», 2012. 350 с.

Учебное пособие вуза:

Заславский К.Е. Оптические волокна для систем связи : учеб. пособие / Сиб. гос. ун-т телекоммуникаций и информатики.

Новосибирск, 2008. 96 с.

или

Заславский К.Е. Оптические волокна для систем связи: учеб. пособие. Новосибирск: СибГУТИ, 2008. 96 с.

Нормативные документы:

Типовая инструкция по охране труда для пользователей персональными электронно-вычислительными машинами (ПЭВМ) в электроэнергетике: РД 153-34.0-03.298-2001. Введ. с 01.05.2001. М., 2002. 91с.

ГОСТ 7.80-2000. Библиографическая запись. Заголовок. Общие требования и правила составления. Введ. 2001-07-01. М., 2000. 7с.

Общая схема описания статей из журналов:

Фамилия И.О. автора статьи. Название статьи // Название журнала. Год. №. С.

Статья с одним автором:

Волков А.А. Метод принудительного деления полосы частот речевого сигнала // Электросвязь. 2010. № 11. С. 48-49.

Статья с тремя авторами:

Росляков А., Абубакиров Т., Росляков Ал. Системы поддержки операционной деятельности провайдеров услуг VPN // Технологии и средства связи. 2011. № 2. С. 60-62.

Статья с четырьмя и более авторами:

Сверхширокополосные сигналы для беспроводной связи / Ю.В. Андреев, А.С. Дмитриев, Л.В. Кузьмин, Т.И. Мохсени // Радиотехника. 2011. № 8. С. 83-90.

Общая схема описания электронного документа:

ЗАГОЛОВОК (фамилия, инициалы авторов) ОСНОВНОЕ ЗАГЛАВИЕ

ОБЩЕЕ ОБОЗНАЧЕНИЕ МАТЕРИАЛА [Электронный ресурс]

СВЕДЕНИЯ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ЗАГЛАВИЮ : справочник

СВЕДЕНИЯ ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ / под ред. И.И. Бун

МЕСТО ИЗДАНИЯ ГОРОД

ИМЯ ИЗДАТЕЛЯ

ДАТА ИЗДАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Смирнов А.И. Информационная глобализация и Россия

Сборник задач по аналитической геометрии и линейной алгебре [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Л.А. Беклемишева [и др.]; под ред. Д.В. Беклемишева. Электрон. текстовые дан. Изд. 3-е, испр. СПб.: Лань, 2008. URL: <http://e.lanbook.com/view/book/76/>

Ссылки внутри текста

Затекстовые библиографические ссылки:

В конце абзаца текста в квадратных скобках [3, с. 25]

3 – номер источника в списке литературы с. 25 – номер страницы.

Статьи, оформленные с нарушением перечисленных выше правил, редакцией не рассматриваются.

Образец:

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 81'38

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Иван Иванович Иванов¹, Иван Иванович Сидоров²

^{1,2}*Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы, Уфа, Россия*

¹*ivanov@mail.ru*

²*nova8@mail.ru*

*Автор, ответственный за переписку: Иван Иванович Иванов,
ivanov@mail.ru*

Аннотация. В статье проводится стилистический анализ повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка», исследуются уникальные стилистические особенности произведения. Анализ текста с точки зрения языковых и стилистических приемов позволяет раскрыть особенности художественного исполнения и языкового мастерства. Исследование фокусируется на использовании лексических оборотов, фразеологизмов, художественных приемов, а также на роли стилистики в создании образов. Результаты анализа помогают более глубоко понять и оценить вклад А.С. Пушкина в развитие русской литературы, а также выдвинуть новые исследовательские гипотезы относительно структуры и смысла «Капитанской дочки»... (не менее 250 слов).

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Капитанская дочка», стилистический прием, языковое мастерство, повесть

Для цитирования: Иванов И.И., Сидоров И.И. Стилистическое своеобразие повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы. Серия: Филологические науки. 2024. №1. С.

LITERARY STUDIES

Original article

THE STYLISTIC UNIQUENESS OF THE NOVELLA "THE CAPTAIN'S DAUGHTER" BY A.S. PUSHKIN

Ivan I. Ivanov¹, Ivan I. Sidorov²

^{1,2} *Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla, Ufa, Russia*

¹ *ivanov@mail.ru*

² *nova8@mail.ru*

Corresponding author: Ivan I. Ivanov, ivanov@mail.ru

Abstract. The article presents a stylistic analysis of Alexander Pushkin's novella "The Captain's Daughter," exploring its unique stylistic features. Analyzing the text from the perspective of language and stylistic devices helps reveal the artistic execution and linguistic mastery of the work. The study focuses on the use of lexical expressions, phraseology, artistic techniques, and the role of stylistics in character creation. The results of the analysis aid in a deeper understanding and appreciation of Alexander Pushkin's contribution to the development of Russian literature, as well as in proposing new research hypotheses regarding the structure and meaning of "The Captain's Daughter." ... (не менее 250 слов).

Keywords: Alexander Pushkin, The Captain's Daughter, stylistic device, linguistic mastery, novella

For citing: Ivanov I.I., Sidorov I.I. Stylistic uniqueness of Alexander Pushkin's novella "The Captain's Daughter" // Bulletin of Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmully. Series: Philological Sciences. 2024. №1. pp.

Структура текста:

Введение:

- актуальность темы;
- проблема, которую предстоит исследовать;
- степень разработанности (обзор литературы);
- цель и задачи;

Методы:

- теоретико-методологические основы и методы исследования (материалы, процедуры, участники; подробно описывается то, как проводилось исследование);

Результаты исследования

(здесь максимально присутствуют таблицы, схемы, графики, математические выкладки.);

Обсуждение:

- ответ на гипотезу;
- сопоставление с другими исследованиями;
- описание вклада в науку;

Заключение:

- выводы;
- возможные направления дальнейших исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (не менее 15)

1. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л., 1971.
2. Ахмеров Р.Б. Наскальные знаки и этнонимы башкир. – Уфа: Китап, 1994. – 112 с: ил. ISBN 5-295-01493-2 (Из записок историка-краеведа).
3. Башкорт халык ижады. 5-се том. Тарихи кобайырзар, хикәйттәр, иртәктәр. / Төзөүсе, инеш мәкәлә, коммент., глоссарий авторы Н.Т. Зарипов. Яуаплы редактор З.Ф. Ураксин. – Өфө, 2000. – 391 б.
4. Башкорт халык ижады. XIII т. Хайуандар тураһында әкиәттәр / Төз, баш һүз авторы Г.Р. Хөсәйенова, аңл. авт-ры Л.Г. Бараг, М.М. Мингажетдинов, Г.Р. Хөсәйенова. – Өфө: Китап, 2009. – 200 б.
5. Башкорт халык ижады. Әкиәттәр III ҡитап / Төз. Н.Т. Зарипов, М.М. Мингажетдинов, аңл. авт.-ры Л.Г. Бараг, Н.Т. Зарипов. – Өфө: Башҡитап нәшриәте, 1978, – 351-се б.
6. Башкорт халык ижады. Йола фольклоры / Төз., инеш һүз, аңл. авт-ры Ә. Сөләймәнов, Р. Солтангәрәева. – Өфө, Китап: 1995. – 556 б.
7. Башкорт халык ижады. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр. Беренсе ҡитап / Төз., башһүз, аңлатм. авторы. Ф.А. Нәзершина. – Өфө: Китап, 2006. – 544 б.
8. Башкорт халык ижады. Т.5. Тарихи кобайырзар, хикәйттәр, иртәктәр/ Төзөүсе, инеш мәкәлә, коммент., глоссарий авторы Н.Т. Зарипов. Яуаплы редактор З.Ф. Ураксин. – Өфө, Китап, 2000. 5-се том, 391 С.
9. Берёзкин Ю.Е. Реконструкция сюжета создания человека у степных индоевропейцев // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. – СПб.: ИИМК РАН. «Периферия». Ред. коллегия. 2012. кн. 2. – 584 с.
10. В преддверии философии: духовные искания древнего человека Г. Франкфорт, Г.А. Франкфорт, Дж. Уилсон, Т. Якобсен. – СПб.: Амфора, 2001. – 314 с
11. Захарова А.Е. Архаическая ритуально-обрядовая символика народа Саха. – Новосибирск: Наука, 2004. – 312с.
12. Инан А. Шаманизм тарихта һәм бөгөн. – Өфө: Китап, 1998, 223 б.
13. Куканова В.В. Архаические представления о ветре в калмыцком фольклоре: междисциплинарный подход / В.В. Куканова // Новый филологический вестник. – 2021. – № 2(57). – С. 371-391. – DOI 10.24411/2072-9316-2021-00058. – EDN LZFRJY.

14. Петров А.М. Образы воздушной стихии в русском религиозном фольклоре / А. М. Петров // Религиоведение. – 2022. – № 4. – С. 93-99. – DOI 10.22250/20728662_2022_4_93. – EDN DPLAQW.

15. Султангареева Р.А. Башкирский фольклор: семантика, функции и традиции. Т.2. Календарный фольклор: миф и ритуал. – Уфа: Башк. энцикл., 2019. – 296 с.

REFERENCES

Список источников в конце статьи представляется в транслитерации (с переводом в квадратных скобках [] названия источника на английский язык).

1. Abramzon S.M. Kirgizy i ih etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi [Kyrgyz people and their ethnogenetic, historical and cultural ties]. – L., 1971.

2. Ahmerov R.B. Naskal'nye znaki i etnonimy bashkir [Rock signs and ethnonyms of Bashkirs]. – Ufa: Kitap, 1994. – 112 s: il. ISBN 5-295-01493-2 (Iz zapisok istorika-kraevedy).

3. Bashkort halyk izhady. 5-se tom. Tarihi kobajyrzar, hikəjəttər, irtəktər [Bashkir folk art. Volume 5. Historical kubairs, legends, tales] / Təzəyşe, inesh məkələ, komment., glossarij avtory N.T. Zaripov. YAuply redaktor Z.F. Uraksin. – Əfə, 2000. – 391 b.

4. Bashkort halyk izhady. XIII t. Hajuandar turahynda əkiəttər [Bashkir folk art. XIII vol. Animal Tales] / Təz, bash hüz avtory G.R. Həsəjenova, aql. avt-ry L.G. Barag, M.M. Mingazhetdinov, G.R. Həsəjenova. – Əfə: Kitap, 2009. – 200 b.

5. Bashkort halyk izhady. Əkiəttər III kitap [Bashkir folk art. Fairy Tales book III] / Təz. N.T. Zaripov, M.M. Minhazhetdinov, aql. avt-ry L.G. Barag, N.T. Zaripov. – Əfə: Bashkitap nəshriəte, 1978, – 351-se b.

6. Bashkort halyk izhady. Jola fol'klory [Bashkir folk art. Ritual folklore] / Təz., inesh hüz, aql. avt-ry Ə. Sələjmənov, R. Soltangərəeva. – Əfə, Kitap: 1995. – 556 b.

7. Bashkort halyk izhady. Məkəldər həm əjtemdər. Berense kitap [Bashkir folk art. Proverbs and sayings. The first book] / Təz., bashhüz, aqlatm. avtory F.A. Nəzershina. – Əfə: Kitap, 2006. – 544 b.

8. Bashkort halyk izhady. T.5. Tarihi kobajyrzar, hikəjəttər, irtəktər [Bashkir folk art. Vol. 5. Historical kubairs, tales, tales] / Təzəyşe, inesh məkələ, komment., glossarij avtory N.T. Zaripov. YAuply redaktor Z.F. Uraksin. – Əfə, Kitap, 2000. 5-se tom, 391 s.

9. Beryozkin YU.E. Rekonstrukciya syuzheta sozdaniya cheloveka u stepnyh indoevropceev [Reconstruction of the plot of human creation among the steppe Indo-Europeans] // Kul'tury stepnoj Evrazii i ih

vzaimodejstvie s drevnimi civilizacijami. – SPb.: IIMK RAN. «Periferiya». Red. kollegiya. 2012. kn. 2. – 584 s.

10. V preddverii filosofii: duhovnye iskanija drevnego cheloveka G. Frankfort, G.A. Frankfort, Dzh. Uilson, T. Yakobsen [On the threshold of philosophy: the spiritual quest of ancient man G. Frankfort, G.A. Frankfort, J. Wilson, T. Jacobsen]. – SPb.: Amfora, 2001. – 314 s

11. Zaharova A.E. Arhaicheskaya ritual'no-obryadovaya simbolika naroda Saha [Archaic ritual and ceremonial symbols of the Sakha people]. – Novosibirsk: Nauka, 2004. – 312s.

12. Inan A. SHamanizm tarihta ham bogen [Shamanism in history and today]. – Æfə: Kitap, 1998, 223 b.

13. Kukanova V.V. Arhaicheskie predstavleniya o vetre v kalmyckom fol'klore: mezhdisciplinarnyj podhod [Archaic ideas about the wind in Kalmyk folklore: an interdisciplinary approach] / V.V. Kukanova // Novyj filologicheskij vestnik. – 2021. – № 2(57). – S. 371-391. – DOI 10.24411/2072-9316-2021-00058. – EDN LZFRJY.

14. Petrov A.M. Obrazy vozdushnoj stihii v russkom religioznom fol'klore [Images of the air element in Russian religious folklore] / A.M. Petrov // Religiovedenie. – 2022. – № 4. – S. 93-99. – DOI 10.22250/20728662_2022_4_93. – EDN DPLAQW.

15. Sultangareeva R.A. Bashkirskij fol'klor: semantika, funkcii i tradicii. T.2. Kalendarnyj fol'klor: mif i ritual [Bashkir folklore: Semantics, functions and traditions. Vol. 2. Calendar folklore: myth and ritual]. – Ufa: Bashk. encikl., 2019. – 296 s.

Информация об авторах

И.И. Иванов – аспирант;

И.И. Сидоров – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – graduate student;

I.I. Sidorov – Candidate of Science (Philology), Associate Professor.

Вклад авторов

И.И. Иванов – сбор материала, обработка материала;

И.И. Сидоров – научное редактирование текста; концепция исследования;

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors

I.I. Ivanov – scientific editing of the text; research concept;

I.I. Sidorov – data collection, data processing;

The authors declare no conflict of interest.

*Статья поступила в редакцию 00.00.2024; принята к публикации
00.00.2024.*

The article was submitted 00.09.2024; accepted for publication 00.00.2024.

**ВЕСТНИК
БАШКИРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. М. АКМУЛЛЫ**

16 +

Серия: Филологические науки.

**Редакция не всегда разделяет мнение авторов.
Статьи публикуются в авторской редакции.**

Подписано в печать: 15.03.2026 г.

Формат 70×108/16

Бумага офсетная.

Гарнитура Times New Roman

Усл. печ. л. 00,00

Уч-изд. л. 00,00

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в ИП Копыльцов П.И.

394052, Воронежская область, г. Воронеж, ул. Маршала

Неделина, д. 27, кв. 56.

Тел.: 89507656959. E-mail: Kopyltsow_Pavel@mail.ru

Бесплатно.